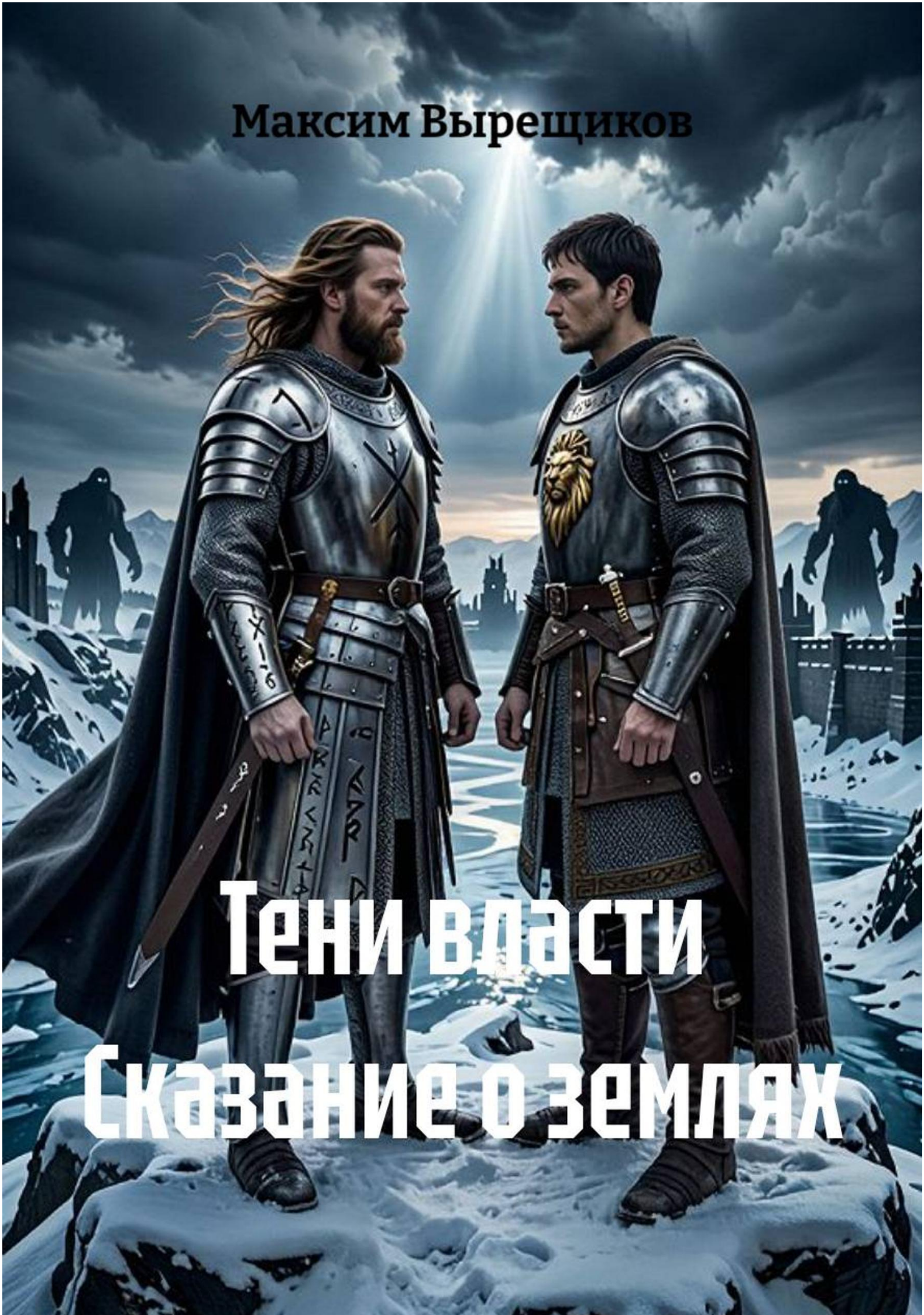
Максим Вырещиков

Тени власти

Сказание о землях

Максим Вырещиков

Тени власти Сказание о землях

«Автор»
2026

Вырещиков М.

Тени власти Сказание о землях / М. Вырещиков — «Автор», 2026

Королевство Масс и весь континент Валингтор оказываются на грани гибели из-за пробуждения древнего зла — Короля Мрака и Холода, порабощающего разум великанов. Чтобы противостоять этой угрозе, короли Эрвин Рагнидиел и Курак из Филии заключают беспрецедентный союз не только с людьми Севера и рыцарскими орденами, но и с самими великанами, отправляясь в их ледяную цитадель для поиска истины. На фоне надвигающейся глобальной войны за выживание в столице Ардессе зреет внутренний заговор, где брат короля Элар и мастер рыцарей Грегор Талин плетут интриги ради объединения всех земель под единой железной короной.

© Вырещиков М., 2026
© Автор, 2026

Максим Вырещиков
Тени власти Сказание о землях

Глава 1. Тени над Валингтором

Валингтор встречал весну сурово. Северные ветра, ещё пропитанные зимним холодом, гнали по равнинам тяжёлые облака. На побережье Лаков ледяные волны разбивались о скалы, а в землях Пранов уже робко распускались первые цветы. Но в сердце королевства Массов, в древней столице Ардессе, весна не приносила ни радости, ни надежды.

В этот день в Большом зале дворца собрались все великие рода. Под сводами, украшенными гербами Лаков, Талинов, Баров, Пранов и Рагнидиелов, витал запах тревоги и предчувствия перемен. Старый король Рагнидиел, властитель Массов, лежал на смертном одре, и каждый знал: скоро начнётся новая игра за трон.

Эрвин Рагнидиел, молодой наследник, стоял у высокого окна, глядя на серое небо. Его сердце сжималось от страха и ответственности. Он знал: после смерти отца ему придётся не только удержать корону, но и доказать свою силу перед лицом врагов — как явных, так и скрытых. Он вспоминал уроки отца:

«Король не должен бояться одиночества. Король — это огонь, вокруг которого собираются все остальные».

Но сейчас Эрвин чувствовал себя скорее искрой, чем пламенем.

В соседней комнате, где пахло ладаном и лекарственными травами, старый король лежал с закрытыми глазами. Его дыхание было прерывистым, а рука — холодной. Вокруг стояли

советники, жрецы Единого Бога и рыцари Единого Стола. Эрвин подошёл ближе, опустился на колени и взял отца за руку.

— Ты готов, сын? — голос короля был слаб, но твёрд.

— Я постараюсь быть достойным, — прошептал Эрвин.

— Не старайся. Будь. И помни: твоя кровь — это огонь.

Король слабо улыбнулся, и в этот момент Эрвин почувствовал, как на его плечи ложится тяжесть всей страны.

В Большом зале, под мозаичными окнами, уже собирались главы великих родов.

Лиара Лак, дочь северного лорда, наблюдала за собравшимися. Её взгляд был холоден и внимателен. Она видела, как посланники Баров перешёптываются с Пранами, как рыцари Единого Стола в золотых доспехах стоят поодаль, словно не желая вмешиваться в чужие интриги. Рядом с Лиарой стоял её брат Тарен — высокий, с суровым лицом и мечом на боку. Лаки всегда были чужаками при дворе, но именно сейчас их северная кровь могла стать решающей.

— Ты чувствуешь это? — тихо спросил Тарен, не отрывая взгляда от зала.

— Чувствую, — ответила Лиара. — Здесь пахнет страхом и жадностью. И кровью.

В зале мелькали фигуры:

Мариэла Бар — молодая леди с хитрым взглядом, уже строящая свои планы;

Селена Пран — наследница рода Пранов, в чёрном платье, украшенном магическими символами;

Сир Грегор Талин — мастер рыцарей Единого Стола, наблюдающий за всеми с суровой невозмутимостью;

Варен из ераков — посол Свободных Стальных Островов, облачённый в синий плащ и серебряные украшения.

Каждый ждал, когда король сделает последний вдох

В одном из боковых коридоров дворца Далрен Лак, средний сын северного лорда, вёл тихий разговор с представителем Баров.

— Ты уверен, что твой брат поддержит нас? — спросил посланник Баров.

— Мой брат воин, а я — дипломат, — усмехнулся Далрен. — Север не любит перемен, но если вы предложите достаточно, Лаки могут стать вашими союзниками.

В другом конце зала Мариэла Бара обменивалась взглядами с Селеной Пран.

— Думаешь, новый король удержит трон? — прошептала Мираэла.

— Если удержит, то только с нашей помощью, — ответила Селена, её пальцы скользили по серебряной подвеске с рунами.

За стенами дворца Ардесса жила своей жизнью, полной тревоги и ожидания.

В порту, где пахло солью и мокрым деревом, стояли корабли Лаков. Их паруса были сшиты из плотной синей ткани, украшены серебряными символами морской богини Тализа. На палубах суетились матросы, готовя суда к отплытию.

Эльдар Лак, младший из братьев, стоял на корме флагманского корабля, наблюдая, как наездники водных змеев готовят своих чудовищ к патрулю. Вода вокруг судна бурлила — из глубины поднимались длинные, гибкие силуэты.

— Сегодня мы идём вдоль северного берега, — говорил Эльдар, обращаясь к своим людям. — Если пираты Каранисы появятся — мы встретим их раньше, чем они успеют высадиться.

Один из наездников, юноша с белыми волосами, нервно поправил ремни на седле змея:

— Говорят, прошлой ночью видели чёрные паруса у мыса.

— Пусть попробуют подойти, — усмехнулся Эльдар. — Наши змеи голодны.

В тавернах южного квартала

В тёмных залах таверн, где пахло дымом и пряностями, капитан Редрик Каранис собирал свою банду. Его голос был громким, а взгляд — опасным.

— Кто со мной — получит золото и славу! Кто против — пусть уходит сейчас!

Вокруг него собрались самые отчаянные: бывшие солдаты, беглые рабы, авантюристы и просто голодные до наживы.

— На этот раз мы возьмём не только деревни, — говорил Редрик, — но и караван Баров, что идёт вдоль побережья. Даркнес платит за такие трофеи щедро.

В углу сидел человек в красном плаще — эмиссар Барадиелов. Он слушал, не вмешиваясь, и только изредка кивал, будто отмечая что-то важное.

На севере вдали от столицы, в ледяных лесах, орден Белой Совы готовился к ночному дозору.

В одной из крепостей, вырубленной прямо в скале, командир ордена — женщина с седыми волосами и стальным взглядом — отдавал приказы:

— Северные племена снова двинулись к реке Тарг. Мы держим заставу до последнего. Если понадобится — отступаем к второй крепости.

Воины в белых плащах и лёгких доспехах готовили луки, проверяли стрелы и обменивались короткими фразами.

— Говорят, среди племён появился новый шаман, — шепнул один из дозорных.

— Пусть хоть сам ледяной дух придёт, — отрезала командир. — Мы не отступим.

В Даркнесе в далёкой Галтипии, в залах города Даркнес, совет купцов собирался на ночное заседание.

— Время пришло, — говорил глава совета, — королевство Массов вот-вот ослабнет. Наши караваны должны быть первыми на новых землях.

— Несломленные готовы, — отозвался командир армии. — Дайте приказ — и мы двинемся хоть на север, хоть на запад.

В этот же вечер, в одном из тёмных переулков, встретились два человека: вождь крупного сагавара и посланник Барадиелов.

— Если вы поддержите наш поход, — говорил посланник, — мы поделим добычу.

— Сначала докажите, что ваши слова чего-то стоят, — ответил вождь. — Сагавары не продаются за пустые обещания.

Вечер опустился на Ардессу, и над городом повисла тревожная тишина. В этот час, когда последние лучи солнца скользили по башням дворца, в покоях короля собрались советники и жрецы. Старый Рагнидиел сделал свой последний вдох.

Жрец в белых одеждах поднял руку и торжественно произнёс:

— Король ушёл к Единому Богу.

В этот миг Эрвин почувствовал, как на него устремились десятки взглядов. Кто-то смотрел с уважением, кто-то — с завистью, а кто-то — с откровенной ненавистью. Он сделал шаг вперёд, стараясь не выдать дрожи в голосе:

— Я, Эрвин Рагнидиел, принимаю корону Массов и клянусь защищать королевство, как завещал мой отец.

В ответ — молчание. Только Лиара Лак кивнула ему едва заметно, а Тарен сжал рукоять меча крепче.

Вскоре после похорон короля в тронном зале собрался совет. За длинным столом сидели главы великих родов, рыцари Единого Стола, послы и советники.

— Время скорби, но и время решений, — начал сэр Грегор Талин, мастер рыцарей. — Северные племена усиливают набеги, на юге пираты Каранисы захватили три деревни. Мы должны действовать сообща.

— Или каждый за себя, — холодно заметила Мираэль Бара. — Ваша сила, молодой король, будет проверена не только врагами, но и друзьями.

— Лаки готовы защищать север, — твёрдо сказал Тарен Лак. — Но мы требуем права голоса в военном совете и доли в новых землях, если они будут отвоёваны.

— Баров интересует торговля, а не война, — вмешался лорд Бар. — Но если кто-то посягнёт на наши караваны, мы ответим.

— А что скажет король? — спросила Селена Пран, её голос звучал мягко, но в глазах плясали тени.

Эрвин поднялся:

— Я не позволю разорвать королевство на части. Каждый род важен, но Массов — единое целое. Я готов слушать, но решения буду принимать сам.

В зале зашептались. Кто-то улыбнулся, кто-то нахмурился. Совет начался.

В этот момент в зал ворвался гонец в плаще, покрытом инеем.

— Нападение! — крикнул он, едва переводя дыхание. — Северные племена прорвали заставу у реки Тарг! Орден Белой Совы держит оборону, но им нужна помощь!

Тарен вскочил:

— Я поведу отряд на север. Лаки не оставят своих людей.

— Я отправлю Несломленных, — неожиданно сказал посол Даркнесса. — За плату, разумеется.

— Мы тоже не останемся в стороне, — добавил сир Грегор Талин.

Эрвин кивнул:

— Пусть север увидит, что король не боится войны.

Вечером Эрвин вышел на балкон. Над городом кружил дракос — огромная птица с пламенными крыльями. Она была символом его рода, но и напоминанием о том, что власть — это не только честь, но и опасность.

— Ты готов, Эрвин? — раздался голос за спиной. Это был его младший брат, Арден, всегда тянувшийся к магии и тайнам.

— Я должен быть готов, — тихо ответил Эрвин. — Иначе нас всех сожгут — или враги, или собственные амбиции.

Дракос взмыл выше, оставляя в небе огненный след. Впереди была ночь, полная тревог и надежд.

Если хочешь, могу добавить эпилог главы, сцену на севере или показать, как герои готовятся к битве. Напиши, что интересно!

В ту же ночь, когда над Ардессой в последний раз прозвучал траурный колокол, город не спал. В переулках шептались о переменах, в трактирах спорили о будущем, а в тёмных комнатах строились заговоры.

В северной крепости Орден Белой Совы готовился к бою. Снег хрустел под сапогами, факелы отбрасывали длинные тени на стены. Командир ордена, женщина с седыми волосами, стояла на башне и смотрела в темноту, где за лесом мерцали костры племён.

— Сегодня мы держим рубеж, — сказала она своим воинам. — За Массы, за север, за справедливость.

В порту Эльдар Лак и его наездники на водных змеях готовили ночной патруль. Вода светилась в лунном свете, змеи нетерпеливо извивались у причалов.

— Сегодня мы не дадим пиратам пройти, — твёрдо сказал Эльдар. — Пусть знают: море принадлежит Лакам.

В Даркнесе, за сотни миль от столицы, совет купцов обсуждал, как воспользоваться смутой. Несломленные готовились к походу, а в тени залов шептались о тайных союзах с сагаварами и Барадиелами.

В Галтипии, в степях, вождь крупного сагавара смотрел на звёзды и думал о войне. Его народ ждал сигнала — и этот сигнал мог прийти в любую ночь.

А в Ардессе Эрвин Рагнидиел не спал. Он стоял у окна, глядя на город, где каждый огонёк мог быть началом новой интриги или заговора. В небе над дворцом кружил дракос — символ его рода и напоминание о том, что теперь вся страна лежит на его плечах.

Впереди была буря. И никто не знал, кто выйдет из неё победителем.

Глава 2. Северный зов

Север встретил Лаков ледяным ветром и тяжёлым небом. Дорога от столицы до родовых земель была долгой и тревожной: караван лордов, их свиты и воинов двигался по заснеженным равнинам, где вьюга стелилась по земле, а вдалеке мерцали огни сторожевых башен.

Лиара Лак ехала впереди, в меховом плаще поверх синих доспехов. Рядом с ней — братья: Эльдар, молчаливый и сосредоточенный, и Тарен, всегда готовый к шутке даже в самый мрачный час. За ними — лорды вассальных домов, каждый со своим знаменем: серебряные рыбы, морские волки, синие стрелы, чёрные чайки. Их сопровождали наездники змеев — в лёгких доспехах с чешуёй, и пешие воины с гарпунами и длинными копьями.

Дорога шла вдоль замёрзших рек и скалистых берегов, где в тумане маячили силуэты дозорных башен. По ночам у костров обсуждали последние вести: смерть короля, тревоги в столице, слухи о движении северных племён и о том, что пираты Каранисы вновь появились на горизонте.

— В столице все ждут, что север дрогнет, — сказал однажды Эльдар, глядя в огонь. — Но они забывают: мы держим рубежи не ради трона, а ради своих земель.

— И ради памяти предков, — добавила Лиара. — Пока мы вместе, север не падёт.

Когда караван наконец достиг родовых земель, путников встретил ледяной ветер и ревущее море. Крепость Лаков, вырубленная в скале, возвышалась над обрывом, словно страж, охраняющий край света. Её башни были покрыты инеем, а стены — следами былых битв. Ворота распахнулись, и навстречу хозяевам вышли старейшины, жрецы Тализы и капитаны кораблей.

Во дворе крепости кипела жизнь:

- морские пехотинцы тренировались на площадке,

- наездники змеев кормили своих питомцев — огромных, гибких, покрытых серебристой чешуёй,

- кузнецы точили мечи и латали доспехи,

- женщины и дети встречали воинов хлебом и солью.

Лиара спешилась первой, сняла перчатку и коснулась камня ворот — древний обычай, чтобы дом принял возвращающегося.

— Домой, — тихо сказала она, и в этот миг почувствовала, как тревога, накопившаяся в столице, уходит, уступая место спокойствию и силе.

Вечером, когда стены крепости согрелись от огней и в большом зале уже накрывали столы для пира, к Лиаре подошёл посланник. Его лицо было усталым, а на плаще — следы долгой дороги и инея.

— Госпожа, — поклонился он, — я прибыл из северной заставы. Племена двинулись на наши земли. Их разведчики уже у реки Тарг, а основные силы движутся вдоль побережья. Они идут быстро, с семьями и скотом — это не просто набег, это переселение.

В зале воцарилась тишина. Лорды переглянулись, кто-то сжал рукоять меча, кто-то — кубок.

— Сколько их? — спросил Эльдар, подойдя ближе.

— Много, — ответил посланник. — У них новые вожди, и шаманы, каких мы не видели прежде. Они говорят, что пришло время вернуть север.

Лиара поднялась, её голос прозвучал твёрдо:

— Север не отдаёт своих земель без боя. Пусть готовят стены, пусть флот будет наготове. Мы встретим их так, как встречали всегда — сталью, волей и морем.

Старейшина храма Тализы поднял руку:

— Пусть каждый дом выставит воинов. Пусть наездники змеев будут готовы к вылазкам. Мы не дадим врагу ступить на наши берега.

В этот вечер пир был коротким. Лорды и капитаны ушли готовить дружины, кузнецы — точить оружие, а жрецы Тализы — молиться у алтаря, чтобы море стало союзником в грядущей битве.

Ночью Лиара долго не могла уснуть. Она стояла у окна, глядя на чёрное море и слушая, как ветер стучит в ставни. В её сердце боролись тревога и решимость. Она знала: завтра начнётся новая глава в истории

Утро в крепости Лаков началось с тревожного гудка рога на стенах. С дозорной башни заметили приближающийся отряд — не врагов, а союзников. По заснеженной дороге к воротам двигались рыцари Единого Стола: их доспехи сияли золотом даже в сером северном свете, а на щитах — герб королевства: дракос, охваченный пламенем.

Во главе отряда ехал сир Грегор Талин, мастер рыцарей. Его сопровождали лучшие воины столицы, а за ними — обоз с провиантом, оружием и письмом от молодого короля Эрвина Рагнидиела.

Во дворе крепости рыцари выстроились в ровный строй. Старый лорд Лак, отец Лиары, вышел им навстречу, опираясь на посох, но с прямой спиной и холодным взглядом.

Сир Грегор спешился и склонил голову:

— По воле короля мы прибыли в помощь северу. Эрвин Рагнидиел велит держать рубежи любой ценой и клянётся, что если север падёт, он сам придёт на помощь.

Лорд Лак кивнул, принимая союзников:

— Север помнит, кто держал слово в трудный час. Ваши люди будут стоять на стенах рядом с нашими.

Лиара наблюдала за встречей с балкона. Она видела, как рыцари Единого Стола с уважением смотрят на воинов Лаков, а северяне — с любопытством и осторожностью на столичных гостей. В этот момент она поняла: северу предстоит не только битва с племенами, но и испытание единством.

В тот же день начались приготовления к обороне.

- Рыцари заняли позиции на стенах, обучая северян новым построениям и делясь опытом осадных боёв.

- Наездники змеев патрулировали побережье, готовясь к внезапным вылазкам.

- Кузнецы работали без устали, укрепляя ворота и куют новые гарпуны для морских боёв.

В большом зале старый лорд Лак собрал совет:

— Враг близко. У них шаманы и новые вожди. Но у нас — море, стены и союзники. Пусть каждый дом выставит лучших воинов. Пусть Белая Сова держит северные тропы. Пусть рыцари Единого Стола станут нашим щитом.

Сир Грегор поднял кубок:

— Сегодня мы не север и юг, не Лаки и рыцари. Сегодня мы — стена, за которой стоит всё королевство.

Вечером Лиара и её братья обошли стены крепости. Они видели, как северяне и рыцари учатся доверять друг другу, как наездники змеев делятся историями с рыцарями, а жрецы Тализы молятся вместе с капелланами Единого Стола.

— Это наш шанс, — тихо сказала Лиара Эльдару. — Если мы выстоим вместе, север уже никогда не будет прежним.

В последующие дни крепость Лаков превратилась в настоящий военный лагерь. На рассвете по двору разносился звон оружия и рёв морских змеев, которых наездники выводили к воде для тренировок. Рыцари Единого Стола вместе с северянами отрабатывали построения, учились друг у друга: рыцари — стойкости перед натиском стихии, северяне — дисциплине и искусству боя в латах.

Старый лорд Лак лично обходил стены, проверяя дозоры. Его суровый взгляд не пропускал ни одной мелочи:

— Не забывайте, — говорил он, — северные племена коварны. Они не пойдут на лобовую атаку, пока не найдут слабое место.

Вечерами в большом зале собирались все, кто мог держать оружие. Лорды вассальных домов приносили присягу верности, старейшины обсуждали планы обороны, а жрецы Тализы и капелланы Единого Стола вместе благословляли воинов.

Однажды ночью к воротам крепости подъехал гонец на измученном коне. Его лицо было покрыто инеем, а глаза — полны ужаса.

— Племена уже у реки Тарг, — выдохнул он. — Их больше, чем когда-либо. С ними идут шаманы, и в небе над их лагерем горит синий огонь. Они призывают бурю.

В зале повисла гнетущая тишина. Лорд Лак сжал рукоять меча:

— Пусть готовят сигнальные костры. Пусть Белая Сова усилит дозоры на севере. Если враг решит идти ночью — мы встретим его светом и сталью.

Сир Грегор подошёл к Лиаре:

— Я видел такие огни однажды, на южных границах. Это не просто магия — это призыв к войне. Мы должны быть готовы ко всему.

Лиара кивнула, чувствуя, как в груди нарастает тревога. Она знала: ночь будет долгой, а рассвет — кровавым.

Утро принесло новые вести. В зал совета, где старый лорд Эрис Лак обсуждал с лордами и рыцарями план обороны, вошёл главный разведчик. Его лицо было серьёзным, но не испуганным.

— Господин, — поклонился он, — мы наблюдали за лагерем северян у реки Тарг. Их много, но среди воинов идут женщины, дети, старики. Это не только армия — это целый народ в пути.

В зале зашумели. Один из лордов воскликнул:

— Они хотят переселиться на наши земли! Это не набег, это захват!

Старый лорд Эрис Лак поднял руку, требуя тишины.

— Ты уверен? — спросил он разведчика.

— Да, господин, — кивнул тот. — Мы видели, как они строят временные жилища, разводят костры для малышей, везут скот и домашние вещи. Но в первых рядах — воины и шаманы. Они готовы защищать свой народ.

Сир Грегор Талин, мастер рыцарей, задумчиво провёл рукой по подбородку:

— Это меняет всё. Если мы ударим первыми, кровь прольётся не только в бою. Но если их впустить — север изменится навсегда.

В зале повисла тяжёлая пауза. Лорды переглядывались, кто-то с тревогой, кто-то с гневом.

Лиара Лак заговорила первой:

— Мы не можем позволить, чтобы наш народ стал палачом женщин и детей. Но и уступить землю без боя — значит предать предков.

Старый лорд Эрис Лак медленно поднялся:

— Я сам выйду к их вождям. Пусть знают: север говорит не только мечом, но и словом. Но если они придут с войной — мы ответим войной.

— Я пойду с тобой, отец, — сказала Лиара. — И пусть рыцари Единого Стола будут при нас как знак чести и силы.

Сир Грегор кивнул:

— Мы будем рядом. Но если переговоры сорвутся, я отвечаю за безопасность лорда Лака.

В этот день в крепости началась новая подготовка: не только к битве, но и к возможным переговорам.

- Жрецы Тализы готовили ритуал защиты.

- Наездники змеев держались настороже, готовые по первому сигналу выйти к реке.

- Рыцари Единого Стола обсуждали, как действовать, если переговоры превратятся в ловушку.

Старый лорд Эрис Лак, облачившись в лучшие доспехи — синие, с серебряными волнами и гербом рода, — готовился к встрече с вождями северян. Лиара, в меховом плаще и с мечом на поясе, стояла рядом, готовая к любому исходу.

День был пасмурным и холодным, когда от крепости ков к реке Тарг выехала делегация: впереди — старый лорд Эрис Лак в полном боевом облачении, рядом с ним — Лиара, за ними — несколько лордов, рыцари Единого Стола во главе с сэром Грегором и десяток наездников змеев в лёгких доспехах. Их сопровождал жрец Тализы — как символ мира и чести.

У самой реки стоял лагерь северян. Воины с копьями и щитами выстроились в полукруг, защищая своих женщин и детей. За их спинами — палатки, костры, повозки со скарбом, стада оленей и собак. В воздухе витал запах дыма и тревоги.

Навстречу делегации вышли трое: высокий вождь с седой косой, женщина-шаманка в мехах и молодой воин с лицом, испещрённым татуировками. Вождь поднял руку в знак приветствия.

— Я — Торгрим, сын Севера, — произнёс он на ломаном языке королевства. — Мы пришли не ради войны, но ради жизни. Зима в наших землях стала вечной, дети мрут, зверь ушёл. Мы просим приюта — не меча.

Старый лорд Эрис Лак ответил твёрдо, но без вражды:

— Север — суров, но не жесток. Но наши земли не безграничны, и мы не можем принять всех, кто придёт с копьём. Почему ваши воины идут впереди женщин и детей?

Шаманка шагнула вперёд, её голос был хриплым, но сильным:

— Мы знаем, что не все на севере захотят видеть нас. Мы готовы защищаться, если на нас нападут. Но если вы дадите нам землю — мы будем вашими союзниками, а не врагами.

Сир Грегор выступил вперёд, его голос был спокоен:

— Король Эрвин Рагнидиел велит искать мир, если он возможен. Но если будет пролита кровь невинных, это станет пятном на всей земле Валингтора.

В этот момент к переговорам подошёл мальчик из северян — в руках у него был резной амулет в виде морской змеи. Он протянул его Лиаре, глядя прямо в глаза.

— Моя мать говорила: если дать подарок дочери моря, она принесёт удачу, — тихо сказал он.

Лиара взяла амулет, и в этот миг почувствовала, как напряжение между двумя народами чуть ослабло.

Переговоры длились до вечера. Северяне просили небольшой участок земли у реки, обещая не пересекать границы Лаков и помогать защищать север от других племён. Лорд Эрис Лак выслушал их, а затем, посоветовавшись с лордами и рыцарями, дал ответ:

— Мы дадим вам землю у низовья Тарга — если вы поклянётесь соблюдать законы севера и не брать в руки оружие против наших людей. Первое время ваши воины будут под наблюдением наших дозоров. Если нарушите слово — земля станет вашей могилой.

Вождь Торгрим склонил голову:

— Мы принимаем ваши условия. Пусть север будет домом для всех, кто чтит его законы.

Когда делегация возвращалась в крепость, Лиара сжимала в руке амулет мальчика. Она знала: впереди ещё много испытаний, но сегодня север избежал кровопролития.

Не успела делегация Лаков и рыцарей Единого Стола отъехать от лагеря северян, как над равниной раздался крик. Сначала — одинокий, пронзительный, потом — сотни голосов слились в вой ужаса. Со стороны леса, словно из самого воздуха, появились отряды в алых

плащах. Их было так много, что снег под их ногами казался кровавым ковром. Тысячи и тысячи — дисциплинированные, вооружённые до зубов, с красными знаменами и стальными масками.

— Красные плащи! — выкрикнул один из дозорных Лаков. — Но кто они? Откуда?

Воины в алом неслись по лагерю северян, не щадя никого. Женщины, дети, старики — никто не был в безопасности. Северяне пытались защищаться, но их строй был сломлен в первые же минуты. Копья и топоры красных плащей вздымались и опускались, оставляя за собой только смерть.

Старый лорд Эрис Лак не колебался ни секунды.

— За мной! — крикнул он, и делегация ринулась обратно к лагерю, не дожидаясь приказа.

Рыцари Единого Стола, северяне, наездники змеев — все бросились в бой, чтобы спасти хотя бы часть племени. Лиара с мечом в руке прорвалась к центру лагеря, где под ударами врагов падали последние защитники северян. Сир Грегор Талин сражался плечом к плечу с Эльдаром и Тареном, а змеи Лаков вгрызались в ряды врага, разрывая их на части.

Но врагов было слишком много. Красные плащи шли волна за волной, не зная ни страха, ни усталости.

В самом центре лагеря, у поваленного тотемного столба, смертельно раненый вождь Торгрим лежал на снегу. Его грудь была рассечена, кровь пропитывала меха. Лорд Эрис Лак склонился над ним, заслоняя от врагов.

— Почему вы пришли к нам? — спросил лорд Лак, сжимая руку умирающего.

Вождь с трудом поднял голову, его голос был хриплым, но твёрдым:

— Мы не искали войны… Мы бежали… Не от голода… не от зимы…

Он закашлялся кровью, но продолжил:

— На нас напали… не люди… великаны… из глубин севера… Они выше трёх мужчин… лица грубые, как скалы… глаза — огонь… Они жгут наши дома, топчут детей… Мы думали, это сказки… Но они пришли… Они идут… и за вами тоже…

Глаза вождя померкли, но на губах осталась тень улыбки:

— Берегите север… пока не поздно…

С этими словами Торгрим испустил последний вздох.

Лиара, окровавленная, с амулетом мальчика на шее, стояла среди пылающего лагеря. Красные плащи отступали, увидев, что на помощь северянам пришли Лаки и рыцари. Но снег был уже алым, а небо — чёрным от дыма.

Сир Грегор подошёл к Лиаре:

— Мы спасли немногих… Но кто эти красные плащи? И что за великаны идут с севера?

Лиара сжала амулет и посмотрела на север, туда, где за горизонтом клубились тёмные тучи.

— Если великаны не миф, — сказала она, — то всё королевство в опасности. И никто не готов к такой войне.

Когда битва у лагеря стихла, люди Ордена Белой Совы, действуя быстро и слаженно, сумели захватить одного из воинов в алом плаще. Его доставили в крепость Лаков, где в подземелье, среди каменных стен и факелов, начался допрос.

Воин красного плаща был крепок, с суровым лицом и взглядом, в котором не было страха. Его руки были связаны, но он держался с достоинством, будто плен — лишь временная неприятность.

— Кто вы? — спросил командир Белой Совы, склонившись к нему. — Почему вы напали на беззащитных?

Пленник молчал долго, но когда ему показали знамя Лаков и герб Единого Стола, он усмехнулся:

— Вы ничего не знаете о настоящей войне, — произнёс он с акцентом чужеземца. — Мы — Орден Красного Плаща. Наши корни уходят в Галтипию, на материк, где началась ваша история.

— Зачем вы здесь? — спросила Лиара, сжимая амулет мальчика-северянина.

— Мы прибыли на флоте пиратов Каранисы, — спокойно ответил пленник. — Нас привели сюда не жажда грабежа, а великая цель. Мы должны были спровоцировать конфликт между севером и югом, между племенами и лордами. Война — лучший способ ослабить Валингтор.

— Кто ваш истинный господин? — вмешался сир Грегор Талин.

Пленник поднял голову, и в его глазах мелькнула гордость:

— Истинные короли Валингтора и великие лорды — не Рагнидиелы. Это ложь, которую вам внушали тысячу лет. Настоящие наследники трона и обладатели крови знатных родов— род Барадиелов. Они остались на Галтипии после войны богов, когда Рагнидиелы бежали на этот континент. Барадиелы — потомки древней крови, и они вернут себе власть. Мы — их клинок.

В зале повисла тяжёлая тишина. Даже старый лорд Лак не сразу нашёлся с ответом.

— Значит, вы хотите уничтожить Рагнидиелов и взять власть над Валингтором? — уточнила Лиара.

— Мы хотим восстановить справедливость, — усмехнулся пленник. — А для этого Валингтор должен утонуть в крови. Только тогда истинный король поднимет знамя над всеми землями.

— А великаны? — спросил кто-то из рыцарей.

Пленник впервые опустил глаза:

— Великаны не подчиняются никому. Они пришли с ледяного севера, и даже мы не знаем, кто их ведёт. Но если вы не объединитесь, они уничтожат всех — и вас, и нас.

Когда пленника увели, совет Лаков, рыцарей Единого стола и рыцарей Белой Совы собрался в большом зале.

— Теперь ясно, — сказал старый лорд Эрис Лак. — Враг не только у стен, но и в самой истории. Нам предстоит не просто война за землю — война за истину.

Лиара посмотрела на север, где за окнами бушевала метель.

— Если мы не объединимся, Валингтор падёт. Но если правда о Барадиелах всплывёт, королевство может разорвать себя изнутри.

Сир Грегор сжал рукоять меча:

— Значит, нам нужна не только сталь, но и мудрость. Иначе мы все станем добычей великанов.

В ту же ночь в большом зале крепости Лаков собрался совет — впервые за много лет за одним столом сидели северные лорды, рыцари Единого Стола, командиры Белой Совы и даже несколько выживших старейшин-вождей северных племён. За окнами бушевала метель, ветер выл в бойницах, а в центре стола лежал окровавленный алый плащ — немой символ новой угрозы.

Старый лорд Эрис Лак говорил глухо, но твёрдо:

— Мы больше не можем жить в старых границах. Враг пришёл не только с мечом, но и с ложью, с древней враждой, которую мы забыли. Если Барадиелы действительно живы и хотят вернуть трон, Валингтор ждёт война, какой ещё не было.

Сир Грегор Талин, мастер рыцарей, склонил голову:

— Я отправлю гонцов в Ардессу. Король Эрвин должен знать правду о Красных Плащах и о том, что за ним охотятся не только люди, но и мифы. Если великаны идут с севера, столица в опасности.

Командир Белой Совы добавила:

— Наши разведчики видели следы великанов у ледяных озёр. Следы огромны, как лодки, а деревья вырваны с корнем. Мы думали, это сказки, но теперь... теперь мы должны готовиться к худшему.

Лиара Лак, сжимая амулет мальчика-северянина, поднялась:

— Мы не можем ждать, пока враги соберутся у наших стен. Нужно объединить все рода, все ордена, даже тех, кто был врагом. Пусть каждый дом пришлёт воинов. Пусть маги Галтипии узнают, что великаны — не выдумка. Пусть даже пираты Каранисы услышат: если падёт север, падёт весь Валингтор.

В зале зашумели. Кто-то говорил о древних союзах, кто-то — о предательстве, кто-то — о страхе перед правдой. Но все понимали: выбора нет.

Старый лорд Эрис Лак подвёл итог:

— Завтра мы отправим гонцов на юг, восток и запад. Пусть каждый, кто считает себя сыном Валингтора, решит, на чьей он стороне. А мы — будем держать север, пока хватит сил.

Поздно ночью Лиара вышла на стену. Снег бил в лицо, ветер рвал волосы, но она стояла, глядя на север. Там, за ледяными полями, в темноте, уже двигалась новая угроза — огромные тени, чьи шаги сотрясали землю.

Она знала: впереди — буря, и никто не знает, кто выстоит, когда она утихнет.

На рассвете, когда метель утихла и над крепостью Лаков взошло бледное северное солнце, старый лорд Эрис Лак собрал гонцов в оружейной палате. Каждый из них был выбран за верность, храбрость и умение пройти сквозь любые опасности. Перед ними лежали свитки с печатями рода Лаков и символами Единого Стола.

— Сегодня вы не просто гонцы, — сказал лорд Лак, — вы — голос севера и надежда Валингтора. Пусть ваши слова будут громче ветра и быстрее стрелы. Пусть каждый, кто услышит наш клич, поймёт: пришло время великого выбора.

Клич к королю Эрвину Рагнидиелу и в столицу Ардессу

Первый гонец отправился на юг, к стенам Ардессы. Он вёз письмо для молодого короля Эрвина:

«Великая угроза идёт с севера. А Красные Плащи — лишь начало интриг древнего рода. За ними — великаны, что были мифом. Север просит не милости, а братства. Собери армию, собери всех рыцарей Единого Стола. Пусть столица станет оплотом для всех, кто не хочет пасть перед древним злом. Мы держим север, но без единства королевство падёт.»

Вместе с письмом — знак Лаков: серебряная чешуя морского змея, символ нерушимого союза.

Клич к Ераками со Свободных Стальных островов

Второй гонец отправился на восток, к морю, где в тумане стояли Стальные острова. Там жили ераки — суровый народ моряков и воинов.

«Сыны стали и ветра! Север зовёт вас под общее знамя. Великаны идут с ледяных пустошей, Красные Плащи хотят разжечь войну. Пусть ваши корабли станут стеной на востоке, пусть ваши мечи будут рядом с нашими. Сегодня не время старых обид — сегодня время выжить вместе.»

Клич в королевство Филия

Третий гонец отправился на юг, в королевство Филия, к мудрому королю и его совету:

«Филия всегда была опорой мира. Сегодня Валингтор нуждается в вашей мудрости и силе. Примите наш клич, объедините армии. Пусть ваши рыцари и маги встанут плечом к плечу с севером. Только вместе мы сможем остановить бурю.»

Клич в храм Единого Бога в Ардессе

Четвёртый гонец отправился в столицу, к Верховному жрецу храма Единого Бога:

«Время испытаний пришло для всех верных. Пусть храм станет местом единения, а не раздора. Пусть молитвы и благословения укрепят сердца воинов. Пусть вера объединит тех, кто ещё вчера был врагом.»

Клич магам торгового города Галтипии

Пятый гонец отправился через море, в один из древних торговых городов Галтипии, где жили могущественные маги:

«Мудрецы Галтипии! Север просит вашей помощи. Великаны, что были мифом, идут на Валингтор. Их не остановить одной сталью — нужна магия древних. Примите наш зов, пришлите своих лучших. Пусть древние знания спасут новый мир.»

Шестой гонец отправился в Даркнес — город купцов, где правил Совет и где находился знаменитый отряд Несломленных, наёмников, которых боялись даже короли.

«Купцы Даркнеса! Сегодня золото не спасёт ни один город. Север зовёт вас не за плату, а за честь. Пусть Несломленные встанут рядом с воинами Валингтора. Пусть Даркнес докажет, что достоин быть не только рынком, но и щитом.»

Ответ пришёл быстро и был холоден:

«Даркнес — город торговли, а не войны. Несломленные не вмешиваются в дела королей и чудовищ. Мы будем наблюдать. Если Валингтор падёт — мы найдём новых союзников.»

Великий совет

Пока гонцы несли клич по всем дорогам и морям, в крепости Лаков собирались лорды, рыцари, маги и жрецы. Каждый день приносил новые вести:

- Ераки начали собирать флот и отправили лучших воинов на север.

- В Филии началась мобилизация армии, а король лично пообещал прибыть на совет.

- В храме Единого Бога объявили дни молитвы и поста, а жрецы отправились благословлять воинов.

- Маги Галтипии прислали ответ: «Мы придём, когда звёзды станут в ряд. Древняя магия будет на вашей стороне.»

Но из Даркнеса пришёл отказ. Несломленные остались в стороне, а купцы ждали, кто победит.

В крепости Лаков, у большого стола, Лиара смотрела на карту Валингтора, усеянную флажками союзников и врагов.

— Мы сделали всё, что могли, — сказала она братьям. — Теперь судьба королевства зависит не только от меча, но и от того,…

Дни шли тревожно и быстро. Гонцы возвращались один за другим, принося вести из разных концов Валингтора и далёкой Галтипии. В крепости Лаков кипела жизнь: кузнецы работали без сна, женщины плели тёплые плащи для воинов, наездники змеев тренировались на ледяных волнах, а рыцари Единого Стола учили северян новым построениям.

Из Ардессы пришёл королевский указ:

Король Эрвин Рагнидиел объявил всеобщий сбор армии. В столицу стекались рыцари, ополченцы, вассальные лорды и даже простые крестьяне, способные держать меч. В зале Единого Стола вновь зазвучали клятвы, а древние знамена были развёрнуты над башнями.

— Север не останется один, — гласил указ. — Каждый, кто верен Валингтору, пусть готовится к походу.

С востока прибыли ераки:

Их корабли, обшитые сталью, бросили якоря у северных берегов. Варен, посол Стальных островов, лично прибыл в крепость Лаков.

— Наши мечи и якоря — с вами, — сказал он. — Пусть море станет стеной для врага.

Из Филии пришёл гонец с письмом от короля:

— Филия готова к союзу. Наши рыцари и маги уже в пути. Пусть знамя единства взовьётся над Валингтором.

В храме Единого Бога в Ардессе объявили священный союз:

Жрецы благословили воинов, а в столице прошли молебны за победу и единство. К храму стекались паломники, прося защиты для своих родов.

Из Галтипии прибыли маги:

В один из вечеров в крепость Лаков вошёл отряд в плащах цвета ночи. Их возглавлял Калеб — юный маг, посланник древнего города.

— Мы принесём вам силу звёзд и ветра, — сказал он. — Но помните: магия — не щит, а только меч. Ею нельзя злоупотреблять.

Из Даркнеса пришёл отказ:

Совет купцов и Несломленные остались в стороне.

— Мы не вмешиваемся в войны королей, — гласил их ответ. — Но если падёт Валингтор, падёт и торговля.

В крепости Лаков собирались войска:

- Северные лорды приводили дружины — пеших воинов, лучников, наездников змеев.

- Ераки строили укрепления на побережье и готовили корабли к морским сражениям.

- Рыцари Единого Стола занимали ключевые башни и обучали северян искусству обороны.

- Маги Галтипии советовались с жрецами Тализы, чтобы создать защитные чары на стенах.

В большом зале каждый вечер проходили советы. Лиара, Эльдар и Тарен обсуждали с союзниками стратегию:

— Если великаны ударят с севера, мы должны заманить их к морю, — говорил Варен из ераков.

— Красные Плащи могут попытаться пробраться через леса, — напоминал сэр Грегор.

— Маги должны быть готовы к любой неожиданности, — добавлял Калеб.

В один из вечеров, когда над крепостью бушевала метель, Лиара вышла на стену. Она смотрела на север, где в темноте мерцали огни дозоров. В её руке был амулет мальчика-северянина — напоминание о том, ради чего стоит бороться.

— Пусть буря будет сильна, — прошептала она, — но север сильнее.

В крепости Лаков наступила тревожная тишина — та самая, что бывает перед великой бурей. Воины и союзники стекались со всех концов Валингтора:

- На плацах тренировались плечом к плечу северяне, рыцари Единого Стола и морские воины ераков.

- Маги Галтипии чертили на стенах защитные руны, а жрецы Тализы окропляли ворота морской водой и пели древние гимны.

- В подземельях хранились припасы, оружие и стрелы, а на башнях дежурили лучшие лучники.

Старый лорд Эрис Лак каждое утро обходил стены, лично проверяя дозоры и укрепления. Его суровый взгляд вселял уверенность даже в самых молодых воинах.

— Мы держим север не первый век, — говорил он. — И не нам быть теми, кто его потеряет.

Вечерами в большом зале собирались советы. Лиара, Эльдар, Тарен, Варен из ераков, сэр Грегор, Калеб-маг и командир Белой Совы обсуждали каждый слух, каждое движение врага.

— Великаны пока не показались, — докладывали разведчики. — Но в лесах исчезают патрули, а ночью слышны шаги, от которых дрожит земля.

— Красные Плащи не ушли далеко, — добавляли дозорные. — Они собираются в лесах, ждут сигнала.

В один из дней в крепость пришёл гонец из Филии — усталый, но радостный:

— Войска Филии уже на марше. Король лично ведёт армию на север. Они будут здесь через неделю.

В тот же вечер маг Калеб собрал всех в зале и показал древнюю карту:

— Есть место, где можно остановить великанов, если заманить их туда. Это ущелье Ледяных Врат. Если мы укрепим его магией и сталью, у нас будет шанс.

— Значит, туда и заманим, — твёрдо сказал Эльдар. — Пусть встретят север лицом к лицу.

В эти дни крепость жила ожиданием.

- Женщины и дети были отправлены в укрытия в горах.

- На пристани стояли драккары с готовыми парусами, а змеи Лаков ждали сигнала к атаке.

- В храме Единого Бога и у алтаря Тализы не смолкали молитвы.

Лиара часто выходила на стены ночью, слушая вой ветра и глядя на север. Она чувствовала, как сгущается тьма — не только внешняя, но и в сердцах людей.

— Пусть страх не возьмёт верх, — шептала она. — Пусть север останется домом для всех, кто готов его защищать.

В одну из ночей, когда луна была скрыта облаками, дозорные заметили первые тени на горизонте. Земля дрожала, словно от тяжёлых шагов. Вдалеке, среди снежных полей, двигались огромные силуэты — выше башен, с лицами, как у древних статуй, и глазами, в которых горел огонь.

Великанам не нужны были слова. Их появление было началом новой эры страха.

В крепости зазвучали рога.

— К оружию! — раздался голос старого лорда Лака. — Север зовёт!

Воины бросились к стенам, маги заняли позиции, рыцари Единого Стола подняли знамена.

— Пусть эта ночь станет нашей легендой, — сказала Лиара, надевая шлем.

Ветер с моря приносил ледяную сырость и тревогу. Над стенами крепости Лаков гудели рога, и весь север, казалось, затаил дыхание. На заснеженных равнинах перед крепостью выстроились защитники:

- Северяне в синих доспехах с гербами Лаков и их вассалов

- Рыцари Единого Стола в сверкающих латах

- Моряки и воины ераков, готовые к бою на суше и воде

- Маги Галтипии, окружённые мерцающим светом чар

Войска Филии с королём ещё не прибыли — их ждали со дня на день, но пока северяне были предоставлены самим себе и тем, кто уже пришёл на зов.

Вдалеке, на фоне ледяных холмов, двигались великаны. Их было не меньше десятка: каждый — выше трёх мужчин, с кожей цвета гранита, с лицами, словно высеченными из скал. В их глазах горел огонь, а в руках они держали огромные дубины и вырванные с корнем деревья. За великанами, словно тени, шли дикари севера — остатки разбитых племён, ведомые страхом и отчаянием.

Особняком, на пригорке, стояли Красные Плащи. Их строй был безупречен, алые плащи развевались на ветру, а стальные маски скрывали лица. Они не бросались в бой, не кричали, не смешивались ни с великанами, ни с северянами. Их командир — высокий воин с чёрным гербом Барадиелов на груди — наблюдал за битвой, не вмешиваясь.

Всем было известно: Красные Плащи — древний орден, подчиняющийся только роду Барадиелов. Их цель была ясна: уничтожить Рагнидиелов, посеять хаос и подготовить почву для возвращения истинных наследников трона Валингтора.

Старый лорд Эрис Лак стоял на стене рядом с Лиарой, Эльдаром и Тареном.

— Вот и пришёл наш час, — сказал он. — Пусть каждый вспомнит, ради чего держит меч.

Сир Грегор Талин поднял меч к небу:

— Рыцари Единого Стола! За Валингтор! За короля!

Варен из ераков бросил якорь на снег:

— Пусть море будет с нами!

Маг Калеб начал читать заклинание, и по стенам пробежал голубой свет — защитный купол, который должен был сдержать первую волну.

Великан, шедший впереди, остановился в сотне шагов от стены. Его голос был низким, как грохот лавины:

— Люди севера! Вы забыли древние законы. Земля зовёт своих истинных хозяев. Уступите — или падите.

Лиара шагнула вперёд, не скрывая страха, но и не показывая слабости:

— Север — дом для тех, кто его защищает. Мы не уйдём. Если хотите войны — получите её.

Великан взревел, и земля задрожала. За ним, как тени, шли другие гиганты, а Красные Плащи лишь наблюдали, не вмешиваясь.

Первый удар был страшен: великан бросил в стены огромный валун, но магический купол выдержал. Северяне и рыцари выпустили тучу стрел, но кожа великанов была крепче железа. Маги Галтипии послали молнии, и одна из них ударила в грудь гиганта — тот пошатнулся, но не пал.

Наездники змеев выскочили из ворот, их питомцы бросились в бой, кусая и сбивая врагов с ног. На стенах завязалась рукопашная: сталь звенела о сталь, кровь лилась на снег.

Старый лорд Лак сражался рядом с детьми, его меч был быстр и неумолим. Сэр Грегор вёл рыцарей в контратаку, а Варен и ераки держали фланг у самой воды.

В разгар битвы один из великанов прорвался к стене. Его дубина разбила башню, и в пролом хлынули северные дикари, которых великаны вели за собой. Лиара, не раздумывая, бросилась навстречу, за ней — Эльдар и Тарен. Маг Калеб послал заклинание прямо в лицо гиганта, ослепив его на миг.

— За север! — крикнула Лиара, и воины Лаков ринулись в пролом.

Битва кипела всю ночь. Один великан пал, сражённый стрелами и магией, но на его место шли новые. Северяне держались из последних сил, а Красные Плащи всё так же стояли в стороне, наблюдая за ходом сражения, словно ждали своего часа.

К утру снег был алым, а стены — изранены, но север держался.

К утру бой стих. Последний рев великанов затих вдали — гиганты, потеряв нескольких сородичей, отступили в сторону ледяных холмов, унося с собой раненых и мёртвых. Земля, где они проходили, была изрыта, а снег — алым и чёрным от крови и золы.

Красные Плащи так и не вступили в бой. Они стояли на своём пригорке до самого рассвета, наблюдая за сражением с холодной отстранённостью, а затем, не проронив ни слова, развернулись и исчезли в утреннем тумане, словно растворились в самом воздухе.

Крепость Лаков выстояла, но стены были изранены, башни — частично разрушены, а во дворе лежали раненые и павшие. Северяне, рыцари Единого Стола, ераки и маги Галтипии собирались у костров, перевязывали раны, молились и вспоминали павших товарищей.

Старый лорд Эрис Лак, опираясь на меч, стоял на стене рядом с Лиарой и Эльдаром.

— Мы выстояли, — сказал он хрипло. — Но это только начало. Великанам не нужна земля — им нужна наша гибель.

Лиара смотрела на север, где в утреннем мареве начали проступать новые силуэты. Сначала — едва заметные точки на горизонте, потом — целые вереницы людей, повозок, стад. Это были северные племена: женщины, дети, старики, воины с копьями и щитами, шаманы в мехах и с тотемами.

— Они идут к нам, — прошептал Тарен. — После всего, что случилось, они всё равно идут.

— Им некуда больше идти, — тихо ответил Эльдар. — За ними — только смерть и ледяная пустота.

Племена приближались медленно, с опаской, но без вражды. Они несли на себе следы долгого пути и недавней бойни: многие были ранены, лица — усталые, в глазах — страх и надежда. Впереди шёл новый вождь, подняв над головой древний символ мира — копьё, обмотанное белой тканью.

С башен крепости прозвучал сигнал:

— К замку идут северные племена! Они просят защиты!

Старый лорд Лак тяжело вздохнул:

— Пусть откроют ворота. Север — дом для тех, кто не предал его в час беды.

Лиара кивнула дозорным:

— Пусть войдут. Сегодня мы не враги. Сегодня мы — выжившие.

Во дворе крепости Лаков смешались языки, судьбы и страхи. Северяне и племена смотрели друг на друга с недоверием, но никто не поднял оружия. Жрецы Тализы и шаманы племён вместе зажгли костры, чтобы помянуть павших и попросить у богов защиты.

В этот миг над севером впервые за долгие дни повисла не тревога, а хрупкая надежда: быть может, только объединившись, люди смогут выстоять перед лицом древнего зла.

К полудню стало ясно: к замку Лаков подошёл не просто отряд, а целый народ. Волны северных племён тянулись по равнине, исчезая за горизонтом. Их было не меньше шестидесяти тысяч — мужчины, женщины, дети, старики, воины и шаманы, пастухи и кузнецы, все, кто выжил в ледяной пустоши и под ударами великанов.

Во главе каждой волны шёл свой вождь — их оказалось не меньше пятнадцати. Каждый отличался одеждой, тотемом, цветом мехов и оружия. Некоторые были стары и мудры, другие — молоды и полны ярости, но все они несли на себе следы долгого пути и недавних потерь.

Племена не стали просить убежища в самой крепости — они разбили лагерь южнее замка, на равнине, где земля была ещё не изранена битвой. Там выросли сотни костров, появились шатры из шкур, загон для скота, святилища для духов и богов.

— Мы не хотим быть обузой, — сказал один из старших вождей, подойдя к Лиаре и лорду Лаку. — Мы пришли не как враги, а как изгнанники. Пусть наши дети будут в безопасности, пока вы держите стены.

Старый лорд Эрис Лак кивнул:

— Север не бросает тех, кто ищет защиты. Но если придёт новая буря, вы должны быть готовы защищать не только себя, но и всех, кто стоит за этими стенами.

Вождь поклонился:

— Мы дадим вам лучших воинов. Наши шаманы помогут вашим жрецам. Мы не забудем, кто открыл нам ворота.

В лагере племён жизнь закипела:

- Женщины варили похлёбку и лечили раненых
- Дети впервые за долгое время смеялись у костров
- Шаманы и жрецы Тализы вместе проводили обряды, чтобы отогнать страх и призвать удачу
- Воины племён тренировались рядом с северянами, учась новым приёмам и делясь своими

Лиара с Эльдаром и Тареном обходили лагерь, знакомились с вождями, слушали их истории. Каждый вождь рассказывал о своём народе, о том, как они теряли земли, как великаны сжигали их дома, как Красные Плащи наблюдали за их гибелью, не вмешиваясь.

— Мы думали, что север — это только снег и холод, — сказал молодой вождь с татуировкой медведя. — Но теперь знаем: север — это люди, которые не сдаются.

Вечером над лагерем племён и стенами крепости зажглись сотни огней. Впервые за много дней на севере звучали не только крики боли и рёв битвы, но и песни — грустные, древние, полные памяти и надежды.

Старый лорд Лак стоял на стене, глядя на море костров:

— Пусть эта ночь станет началом нового союза. Пусть север будет домом для всех, кто готов его защищать.

В ту ночь крепость Лаков и огромный лагерь племён южнее стен дышали как единый организм. Пламя костров отражалось в снегу, и казалось, что сама земля согрелась от людского присутствия, упрямства и надежды.

В большом зале замка собрались все вожди племён, лорды Лаков, рыцари Единого Стола, маги Галтипии и командиры ераков. Каждый говорил на своём наречии, но смысл был один:

— Мы здесь, чтобы выжить. Мы здесь, чтобы защитить друг друга. Пусть старые обиды останутся в прошлом.

Старый лорд Эрис Лак поднялся, опираясь на меч:

— Сегодня север — это не только стены и мечи. Это тысячи сердец, которые не покорились ни холоду, ни страху, ни чудовищам. Пусть эта ночь станет клятвой: если придёт враг, мы встретим его вместе.

Вожди племён по очереди клали свои тотемы и оружие на общий стол — знак союза и доверия. Маг Калеб начертал на полу древний символ защиты, а жрецы Тализы и шаманы племён вместе вознесли молитву к морю, ветру и звёздам.

В эту ночь никто не спал.

- Воины точили оружие и делились историями у костров
- Женщины пели колыбельные детям
- Старики рассказывали о древних временах, когда север был единым
- Молодые смотрели на звёзды, мечтая о будущем без страха

Лиара стояла на стене, вглядываясь в огни лагеря. Она чувствовала: что бы ни случилось завтра, сегодня север стал сильнее, чем был когда-либо.

К утру над равниной поднялся новый день. Снег блестел чисто, словно всё зло ночи было смыто. Северяне и племена встретили рассвет вместе — и это был их первый общий рассвет.

Глава 3. Львиный путь

Город Шалор, столица Филии, просыпался в предрассветной дымке. Башни и крыши были покрыты серебристой росой, а на главной площади уже собирались отряды — знаменосцы, рыцари, маги, лекари, обозы с провиантом и оружием. Над городом развевался герб Филии: золотой лев с мечом и виноградной лозой на лазурном фоне.

Король Курак Первый стоял на ступенях дворца. Его доспехи были настоящим произведением искусства: сталь, покрытая лазурной эмалью, украшенная золотыми листьями и львиными головами на наплечниках. На груди — герб Филии, а пурпурный плащ спадал до самых пят. Курак был высок, крепок, с густой тёмной бородой и внимательным взглядом.

Вокруг него собрались капитаны всех фракций Филии:

- Рыцари Лозы — элита, их доспехи украшены резьбой в виде виноградных ветвей, на щитах — золотой лев на лазурном фоне. Вооружены длинными мечами с гравировкой лозы и копьями с золотыми наконечниками.

- Стражи Башен — тяжелая пехота, шлемы украшены серебряными башнями, на щитах — лазурные полосы. Их оружие — массивные топоры и короткие мечи.

- Конные Стражи Оленя — лёгкая конница, в кожаных доспехах с серебряными пряжками, герб — скачущий олень на зелёном поле. Вооружены копьями и саблями.

- Маги Совета — в тёмно-синих плащах, с посохами, инкрустированными сапфирами и золотыми символами солнца.

Перед отправлением Курак обратился к войску:

— Сегодня мы идём не ради славы, а ради мира. Валингтор зовёт, и Филия не останется в стороне. Пусть наши львы будут щитом для братьев севера!

— За Филию! За Валингтор! — ответили ему тысячи голосов.

В этот момент к Кураку подошёл старший маг Совета, седой мужчина с острым взглядом:

— Ваше Величество, — сказал он, — разведка сообщает, что на границе замечены отряды Красных Плащей. Их немного, но они наблюдают за каждым нашим шагом.

— Пусть разведчики не теряют их из виду, — ответил Курак. — Но мы не свернём с пути. Сегодня мы — стена между хаосом и миром.

В рядах рыцарей Лозы молодой воин по имени Тарвин поправлял ремни на груди. Его друг, рыцарь Башен, усмехнулся:

— Смотри не урони свой меч, Тарвин. Говорят, на севере великаны едят таких, как ты, на завтрак.

— Пусть попробуют, — ответил Тарвин, — у меня меч острее их зубов.

Колонна двинулась на север. Впереди — разведка, за ней — конница, тяжелая пехота, обозы, маги и лекари. По дороге к ним присоединялись новые отряды: ополченцы, добровольцы, маги из провинций.

Армия Филии двигалась по родным землям, и каждый отряд был словно отдельная история. Вдоль дороги стояли жители, провожая воинов, бросая под ноги цветы и виноградные гроздья.

Рыцари Лозы

Эти воины были гордостью Филии. Их доспехи — стальные, покрытые лазурной эмалью, с тонкой золотой резьбой, изображающей виноградные лозы, листья и гроздья. На груди — золотой лев, а на спине — длинный пурпурный плащ. Шлемы украшены гребнями в виде виноградных ветвей.

— Ты видел, как сверкают их доспехи на солнце? — шептал мальчишка на обочине.

— Говорят, их мечи не тупятся даже после сотни сражений, — отвечал старик.

Вооружение рыцарей: длинные мечи с гравировкой лозы, копья с золотыми наконечниками, круглые щиты с гербом льва.

Стражи Башен

Это были могучие воины в тяжёлых доспехах, их шлемы венчали серебряные башенки, а на щитах красовались лазурные полосы. Их герб — башня на фоне рассвета. Они шли плотным строем, неся массивные топоры, короткие мечи и большие щиты.

— Если бы не Башни, Филия давно бы пала под натиском пиратов, — говорил один из старых воинов.

Конные Стражи Оленя

Лёгкая конница, быстрые и ловкие всадники. Их доспехи были кожаными, с серебряными пряжками, а на груди — герб: скачущий олень на зелёном поле. Вооружены копьями, саблями и короткими луками. Их кони были знамениты своей выносливостью.

— Конные Стражи — глаза и уши армии, — говорил капитан. — Они первыми встречают врага и первыми приносят вести.

Маги Совета

Воины-магии в тёмно-синих плащах, с посохами, инкрустированными сапфирами и золотыми символами солнца. Их лица были скрыты капюшонами, а на поясе висели амулеты и книги заклинаний.

— Маги Совета могут остановить дождь или вызвать бурю, — шептались в народе. — Их боятся даже великаны.

В пути Курак Первый часто останавливался, чтобы поговорить с простыми воинами и командирами. Он знал: только единство даст шанс выстоять.

— Как настроение в рядах? — спросил он у капитана Башен.

— Люди верят в вас, Ваше Величество. Но многие боятся того, что ждёт нас на севере.

— Страх — это не слабость, — ответил Курак. — Слабость — это предательство. А мы не предадим ни себя, ни союзников.

Армия Филии вступила на земли королевства Массов. Здесь всё было иначе: поля были шире, леса — темнее, а на горизонте виднелись древние курганы и сторожевые башни. Воины Филии шли в полном строю, знамена с золотыми львами развевались рядом с местными стражами, которые присоединялись к колонне.

На одном из привалов Курак Первый обратился к своим капитанам и советникам:

— Здесь, на чужой земле, мы должны быть особенно осторожны. Не забывайте: мы гости, и каждый наш шаг — под взглядом союзников и врагов.

Капитан конных Стражей Оленя, молодой и дерзкий Арвин, спросил:

— Ваше Величество, а если нас встретят не только друзья? Говорят, в этих лесах прячутся остатки разбитых отрядов Красных Плащей.

— Пусть разведка идёт впереди, — ответил Курак. — И пусть каждый воин помнит: честь Филии — в его руках.

Встреча с местными

В одном из селений на границе земель Лаков и Талинов к армии подошёл местный староста:

— Добро пожаловать, король Филии! — поклонился он. — Мы слышали о вашей верности союзу. Наши люди готовы помочь — накормить, дать свежих коней, провести по безопасным тропам.

Курак поблагодарил:

— Ваш хлеб и ваша доброта — залог будущей победы. Пусть ваши сыновья знают: Филия не забудет их помощи.

Разговоры у костра

Вечером, когда армия остановилась на ночлег у старого дубового леса, капитаны обсуждали новости:

— Говорят, на севере уже идут бои с великанами, — сказал рыцарь Лозы Тарвин.

— А Красные Плащи не показываются открыто, но их шпионы повсюду, — добавил маг Совета.

— Мы должны быть готовы к любой измене, — заметил капитан Башен. — Враг может ударить в самый неожиданный момент.

Курак слушал, а потом обратился ко всем:

— Мы идём не только ради себя. Мы идём ради мира на всём Валингторе. Пусть каждый из вас помнит: сегодня мы — щит для всех, кто верит в справедливость.

В ту же ночь стража задержала странника, пробиравшегося к лагерю. При допросе выяснилось: это был гонец из лагеря северных племён. Он передал Кураку письмо от лорда Лака:

«Север держится, но силы на исходе. Великанам помогают чужаки с материка Галтипия. Мы ждём вас, как последнюю надежду. Пусть львы Филии придут к нам до первого снега — иначе север падёт.»

Курак сжал письмо в руке и приказал:

— Ускорить марш. Завтра мы не будем ждать рассвета.

Армия Филии шла без отдыха, и к вечеру третьего дня на горизонте показались башни Ардессы — столицы королевства Массов. Город возвышался на холмах, окружённый мощными стенами и сверкающими шпилями. На главной площади уже собрались рыцари Рагнидиелов, маги Галтипии, послы ераков и северные гонцы.

Когда войска Филии вошли в город, их встречал сам король Эрвин Рагнидиел. Он был молод, но в его взгляде чувствовалась сила и усталость человека, на плечи которого легла

судьба целого мира. Его доспехи были серебряными, украшенными пламенеющим дракосом — символом рода Рагнидиелов.

Курак Первый спешился и подошёл к Эрвину. Они обменялись крепким рукопожатием.

— Добро пожаловать, Курак из Филии, — сказал Эрвин. — Север благодарен тебе за верность и мужество.

— Мы пришли не за славой, — ответил Курак, — а чтобы защитить мир, который строили наши предки. Пусть львы и драконы сражаются плечом к плечу.

Вокруг них собрались советники, маги и лорды. Начался военный совет.

Совет в Ардессе

В большом зале, украшенном гобеленами с изображением битв и гербами всех великих родов, обсуждали стратегию:

— Великанам нельзя дать прорваться к югу, — говорил Эрвин. — Мы ударим по ним у стен Лаков.

— Наши маги готовы усилить защиту, — добавил архимаг Филии.

— А наши львы будут первыми в атаке, — пообещал Курак.

Маги Галтипии предупредили:

— Мы чувствуем присутствие чужой магии. Кто-то из Галтипии помогает великанам и Красным Плащам. Нужно быть готовыми к неожиданным ударам.

В этот момент в зал ворвался гонец:

— Лорд Лак держит оборону, но враг готовит новый штурм. Великанам помогают чужие маги и отряды Красных Плащей. Северяне просят ускорить марш!

Эрвин и Курак обменялись взглядами.

— Мы выступаем на рассвете, — сказал Курак. — Пусть наши армии будут готовы к походу.

Воины Филии и Массов тренировались вместе. Рыцари Лозы учились у северян стойкости, а северяне — у филийцев искусству манёвра. Маги обменивались знаниями, лекари — рецептами зелий.

Вечером Курак и Эрвин беседовали наедине:

— Ты веришь в легенды о великанах? — спросил Курак.

— После того как клич о помощи пришёл с северных территорий, — да, — ответил Эрвин. — Но я верю и в людей. Если мы вместе — у нас есть шанс.

— А Красные Плащи? — спросил Курак.

— Их цель — хаос. Но если мы не дадим им повода, они останутся в тени. Главное — не дать врагу разделить нас.

Величественный зал Ардессы был наполнен тревожным ожиданием. На стенах — гобелены с изображением древних битв, под сводами — знамена Массов и Филии. В центре зала, за длинным столом, собрались Эрвин Рагнидиел, Курак Первый, их советники, маги и старшие рыцари.

Эрвин, одетый в строгий темно-синий камзол с серебряной вышивкой, первым нарушил молчание:

— Я рад видеть тебя в Ардессе, Курак. Пусть эта встреча принесёт не только военную силу, но и уверенность нашим людям.

Курак кивнул, его голос был твёрд:

— Война требует не только меча, но и мудрости. Сегодня мы должны думать о каждом жителе Валингтора, а не только о славе.

Советники переглянулись. Маг Галтипии, высокий мужчина с седыми волосами, добавил:

— В городе много беженцев, слухи множатся быстрее, чем мы успеваем их опровергать. Люди ждут от нас не только победы, но и порядка.

— Порядок начинается с доверия, — заметил Курак. — А доверие — с честности между нами.

Когда зал опустел, остались только самые близкие: Эрвин, Курак, их наследники, маги и старшие рыцари.

— Север держится, но враг не отступит, — начал Эрвин. — Нам нужно решить, кто и как будет защищать Ардессу, если мы выступим на север.

— Мои люди устали, — признал Курак. — Но если мы не поможем Лаку, север падёт. Кто останется в городе?

— Я и мои рыцари, — твёрдо сказал Эрвин. — Маги Галтипии, часть ваших воинов, городской гарнизон. Мы не дадим врагу взять столицу.

— Я доверяю тебе, Эрвин, — кивнул Курак. — Но знай: если Ардесса падёт, мы потеряем всё.

Маг Филии тихо добавил:

— В городе есть чужая тень. Я чувствую магию, которой здесь не было раньше. Кто-то наблюдает за нами.

— Усильте охрану, — приказал Эрвин. — Пусть никто не войдёт во дворец без моего ведома.

В тот же вечер, когда в зале совета стихли голоса и короли разошлись по покоям, к Эрвину подошёл его младший брат — лорд Элар. Он был одет проще других: тёмный дорожный плащ, старые, но ухоженные доспехи, на боку — меч с потёртой рукоятью. Его лицо было суровым, взгляд — прямым и честным.

Элар поклонился Кураку, затем повернулся к Эрвину:

— Брат, мне не по душе эти разговоры о доверии и единстве, когда в городе столько чужаков и столько страха. Я видел, как на рынках шепчутся купцы, а в тавернах уже спорят, кто будет королём, если ты не вернёшься с севера.

Эрвин устало улыбнулся:

— Ты всегда был прямолинеен, Элар. Но сейчас нам нужна не только сила меча, но и сила слова. Если мы покажем раздор — враг ударит именно сюда.

Курак внимательно посмотрел на Элара:

— Иногда именно прямота спасает королей от гибели. Лорд Элар, что ты предлагаешь?

Элар не стал юлить:

— Я предлагаю усилить патрули в портах и на рынках. Пусть мои люди — простые рыцари, но они знают город лучше всех. Я сам возглавлю ночные обходы. Если будет мятеж или диверсия — мы узнаем первыми.

Эрвин кивнул:

— Я доверяю тебе, брат. Пусть твои люди будут глазами и ушами Ардессы этой ночью

Поздно ночью, когда город затих, Элар с отрядом рыцарей обходил тёмные улицы. В одном из переулков они заметили подозрительную суету у склада с оружием. Элар жестом остановил людей, сам подошёл ближе и услышал:

— ...если всё пойдёт по плану, к рассвету ворота будут открыты. Красные Плащи заплатят щедро...

Не раздумывая, Элар бросился вперёд. Завязалась короткая схватка — двое заговорщиков были схвачены, один скрылся в темноте.

— Отвести их к магу Галтипии, — приказал Элар. — Пусть проверят, нет ли на них чар.

На рассвете Элар доложил обо всём Эрвину и Кураку:

— В городе есть заговорщики. Кто-то из купцов и бывших стражников работает на Красных Плащей. Мы предотвратили диверсию, но уверен — это не последняя попытка.

Курак пожал руку Элару:

— Ты спас город этой ночью. Такие люди нужны не только Ардессе, но и всему Валингтору.

Эрвин с благодарностью посмотрел на брата:

— Я горжусь тобой, Элар. Сегодня ты не просто рыцарь — ты страж города.

Лорд Элар всегда отличался от знатных рыцарей королевства своей простотой и практичностью. Его доспехи не были украшены драгоценными камнями или затейливой гравировкой, как у придворных воинов. Это была рабочая броня человека, который привык стоять на стенах, а не блистать на балах.

Доспех Элара был выкован из тёмной стали, местами потёртый, но тщательно отполированный. На наплечниках — простые серебряные полосы, символ его рода, а на груди — небольшой герб Ардессы: башня на фоне восходящего солнца. Шлем — открытый, с широким наносником, чтобы не мешать обзору в уличной схватке. На рукояти меча — следы старых зарубок, память о десятках боёв.

Плащ Элара был тёмно-серым, почти не выделяющимся в ночи. На нём не было ни герба, ни вышивки — только небольшая серебряная застёжка в виде башни.

Его люди — простые рыцари Ардессы — носили похожие доспехи: тёмная сталь, минимум украшений, на груди — тот же герб башни. Их шлемы были облегчёнными, чтобы не мешать в стеснённых городских переулках, а на поясе — короткие мечи и кинжалы, удобные для ближнего боя.

Вместо ярких плащей — короткие накидки цвета мокрого камня, чтобы не выделяться в темноте. Щиты — небольшие, круглые, с простым рисунком башни и полосой серебра по краю.

Элар всегда говорил своим людям:

— Мы не для парадов. Мы для того, чтобы город спал спокойно. Пусть наши доспехи будут крепче, чем слова, а мечи — быстрее, чем страх.

В ту ночь, когда Элар и его рыцари патрулировали улицы, их силуэты почти сливались с тенями. Они были незаметны для врага, но каждый житель Ардессы знал: если где-то вспыхнет тревога, первыми появятся именно эти люди — молчаливые, решительные, верные городу.

После ночной тревоги и задержания заговорщиков, Элар не позволил себе ни минуты отдыха. Он собрал своих людей в старой оружейной башне, где стены были толстыми, а разговоры не могли быть подслушаны.

— Сегодня ночью мы спасли город, — тихо сказал он, глядя в глаза каждому рыцарю. — Но враг не остановится. Они будут искать новые пути, новые лица. Мы должны быть тенью для тени, глазом для глаза.

Один из рыцарей, молодой, но уже закалённый в уличных схватках, спросил:

— Лорд, если враг проникнет во дворец? Если среди нас окажется предатель?

Элар сжал рукоять меча:

— Тогда мы будем действовать быстро и без жалости. Здесь нет места сомнениям. Каждый из вас — мой щит и мой меч. Если кто-то усомнится — пусть уйдёт сейчас.

Никто не ушёл.

Позже, на рассвете, Элар встретился с Эрвином в небольшой комнате с видом на город. За окном уже шумели рынки, а на улицах стража удвоила патрули.

— Ты всегда был моим лучшим советником, — признался Эрвин, устало потирая виски. — Но и самым неудобным братом.

Элар усмехнулся:

— Королю нужен не только тот, кто соглашается. Нужен тот, кто скажет правду, даже если она горькая.

— Ты думаешь, я ошибаюсь, доверяя Кураку? — спросил Эрвин.

— Нет, — покачал головой Элар. — Но я думаю, что враг уже внутри города. И если мы не будем держать ухо востро, Ардесса падёт не от меча, а от предательства.

Эрвин кивнул:

— Я хочу, чтобы ты был моими глазами и ушами. Если что-то покажется тебе подозрительным — действуй без промедления.

— Я уже начал, — коротко ответил Элар.

В тот же день маг Галтипии сообщил Эрвину и Кураку:

— В подземельях дворца обнаружены следы свежей магии. Кто-то пытался открыть древние двери, ведущие к колодцам. Если бы яд попал в воду — город бы погиб.

Курак нахмурился:

— Значит, враг не только среди купцов и стражников. Он ищет слабое место в самом сердце Ардессы.

Элар предложил:

— Пусть мои люди патрулируют подземелья вместе с магами. Мы не дадим врагу ни единого шанса.

Эрвин произнес

— Пусть так. Сегодня мы не просто защищаем город — мы защищаем надежду всего Валингтора.

Вечером, когда город погрузился в тишину, Эрвин и Элар поднялись на самую высокую башню дворца. Отсюда Ардесса казалась спокойной, но оба знали — под этой видимостью скрывается тревога.

Эрвин долго молчал, глядя на огни города, потом тихо сказал:

— Знаешь, брат, иногда мне кажется, что все эти войны и союзы — лишь круги на воде. Мы отбиваем врага, строим стены, заключаем договоры… А люди всё равно боятся завтрашнего дня.

Элар стоял рядом, опершись на парапет:

— Люди хотят простых вещей, Эрвин. Мира. Куска хлеба. Уверенности, что их дети доживут до утра. Всё остальное — амбиции королей и страхи лордов.

— А если бы не было этих границ? — задумчиво спросил Эрвин. — Если бы Филия и Массы были единым королевством? Без вражды, без старых обид. Только порядок, законы и справедливость для всех.

Элар усмехнулся:

— Ты всегда мечтал о великом Валингторе. Но знаешь, что мешает этому больше всего? Гордость. И наша, и их. Каждый лорд держится за свой титул, каждый город — за свою свободу. Даже Курак, как бы он ни был честен, не отдаст Филию без боя.

— Я не хочу войны с Филией, — твёрдо сказал Эрвин. — Я хочу мира. Хочу, чтобы наши дети не знали, что такое граница между севером и югом. Чтобы торговцы не платили пошлины, чтобы рыцари не гибли за чужие амбиции.

Элар посмотрел на брата внимательно:

— Тогда начни с малого. Дай Кураку понять, что ты не враг. Покажи людям, что союз — это не подчинение, а общее дело. Пусть увидят, что в Ардессе уважают филийцев, что их дети учатся в наших школах, что их купцы торгуют на наших рынках. Мир начинается не с меча, а с доверия.

Эрвин кивнул:

— Ты прав. После войны я приглашу Курака остаться в Ардессе. Пусть увидит, как мы живём. Пусть его люди почувствуют себя здесь дома.

— А если он откажется? — спросил Элар.

— Тогда я буду знать, что сделал всё, что мог, — ответил Эрвин. — Но я не отступлю от своей мечты. Валингтор должен быть единым и свободным.

Братья стояли молча, глядя на ночной город. В этот момент между ними не было ни короля, ни советника — только двое людей, которые искренне хотели лучшей судьбы для своей земли.

Ветер с реки донёс до башни запахи ночного города и далёких костров. Эрвин задумчиво провёл рукой по камню парапета:

— Если бы только Массы и Филия объединились… Но ведь есть ещё и ераки. Их Стальные острова — ключ к морю, к торговле, к силе. Без них Валингтор всегда будет наполовину закрыт.

Элар кивнул:

— Ераки — народ упрямый. Они привыкли жить по своим законам, не признают ни наших титулов, ни наших богов. Но они уважают силу и честность. Если мы сможем показать им выгоду союза — не только военную, но и торговую — они сами потянутся к нам.

— Я думал об этом, — признался Эрвин. — После войны я хочу пригласить их лордов в Ардессу. Не на переговоры, а на праздник. Пусть увидят, что мы не хотим их поработить, что мы ценим их ремесло, их корабли, их сталь.

— А если они откажутся? — спросил Элар.

— Тогда мы будем искать другие пути, — твёрдо ответил Эрвин. — Может быть, через браки, через совместные проекты, через обмен мастерами. Главное — не давить, а вовлекать.

Элар усмехнулся:

— Ты всегда был дипломатичнее меня. Я бы просто отправил к ним лучших рыцарей и магов — пусть покажут силу, а потом предложат союз.

— Иногда сила — это не меч, а умение слушать, — улыбнулся Эрвин. — Но ты прав: уважение ераков нужно заслужить. Их сталь — лучшая на всём Валингторе. Если бы мы объединили их кузнецов с нашими магами, мы могли бы строить корабли, которых не видел ни один материк.

— А если бы ещё и торговые города Галтипии присоединились… — мечтательно добавил Элар.

— Тогда Валингтор стал бы не просто королевством, а империей, — тихо сказал Эрвин. — Но всё начинается с малого. С доверия, с честности, с готовности меняться.

Братья замолчали, слушая ночной город. Где-то внизу пели солдаты, вдалеке лаяли собаки, а над башнями Ардессы мерцали первые звёзды.

— Знаешь, брат, — тихо сказал Элар, — если нам удастся всё это, я впервые поверю, что мы жили не зря.

— Мы попробуем, — ответил Эрвин. — Ради наших детей. Ради Валингтора.

В ночи над Ардессой пронёсся едва слышный крик — где-то далеко, за городом, патрулировали огненные птицы рода Рагнидиелов. Их крылья вспыхивали в небе, как отблески молний, и даже самые смелые враги не решались приближаться к столице.

Эрвин, прислушавшись к этому крику, тихо сказал:

— Иногда я думаю: если бы мы захотели, мы могли бы завоевать все королевства Валингтора. Наши всадники на огненных птицах — сила, которой нет равных. Ни у Филии, ни у ераков, ни у северных племён.

Элар кивнул, но в его голосе прозвучала тревога:

— Ты прав. Мы — повелители дракосов, и никто не сможет устоять против их огня. Но стоит ли брать силой то, что можно получить уважением? Если мы пойдём этим путём, нас будут бояться, но никогда не полюбят.

— Иногда страх — единственный способ остановить хаос, — задумчиво ответил Эрвин. — Но я не хочу быть тираном. Я хочу, чтобы Валингтор был един не страхом, а общей мечтой.

Элар посмотрел на брата серьёзно:

— Но ты не забывай, что у нас есть враги, которые не остановятся ни перед чем. Красные Плащи уже проникли в Ардессу. А на Галтипии живы потомки Брадиелов — наших предков, которые когда-то правили этими землями. Они не простят нам ни мира, ни силы.

— Я знаю, — вздохнул Эрвин. — Красные Плащи — это не просто наёмники. Это культ, это месть, это древняя кровь. Они хотят вернуть власть Брадиелов, разрушить всё, что мы строим.

— И они знают наши слабости, — добавил Элар. — Они знают, что мы не поднимем меч первыми. Они будут ждать, пока мы ослабнем, пока наши союзники отвернутся.

— Поэтому нам нужно быть мудрее, — твёрдо сказал Эрвин. — Пусть дракосы останутся нашей тайной угрозой. Пусть враги знают, что мы можем сжечь их города, но пусть видят, что мы выбираем другой путь.

— А если придёт день, когда выбора не останется? — спросил Элар.

— Тогда мы будем готовы, — ответил Эрвин. — Но до тех пор я буду строить, а не разрушать.

Братья стояли на башне, и в их молчании была сила — не только огня, но и воли, и надежды.

Эрвин и Элар стояли на башне, и их разговор стал тише, почти шёпотом — даже стены не должны были слышать всего.

— Скажи честно, брат, — спросил Элар, — сколько у нас сейчас дракосов на службе рода? Сколько всадников готовы подняться в небо, если придёт беда?

Эрвин задумался, прежде чем ответить:

— В Ардессе и окрестностях — восемь взрослых дракосов и три молодых. Из них только шесть полностью подчиняются всадникам, остальные ещё дикие, их приручают лучшие наездники.

— На южных границах, в крепости у озера, держат ещё двух старых самцов — они не летают далеко, но их огонь всё ещё страшен.

— В резерве, в горах, есть ещё пара яиц, но никто не знает, когда они вылупятся.

Элар кивнул:

— Один дракос — это целая армия. А если их десять… никто не устоит.

— Но и всадников у нас мало, — добавил Эрвин. — Настоящих, кто не боится высоты, кто умеет говорить с птицей, кто не дрогнет перед пламенем, — всего пятеро. Остальные — ученики, и не все доживут до первого полёта.

— Значит, если придёт беда, мы сможем ударить быстро и страшно, — задумчиво сказал Элар. — Но если враг узнает о нашем числе, он попытается уничтожить дракосов первым делом.

— Именно поэтому мы держим их в тайне, — кивнул Эрвин. — Даже среди наших союзников мало кто знает, сколько их на самом деле. Пусть враги гадают, пусть боятся.

— А если Красные Плащи или Брадиелы попытаются отравить птиц или похитить яйца? — спросил Элар.

— Для этого у нас есть старые стражи рода, — ответил Эрвин. — Они не спят, не пьют, не ведут разговоров. Их жизнь — это охрана дракосов. И если кто-то сунется — он не выйдет из живым.

Братья переглянулись. В их взгляде было понимание: сила рода — не только в дракосах, но и в людях, которые готовы защищать их до последнего вздоха.

— Пусть дракосы будут нашим щитом, — тихо сказал Эрвин. — Но пусть мечом будет мудрость.

— И верность, — добавил Элар.

Элар посмотрел на Эрвина пристально, в его голосе звучала гордость и стальная решимость:

— Верность, брат, — вот что отличает наш род. Все всадники дракосов — только Рагнидиелы. Никто другой не сможет подчинить себе эту птицу, никто не выдержит её огня. Я — твой брат, ты — король, и мы оба всадники. Мы — сила, которую боятся все враги Валингтора.

Он сжал кулак:

— Если понадобится, мы с тобой поднимем дракосов в небо и сожжём Красных Плащей вместе с их союзниками. Мы сможем помочь Лакам на севере, если великаны снова пойдут на их земли. Только скажи — и я поведу наших всадников туда, где нужна наша кровь.

Эрвин медленно кивнул, но в его глазах промелькнула тень:

— Ты прав, брат. Но власть — не только в силе. Я хочу, чтобы на севере Лаки стали слабее. Я тяну время здесь, в столице, не потому что боюсь битвы, а потому что жду, когда их влияние ослабнет. Пусть они сами истощатся в борьбе с великанами, пусть их змеи и всадники устанут. Тогда мы сможем диктовать условия.

Элар нахмурился:

— Ты хочешь, чтобы Лаки потеряли часть своей силы? Но ведь если север падёт, враг придёт к нашим стенам.

— Я не дам северу пасть, — твёрдо сказал Эрвин. — Я оставлю в Ардессе стражу, и они будут держать город годами, если понадобится. Но если Лаки станут слабее, мы сможем навязать им наш порядок. Пусть поймут, что только под нашей защитой север может выжить.

Элар задумался, потом тихо произнёс:

— Ты всегда был стратегом, Эрвин. Я — воин, ты — король. Я готов исполнить твой приказ, но помни: если Лаки падут слишком низко, на их место придут новые враги. Мы должны быть готовы ко всему.

Эрвин положил руку брату на плечо:

— Я рассчитываю на тебя, Элар. Ты — мой меч и мой щит. Вместе мы справимся с любой угрозой — и с Красными Плащами, и с великанами, и с теми, кто затаился в тени.

Они стояли на башне, и в этот миг их род действительно был един — в верности, в силе, в готовности защищать Валингтор любой ценой.

Ветер с реки приносил в город прохладу и запахи ночи. Эрвин и Элар стояли на башне, глядя на мерцающие огни Ардессы. Их разговор стал тише, слова были простыми, но в них чувствовалась тяжесть власти и братской ответственности.

— Ты всегда был прямым, Элар, — тихо начал Эрвин. — Я знаю, что твоя верность не подлежит сомнению. Но я должен признаться: иногда мне страшно, что наши решения могут обернуться бедой для всего Валингтора.

Элар положил руку брату на плечо:

— Мы не выбирали этот путь, Эрвин. Но если не мы, то кто? Я не боюсь ни Красных Плащей, ни великанов, ни гордости Лаков. Я боюсь только одного — что мы потеряем друг друга ради власти.

Эрвин слабо улыбнулся:

— Мы не потеряем. Я хочу, чтобы ты знал: если придёт день, когда придётся выбирать между троном и братом, я выберу тебя. Но сейчас — время быть сильными. Пусть Лаки поймут, что их судьба связана с нашей. Пусть враги знают: Рагнидиелы не сдадутся.

— Я поведу людей, — твёрдо сказал Элар. — Я буду твоими глазами и мечом. Но помни: иногда даже королю нужно слушать сердце, а не только разум.

Они стояли рядом, и в этот миг между ними не было ни короля, ни рыцаря — только два брата, готовых принять на себя бремя будущего.

Внизу, в Ардессе, начиналась новая ночь. На улицах стража удваивала патрули, маги усиливали защитные чары, а в подземельях рыцари Элара искали следы заговора. В небе над городом кружили дракосы, их тени ложились на крыши домов, напоминая всем: власть Рагнидиелов — не только в короне, но и в огне.

В этот вечер братья приняли решение, от которого зависела судьба не только столицы, но и всего Валингтора. Впереди были интриги, битвы, предательства и надежда на новый союз. Но пока Ардесса стояла, пока братья были вместе — у королевства был шанс.

Глава 4. Переплетения Валингтора

В Ардессе царила напряжённая суета. Король Курак Филии всё ещё находился в столице Массов — его армия отдыхала в лагерях за городскими стенами, а сам он ежедневно участвовал в советах с Эрвином Рагнидиелом и его окружением. На улицах было неспокойно: стража удвоила патрули, маги усиливали защитные чары, а купцы и ремесленники готовились к возможной осаде.

В этот день город ждал прибытия нового союзника — войска рода Пранов. Весть о том, что лорд Данис Пран ведёт своих людей в Ардессу, быстро разлетелась по рынкам и тавернам. Для многих это означало: война близко, но и надежда на объединение всех великих родов становится реальнее.

К полудню на восточных воротах собралась толпа. Вдали показались знамёна — серебряный полумесяц на чёрном фоне, пересечённый тонкой синей полосой. Это был герб Пранов: символ ночной мудрости, магии и скрытой силы. На щитах воинов — тот же полумесяц, а на плащах — вышитые синие звёзды.

Воины Пранов отличались от других: их доспехи были лёгкими, из тёмной стали с синими вставками, украшенными тонкой гравировкой в виде лунных узоров. На шлемах — серебряные гребни, а на наплечниках — эмблемы с изображением полумесяца, ещё одного символа рода. Каждый воин держал при себе не только меч, но и короткий посох — знак того, что многие из них владеют магией.

Впереди ехал сам лорд Данис Пран — высокий, худощавый мужчина с проницательным взглядом и длинными серебристыми волосами. Его доспех был украшен синим сапфиром в центре груди, а на поясе висел меч с рукоятью в форме полумесяца.

У ворот Ардессы их встречали Эрвин Рагнидиел, король Курак Филии, лорд Элар и маги Галтипии. Эрвин первым подошёл к Данису, приветствуя его по-рыцарски:

— Лорд Данис, Ардесса рада видеть Пранов под своими стенами. Ваш приход — знак того, что Валингтор ещё может быть единым.

Данис Пран поклонился:

— Мы пришли не ради славы, а ради мира. Пока хоть одна тень угрожает Валингтору, Праны не останутся в стороне.

Курак Филии шагнул вперёд:

— Я рад видеть союзников. Пусть наши армии будут не только щитом, но и знаком для всех, кто ещё сомневается — Валингтор не падёт.

Элар внимательно смотрел на воинов Пранов, оценивая их дисциплину и слаженность. Маг Галтипии тихо заметил Эрвину:

— Среди них много одарённых. Их магия может стать решающей в грядущей битве.

Вскоре после торжественной встречи, лорды и короли собрались в малом зале совета. Здесь, за овальным столом, под сводами, украшенными гербами всех великих родов, обсуждалась судьба Валингтора.

Лорд Данис Пран сидел рядом с Эрвином и Кураком. Его взгляд был спокоен, но в голосе звучала скрытая тревога:

— Мы все знаем, что север держится из последних сил. Лаки сражаются не только с великанами, но и с Красными Плащами. Если они падут — враг получит прямую дорогу к Ардессе.

Курак Филии кивнул:

— Я видел, как сражаются Лаки. Их всадники и змеи — гордость Валингтора. Но им нужна поддержка. Мы не можем позволить себе потерять север.

Эрвин Рагнидиел задумчиво провёл рукой по столу:

— Вопрос не только в войсках. Лаки горды, они привыкли полагаться на себя. Если мы придём к ним с приказами, они могут отвергнуть помощь. Нужно действовать тонко — предложить союз, а не подчинение.

Маг Галтипии добавил:

— Магия Пранов и Галтипии вместе может укрепить защиту северных крепостей. Если мы объединим силы, даже великаны не прорвутся.

Лорд Элар, опершись на рукоять меча, произнёс:

— Я готов вести отряд дракосов на север, если потребуется. Но важно, чтобы Лаки сами попросили о помощи. Тогда они примут нас как союзников, а не как завоевателей.

Данис Пран посмотрел на всех по очереди:

— Я могу отправить гонца к Лакам. Пусть узнают, что мы готовы прийти на помощь. Пусть сами решат, когда и как её принять.

Курак одобрительно кивнул:

— Это мудро. Мы должны показать единство, а не диктат.

Эрвин подытожил:

— Тогда решено. Мы готовим армию, усиливаем магическую защиту и ждём ответа от Лаков. Если север позовёт — мы выступим

В зале совета, где на стенах висели гербы великих родов, разговор вновь вернулся к теме единства.

Лорд Данис Пран, внимательно глядя на карту, заговорил первым:

— Мы все понимаем: если Валингтор падёт, не устоит ни один род. Но каждый из нас привык полагаться на себя. Особенно Бар — они веками держат запад, не вмешиваясь в дела столицы.

Курак Филии кивнул:

— Я встречался с леди Мираэль Бар. Она не любит пустых обещаний. Для Бар главное — честь и слово. Если мы покажем, что союз не угроза их свободе, а защита всего Валингтора, они поддержат нас.

Эрвин Рагнидиел задумчиво провёл пальцем по гербу Бар:

— Бар — как скала. Их не сдвинуть приказом, но если они решат, что это их битва, будут стоять до конца. Я отправлю к ним посольство — не с приказом, а с честным предложением. Пусть сами выберут, как поступить.

Маг Галтипии добавил:

— Маги Бар сильны в защитных чарах, а их крепости — самые неприступные на западе. Если Бар согласится, мы получим надёжный тыл.

Элар, опираясь на меч, заметил:

— Я знаю их воинов. Они не любят громких слов, но если встанут на защиту Валингтора — не отступят ни перед кем. Главное — уважать их традиции и не пытаться командовать.

Данис Пран перевёл взгляд на герб Талинов:

— Ещё есть род Талин. Их рыцари чтят кодекс чести. Если они увидят, что мы действуем как единое целое, Талины тоже встанут рядом с нами.

Курак подытожил:

— Пусть этот совет станет началом нового союза — союза воли, а не страха.

Эрвин поднял кубок:

— За Валингтор. За дом, который мы должны сохранить для наших детей.

Советники поддержали тост, и в зале впервые за долгое время прозвучала уверенность: если великие рода объединятся, Валингтор выстоит.

После тоста Эрвин Рагнидиел поставил кубок на стол и, обращаясь ко всем, заговорил сдержанно, но твёрдо:

— Есть ещё одна надежда для Валингтора. Мастер рыцарей Единого Стола, сир Грегор Талин, уже сейчас воюет на севере вместе с Лаками. Его отряд держит оборону у перевалов, где особенно яростны атаки великанов и Красных Плащей.

Эрвин посмотрел на Даниса Прана:

— Сир Грегор — не просто воин, он — символ чести для всего рода Талин. Если он обратится к своему отцу, лорду Ремру Гору Талину, с просьбой о помощи королевству, это может изменить ход всей войны. Влияние Ремра Гора Талина огромно, а его слово весит не меньше меча.

Курак Филии задумчиво кивнул:

— Я слышал о храбрости рыцарей Единого Стола. Если Талины выступят открыто, многие колеблющиеся рода последуют их примеру.

Данис Пран добавил:

— Главное — чтобы Грегор сам сделал этот шаг. Талины не терпят давления, но если просьба прозвучит от сына, а не от чужаков, лорд Гор не сможет её проигнорировать.

Элар заметил:

— Я могу отправить гонца к Грегору. Пусть он знает, что Ардесса и весь Валингтор рассчитывают на него.

Эрвин одобрительно кивнул:

— Сделай это. Сейчас каждый союзник, каждый рыцарь, каждая крепость могут стать решающими.

В зале вновь воцарилась тишина — теперь уже не тревожная, а наполненная ожиданием и верой в то, что судьба Валингтора ещё не решена.

Советники переглянулись, ощущая, как в воздухе сгущается напряжение — но теперь в нём было больше решимости, чем страха.

Король Курак Филии первым нарушил молчание:

— Мы не можем ждать слишком долго. Если север падёт, враг двинется на столицу. Я, как король Филии, готов выделить часть своих воинов для поддержки Лаков и рыцарей Талина. Пусть это будет знаком: Филия не бросает союзников.

Данис Пран поддержал:

— Я отправлю лучших магов Пранов на северные рубежи. Их чары помогут удержать перевалы и защитить от вражеской магии Красных Плащей.

Эрвин Рагнидиел кивнул:

— Я прикажу подготовить отряд дракосов. Пусть пока держатся в резерве, но если ситуация станет критической, мы ударим всей силой.

Элар добавил:

— Я лично прослежу за тем, чтобы гонец добрался до сира Грегора Талина. Если он убедит отца, у нас появится шанс переломить ход войны.

Маг Галтипии тихо заметил:

— Я могу связаться с магами Галтипии, чтобы они подготовили защитные амулеты для северных воинов. Пусть каждый, кто встанет на защиту Валингтора, будет под покровом магии.

Эрвин подытожил:

— Тогда решено. Мы действуем сообща. Каждый род делает свой шаг навстречу общему спасению. Пусть враги видят: Валингтор не сломлен.

Советники встали из-за стола. В этот момент в зале не было ни чужаков, ни соперников — только союзники, готовые сражаться за общий дом.

Когда совет завершился, каждый из лордов и гостей отправился готовить свой народ к грядущим событиям. В Ардессе наступил вечер, и город словно затаил дыхание: на улицах стало тише, стража усилила дозоры, а в окнах замка всю ночь не гас свет.

Король Курак Филии в сопровождении своих советников обсуждал детали отправки воинов на север. Он лично отобрал лучших командиров и настоял, чтобы каждый солдат знал: их миссия — не только защита Лаков, но и защита всего Валингтора.

Данис Пран в своих покоях собирал магов. Он говорил с каждым лично, выбирая тех, кто владеет не только боевыми заклинаниями, но и искусством защиты. Маги Пранов готовили амулеты, руны и свитки, чтобы укрепить северные крепости.

Эрвин Рагнидиел и Элар задержались в зале совета. Эрвин смотрел в окно на огни города, а Элар проверял списки всадников и дракосов.

— Всё меняется, брат, — тихо сказал Эрвин. — Сегодня мы стали ближе к тому, чтобы Валингтор вновь стал единым.

— Но впереди ещё много крови и испытаний, — ответил Элар. — Главное — не потерять себя в этой войне.

— Мы не потеряем, — твёрдо сказал Эрвин. — Пока мы вместе, у Валингтора есть будущее.

В этот вечер над Ардессой не было ни грома, ни ветра — только тревожная тишина перед бурей.

Поздно вечером, когда большинство советников уже разошлись по своим покоям, Данис Пран задержался в коридорах замка. Он заметил Элара, брата короля Эрвина, который в одиночестве просматривал списки воинов у окна, освещённого лунным светом.

Данис подошёл бесшумно, его шаги были мягкими, как у мага, привыкшего к тайнам.

— Элар, — негромко произнёс он, — можно на минуту?

Элар обернулся, кивнул и жестом пригласил Даниса присесть рядом на скамью у стены.

— Ты не похож на человека, который доверяет союзникам безоговорочно, — начал Данис, внимательно глядя на Элара. — Я вижу это в твоих глазах и в том, как ты держишь руку на рукояти меча даже здесь, в сердце Ардессы.

Элар усмехнулся, не убирая руки с меча:

— Война учит осторожности. Я доверяю тем, кто держит слово, а не тем, кто красиво говорит на советах. Но сегодня ты был честен. Праны редко вмешиваются в чужие дела, но твой приход многое значит.

Данис кивнул:

— Я пришёл не ради славы. Я видел, как рушатся великие дома, когда каждый думает только о себе. Если мы не объединимся сейчас, завтра не будет ни Пранов, ни Рагнидиелов, ни Лаков.

— Ты говоришь правильно, — согласился Элар. — Но даже в союзе у каждого свои тайны и свои страхи. Я знаю, что у Пранов сильные маги, но что ты ждёшь взамен помощи?

Данис не стал юлить:

— Я хочу, чтобы Валингтор выжил. Но если придёт день, когда магия Пранов решит исход битвы, я попрошу твоего брата не забывать, кто был рядом в самый трудный час. Не ради власти — ради уважения.

Элар посмотрел на Даниса пристально, потом протянул руку:

— Если ты держишь слово — я буду помнить это. Война покажет, кто чего стоит.

Они обменялись крепким рукопожатием — не как политики, а как люди, которым предстоит пройти через испытания плечом к плечу.

После рукопожатия между Данисом Праном и Эларом на мгновение повисла тишина. За окном замка Ардессы мерцали редкие огни, и только шаги ночной стражи нарушали покой.

Элар, не отпуская руку Даниса, заговорил спокойнее, но в его голосе звучала стальная прямота:

— Данис, скажи честно: если мой брат, король Эрвин, решит объединить все королевства Валингтора под одной короной — не только ради войны, но и ради будущего — будет ли род Пранов предан этому союзу? Или, когда угроза минует, вы снова уйдёте в свои земли и станете хранить только свои тайны?

Данис не отвёл взгляда:

— Ты прямо спрашиваешь — я прямо отвечу. Праны всегда были осторожны. Мы не ищем власти, но и не любим, когда кто-то диктует нам свою волю. Если Эрвин будет королём для всех, а не только для Рагнидиелов, если он даст место за столом каждому роду — Праны останутся в союзе. Но если он попытается сделать из нас подданных, а не союзников, мы уйдём.

Элар кивнул, будто ожидал именно такого ответа:

— Это честно. Мой брат не глупец. Он понимает: сила Валингтора — в уважении к каждому роду, а не в страхе. Но если кто-то попытается расшатать союз изнутри — я буду первым, кто это заметит.

Данис чуть улыбнулся:

— Я не боюсь твоей прямоты, Элар. Пусть каждый из нас будет честен — тогда и союз выстоит.

— Тогда пусть будет так, — коротко сказал Элар. — Пусть Валингтор станет единым не только на поле битвы, но и в сердце.

Они поднялись со скамьи, и в этот момент между ними возникло нечто большее, чем просто политический расчёт — уважение людей, готовых сражаться за общее дело, даже если их пути и взгляды разные.

Элар и Данис Пран, оставшись наедине в полутёмном коридоре замка, продолжили разговор, теперь уже не только о войне, но и о будущем Валингтора.

— Если мы победим, — начал Элар, — и мой брат действительно объединит все королевства, как ты видишь совет при короле? Кто должен в него войти?

Данис задумался, его голос стал более рассудительным:

— Совет должен быть не только символом, но и реальной силой. Каждый великий род — Лак, Бар, Пран, Талин — должен иметь своего представителя. Это даст всем ощущение причастности и ответственности. Но одного этого мало.

— Кого ещё ты видишь за столом? — спросил Элар.

— Я бы добавил посла от ераков со Стальных островов, — ответил Данис. — Их флот и металл нужны всему Валингтору. И, возможно, представителя Галтипии — маги и торговцы оттуда всегда влияли на баланс сил.

Элар кивнул:

— А что насчёт северных племён? Их вожди редко участвуют в советах, но без их поддержки север всегда будет зоной риска.

— Пусть у них будет свой голос, — согласился Данис. — Даже если не постоянный, но право участвовать в решениях, касающихся границ и войны.

— И ещё, — добавил Элар, — совет не должен быть только собранием лордов. Иногда нужен голос простых людей — купцов, мастеров, рыцарей, даже городских старейшин. Пусть хотя бы один-два места будут для тех, кто не принадлежит к великим родам.

Данис одобрительно улыбнулся:

— Это мудро. Только так новый Валингтор не повторит ошибок прошлого, когда власть была в руках немногих, а остальные чувствовали себя чужими.

— Тогда мы оба знаем, за что сражаемся, — тихо сказал Элар. — За страну, где у каждого будет место и слово.

Они обменялись взглядами, в которых было больше надежды, чем сомнений. В этот вечер в стенах Ардессы рождалась новая идея — идея единого, справедливого Валингтора, где совет станет не символом, а сердцем королевства.

Они вышли на открытую галерею, где над городом уже поднимался рассвет. Ардесса просыпалась: на улицах слышались шаги стражи, вдалеке перекликались дозорные, а в небе медленно таяли последние звёзды.

Данис Пран остановился у каменного парапета и посмотрел на Элара:

— Если мы выживем в этой войне, я дам слово: Праны поддержат новый совет. Я сам сяду за этот стол, если мой род выберет меня. И если твой брат будет держать слово, я буду стоять за Валингтор до конца.

Элар кивнул, его голос был твёрд:

— Я тоже даю слово. Пока я жив, никто не посмеет разрушить этот союз изнутри. Пусть каждый великий род знает: мы не ищем власти ради власти. Мы хотим, чтобы Валингтор стал домом для всех, кто готов его защищать.

Они обменялись рукопожатием — крепким, как договор двух воинов, а не только лордов.

— Пусть этот рассвет станет началом новой эпохи, — тихо сказал Данис.

— Пусть, — отозвался Элар. — Но впереди ещё ночь, и она будет долгой.

В этот момент над Ардессой раздался крик дракоса — предвестник перемен и напоминание о том, что судьба королевства решается не только в битвах, но и в честных словах между теми, кто готов брать ответственность за будущее.

Глава 5. Сердце храма

В самом сердце Ардессы, где пересекаются шумные торговые улицы и тенистые аллеи, возвышался Храм Единого Бога — древний, строгий, словно вырезанный из света и камня. Его стены были белыми днём и серебристыми ночью, а купола отражали небо и звёзды. Внутри храм был наполнен мягким светом, запахом ладана и тихим пением, которое не смолкало даже в самые тревожные дни.

Здесь, под высокими сводами, собирались не только верующие, но и те, кто искал защиты, совета или прощения. Здесь же жили и служили воины-проповедники — особая каста, стоящая между миром меча и миром слова.

Воины-проповедники не были рыцарями. Их не интересовали турниры и слава, они не носили тяжёлых лат и не искали дуэлей. Их оружие — короткий меч, всегда висящий на простом кожаном поясе, и слово, способное остановить гнев или разжечь надежду.

Одежда их была скромной: длинная туника цвета слоновой кости, подпоясанная синим шнуром, на груди — вышитый круг и вертикальный меч, символ Единого. Поверх — короткий плащ с капюшоном, защищающий от дождя и ветра. Волосы у всех были коротко острижены, а на запястьях — кожаные браслеты с выгравированными словами клятвы.

Каждый воин-проповедник давал обет не брать в руки оружие ради мести или наживы, а только для защиты слабых и утверждения справедливости. Их дни проходили в служении: утром — молитва и помощь бедным, днём — обучение детей грамоте и законам веры, вечером — патрулирование улиц Ардессы, чтобы нести слово Единого даже в самые тёмные закоулки.

В этот вечер главный проповедник храма, старец Аврелий, сидел в тени колонн, перебирая чётки. К нему подошёл его молодой помощник — воин-проповедник Марен, только недавно принявший обет.

— Учитель, — Марен говорил тихо, чтобы не нарушить покой храма, — сегодня на площади я видел, как люди спорят о войне. Одни требуют крови, другие молятся о мире. А мы… что должны делать мы?

Аврелий посмотрел на ученика долгим, внимательным взглядом:

— Мы должны помнить, Марен, что наша сила — не в железе, а в слове. Но слово бывает острее меча. Война — испытание для всех: для королей, для воинов, для простых людей. Но прежде всего — для нас.

— Но если король Эрвин призовёт нас защищать город? — Марен сжал рукоять меча, висевшего на поясе. — Должны ли мы идти сражаться?

— Мы не ищем битвы, — покачал головой Аврелий. — Но если на город придёт беда, если невинные будут в опасности, мы не имеем права прятаться за стенами. Мы идём туда, где нужнее всего: в лазареты, на площади, в дома, где плачут дети. Иногда — и на стены, если враг у ворот. Но даже тогда мы несем не только меч, но и слово. Мы должны быть примером милосердия, даже когда вокруг только ненависть.

— А если нас обвинят в трусости? — Марен опустил глаза.

— Пусть обвиняют, — мягко ответил Аврелий. — Истинная храбрость — не в том, чтобы первым броситься в бой, а в том, чтобы остаться верным себе и Единому, даже если весь мир идёт против тебя.

Марен кивнул, и в его взгляде появилась твёрдость.

— Я понял, учитель. Я буду помнить обет.

Воины-проповедники жили скромно: их кельи были маленькими, с одной кроватью, столом и полкой для книг. Каждый вечер они собирались в общем зале для совместной трапезы и обсуждения событий дня. Здесь не было места гордости или соперничеству — только братство, взаимная поддержка и вера.

Перед каждым дежурством они становились в круг у алтаря, читали короткую молитву и напоминали друг другу: «Мы — не судьи, мы — проводники воли Единого». Их уважали в городе, к ним шли за советом и помощью, но и боялись — ведь их слово могло изменить судьбу любого, от нищего до лорда.

Когда солнце склонилось за крыши Ардессы, храм наполнился особой тишиной. В этот час воины-проповедники собирались в небольшом внутреннем дворе. Здесь, среди низких кустов лавра и старых каменных скамеек, они делились новостями, обсуждали тревоги дня и молились о мире для города.

Марен стоял у фонтана, слушая, как вода капает в мраморную чашу. К нему подошёл старший брат по обету — Стефан, человек с суровым лицом и мягким голосом.

— Ты снова тревожен, Марен, — заметил Стефан. — Война пугает всех, но страх — не повод забывать, кто мы.

— Я не боюсь битвы, — тихо ответил Марен. — Я боюсь, что не смогу отличить, где заканчивается долг и начинается жестокость.

Стефан положил руку ему на плечо:

— Для этого мы и служим здесь. Чтобы напоминать друг другу: наша сила — не в мечах, а в вере и милосердии. Даже если придётся идти на стены, мы не должны становиться такими, как те, кто несёт только смерть.

Вечером храм наполнился людьми. Пришли и простые горожане, и купцы, и даже несколько воинов из стражи. Аврелий вышел к алтарю, его голос был негромким, но в тишине зала слышался каждому:

— Время испытаний пришло к нашему городу. Но не меч определяет правду, а сердце, наполненное верой. Пусть каждый вспомнит: Единому не нужны жертвы ради славы, Ему нужны поступки ради добра.

После службы воины-проповедники разошлись по своим обязанностям. Кто-то остался в храме, чтобы выслушать исповеди, кто-то отправился в лазарет, кто-то — патрулировать улицы.

Марен и Стефан шли по узким улочкам Ардессы. В руках у них были не мечи, а фонари и простые посохи. Они заглядывали в переулки, помогали тем, кто остался без крова, останавливали ссоры, разнимали пьяных. Иногда достаточно было одного слова, чтобы люди устыдились и разошлись.

В одном из дворов они увидели мальчика, который плакал, прижимая к груди кусок хлеба.

— Почему ты здесь один? — спросил Марен, присев рядом.

— Мама не вернулась с рынка… — всхлипнул мальчик.

Стефан отдал ему свой плащ, а Марен пообещал найти мать и привёл мальчика в храм, где его накормили и уложили спать.

Поздно ночью Марен вернулся в храм. Аврелий ждал его у входа, сидя на каменной скамье.

— Ты сделал сегодня больше, чем многие воины на поле брани, — сказал старец. — Ты защитил слабого, не обнажив меча.

— Но хватит ли этого, когда придёт настоящая беда? — спросил Марен.

— Иногда достаточно одного доброго поступка, чтобы остановить волну зла, — ответил Аврелий. — А если не хватит — мы будем рядом. Вместе.

Марен почувствовал, как тревога отступает. Он знал: даже если завтра город накроет война, храм останется островком света и надежды.

В эти дни храм становился не только местом молитвы, но и убежищем для раненых, голодных, потерявших дом. Воины-проповедники несли дежурства у ворот, помогали врачам, утешали вдов и сирот. Их слово и забота становились для многих последней опорой.

В совете лордов имя Аврелия всё чаще звучало как голос совести. Даже король Эрвин, готовясь к обороне города, прислушивался к советам старца, хотя и не всегда соглашался с его мягкостью.

В одну из ночей Марен долго не мог уснуть. Он смотрел на потолок своей кельи и думал: что будет, если завтра храму придётся стать последней преградой между войной и миром? Сможет ли он остаться верен обету, если придётся защищать храм с мечом в руке?

Он встал, вышел во двор и увидел Аврелия, который молился под звёздами.

— Учитель, — тихо сказал Марен, — если придёт враг, я не отступлю. Но я боюсь стать жестоким.

— Бойся не меча, а сердца, которое ожесточилось, — ответил Аврелий. — Пока ты помнишь об этом — ты останешься воином Единого, а не просто солдатом.

Продолжаю главу. Аврелий делится с Мареном историей герба Единого Бога и происхождением самого культа, рассказывая о мальчике по имени Фар из Эдиласа.

Когда первые лучи рассвета проникли в окна храма, Марен вновь встретил Аврелия в зале для молитв. Старец стоял у алтаря, держа в руках медальон — герб Единого Бога: круг, пересечённый вертикальным мечом.

— Учитель, — спросил Марен, — почему мы носим этот знак? Почему круг и меч?

Аврелий улыбнулся, его глаза стали мягче:

— Этот герб — не просто украшение, Марен. Он — напоминание о том, что вера и справедливость неразделимы. Круг — символ вечности, единства всего сущего, бесконечного пути. Меч — не оружие войны, а знак истины, что разрезает ложь и тьму. Вместе они означают: истина вечна, а справедливость — её страж.

Он протянул медальон Марену, чтобы тот мог рассмотреть его поближе. На серебряной поверхности был выгравирован ровный круг, а сквозь него проходил прямой меч, рукоять которого сливалась с нижней частью круга, а остриё уходило вверх, к небу.

— Но откуда пришёл этот символ? — спросил Марен.

Аврелий сел рядом, и его голос стал чуть тише, словно он открывал древнюю тайну:

— Много лет назад, когда Валингтор был ещё раздроблен, а на юге, в городе Эдилас, царили голод и страх, жил мальчик по имени Фар. Он был сиротой, никому не нужным, но в сердце его жила необыкновенная доброта. Говорят, однажды, когда город охватил мор, Фар увидел во сне круг света и меч, опускающийся с неба.

— Он рассказал об этом сне другим детям, и они начали собираться вместе, чтобы молиться не старым богам войны и золота, а Единому — тому, кто защищает слабых и не требует жертв. Фар учил: «Истинная сила — в милосердии, а истина — в единстве». Сначала над ним смеялись, потом к нему стали приходить матери с детьми, старики, изгнанные.

— Когда в Эдилас пришла беда, и город оказался на грани гибели, Фар первым вышел на площадь с простым кругом, нарисованным на куске ткани, и деревянной палкой вместо меча. Он встал между враждующими и сказал: «Пусть этот круг станет знаком мира, а этот меч — обетом защищать каждого, кто ищет справедливости».

— Люди услышали его. Постепенно культ Единого распространился по всему югу, а потом и дальше, в Массы, Галтипию, даже на север. Фар прожил короткую жизнь, но его слово оказалось сильнее любого меча. С тех пор мы носим этот герб — чтобы помнить: каждый из нас может стать началом добра, даже если он всего лишь мальчик из забытого города.

Аврелий замолчал, и в тишине храма Марен почувствовал, как тяжесть на душе стала легче.

— Спасибо, учитель, — прошептал он. — Я буду носить этот знак с гордостью.

— И с ответственностью, — добавил Аврелий. — Герб Единого — не только защита, но и напоминание: мы должны быть светом для других, даже если вокруг сгущается тьма

Аврелий поднялся и подошёл к массивному дубовому шкафу, стоящему у стены. Осторожно, словно прикасаясь к реликвии, он достал старую, потемневшую от времени книгу в кожаном переплёте. На её обложке серебром был выведен тот самый круг с мечом.

— Это летопись древних мифов, — произнёс Аврелий, возвращаясь к Марену. — Здесь собраны истории о Фаре, которые передавались из уст в уста, пока их не записали первые проповедники.

Он сел на скамью, открыл книгу и начал читать вслух, его голос наполнил зал храма особой торжественностью:

«В те дни, когда Эдилас был городом страха и нищеты, мальчик по имени Фар жил среди руин. Он был мал ростом, но велик сердцем. Говорят, однажды ночью к нему явился странник в белом плаще и сказал: "В каждом сердце есть круг, но не каждый находит в себе меч, чтобы защитить его". С тех пор Фар стал собирать вокруг себя детей и стариков, учить их не бояться тьмы, а искать свет даже в самых мрачных уголках.»

Марен слушал, затаив дыхание.

— Учитель, — спросил он, — а кто был этот странник? Был ли он посланником Единого?

Аврелий улыбнулся:

— Об этом спорят до сих пор. Одни говорят, что это был сам Единый, явившийся в человеческом обличье. Другие — что это был обычный путник, но слова его зажгли в Фаре искру веры. Важно не кто он был, а что Фар услышал и принял этот дар.

Аврелий перевернул страницу и продолжил:

«Когда в Эдиласе начался голод, Фар делился последним хлебом с теми, кто был слабее. Он говорил: "Круг — это не только защита, но и общность. Меч — не только оружие, но и слово, что может разрубить цепи страха".»

— А правда ли, — спросил Марен, — что Фар однажды остановил войско, встав между ними и жителями города с простым кругом на ткани?

— Да, — кивнул Аврелий. — В одной из легенд говорится, что когда на Эдилас напали разбойники, Фар вышел к ним без оружия, только с этим знаком. Он не говорил ни слова, просто стоял, и нападавшие не смогли поднять мечи. Кто-то говорит — это чудо, кто-то — что их поразила его смелость. Но с того дня круг и меч стали символом защиты и мира.

Аврелий закрыл книгу, задумчиво поглаживая её обложку.

— Мифы — это не всегда правда, Марен, но в них живёт дух веры. Мы не знаем, был ли Фар святым или просто мальчиком, но его поступки изменили мир. И наша задача — нести этот свет дальше.

Марен долго молчал, а потом тихо спросил:

— А если я не смогу быть таким смелым, как Фар?

Аврелий положил руку ему на плечо:

— Смелость — не в том, чтобы не бояться, а в том, чтобы идти вперёд, несмотря на страх. Даже если ты просто держишь круг и меч в сердце — ты уже продолжаешь путь Фара.

Когда первые прихожане покинули храм, Аврелий обратился к Марену:

— Позови старейшин. Пусть соберутся в Зале Единого. Время для долгого молчания прошло.

Марен кивнул и поспешил выполнить поручение. Один за другим в храм начали входить старшие проповедники — те, кто был хранителем традиций, памяти и веры. Их было шесть:

— суровый и молчаливый Гелас из северных земель,

— мудрая и строгая Лиана,

— седой, с проницательным взглядом, Тарвин,

— добродушный, но непреклонный Симеон,

— задумчивый и молчаливый Ард,

— и молодая, но уже уважаемая среди братьев, Эсса.

Аврелий был седьмым, старшим среди них, хранителем ключей от Зала Единого.

Зал Единого находился в глубине храма. Это было круглое помещение с высоким куполом, где на стенах были вырезаны слова древних клятв. В центре стоял круглый стол из чёрного дерева, а над ним — серебряный герб Единого Бога, сияющий в свете свечей.

Старейшины расселись по кругу. Каждый из них положил перед собой медальон с гербом, как знак равенства и ответственности.

Аврелий начал первым:

— Братья и сёстры, сегодня мы собрались не ради ритуала. Город в тревоге. Король Эрвин просит нашего благословения на войну, а Красные Плащи уже близко к стенам Ардессы. Мы должны решить, как поступить.

Гелас сдвинул брови:

— Король молод и горяч. Он ищет поддержки не только у меча, но и у слова. Но если мы благословим войну, не предадим ли мы учение Единого?

Лиана, сложив руки на груди, ответила:

— Мы не можем отвернуться от народа. Если Красные Плащи войдут в город, погибнут невинные. Но и идти на поводу у короля — значит, стать частью кровавой распри.

Тарвин задумчиво провёл рукой по бороде:

— Красные Плащи — не просто враги. Они несут с собой страх, раздор, жажду мести. Их появление — испытание для всех нас. Но если мы останемся в стороне, потеряем доверие людей.

Симеон тихо добавил:

— Я видел, как Красные Плащи сжигают деревни. Они не знают пощады. Но и король не всегда слушает голос разума. Вчера его люди прогнали наших братьев с площади, когда мы пытались остановить драку.

Эсса, самая молодая, но уже мудрая, сказала:

— Может, нам стоит выйти к народу и говорить открыто? Не только в храме, но и на улицах, на площадях. Пусть услышат, что вера — это не только молитва, но и действие.

Ард, до этого молчавший, поднял голову:

— Мы должны помнить: наш долг — не перед королём и не перед страхом. Наш долг — перед истиной и Единством. Если мы благословим войну, пусть это будет ради защиты слабых, а не ради славы или мести.

В зале повисла тишина. Аврелий посмотрел на каждого из старейшин:

— Я не дам простого ответа. Каждый из нас должен решить сердцем. Но я прошу: если придёт день битвы, пусть наши воины-проповедники будут там, где нужнее всего — в лазаретах, среди раненых, на улицах, где плачут дети. Пусть наш меч будет мечом милосердия, а слово — светом для заблудших.

Старейшины кивнули. Каждый из них понимал: впереди — тяжёлые дни, и выбор, который они сделают сегодня, определит не только судьбу храма, но и всего королевства.

В Зале Единого повисла тяжёлая тишина. За окнами храма сгущались сумерки, и только свет свечей отражался на лицах старейшин. Каждый из них был погружён в свои мысли, но именно в такие минуты рождались самые важные решения.

Первой заговорила Лиана. Её голос был твёрд, но в нём слышалась тревога:

— Если король уйдёт на север, столица останется без сильной руки. Красные Плащи не упустят свой шанс. Народ будет искать защиты и порядка. Кто, если не мы, сможет удержать город от хаоса?

Гелас нахмурился:

— Мы — не правители, Лиана. Мы — служители веры. Но если власть ослабеет, а улицы захлестнёт страх, нам придётся взять на себя ответственность. Не ради славы, а ради спасения Ардессы.

Симеон покачал головой:

— Я боюсь, что власть — опасное искушение. Мы давали обет служить истине, а не трону. Но если город останется без вождя, а храм — единственным островком порядка, люди сами придут к нам за советом и защитой.

Ард, задумчиво глядя на герб Единого на стене, произнёс:

— В истории были времена, когда храм становился опорой для народа. Но всякий раз это приводило к испытаниям для самой веры. Власть меняет даже самых чистых.

Эсса тихо добавила:

— Может, нам стоит заранее подготовиться? Организовать помощь, создать советы из уважаемых горожан, чтобы не допустить анархии. Пусть храм будет местом, где решаются судьбы, но не превращается в новый трон.

Тарвин, обычно немногословный, вдруг заговорил с жаром:

— Если Красные Плащи войдут в город, они не пощадят ни храм, ни народ. Если король оставит Ардессу, мы не имеем права быть просто наблюдателями. Мы должны быть готовы взять на себя руководство, пусть даже временно.

Аврелий внимательно слушал всех, а затем сказал:

— Власть — это не только право, но и тяжёлое бремя. Если придёт час, когда храму придётся стать опорой для города, мы должны помнить: наша задача — не править, а защищать. Не судить, а спасать. Пусть каждый из нас будет готов к этому, но пусть ни один не ищет власти ради себя.

Он посмотрел на Марена, который стоял у двери и слушал разговор с замиранием сердца.

— Марен, запомни: истинная сила храма — в доверии людей, а не в страхе. Если придёт день, когда мы будем вынуждены взять власть, мы сделаем это только ради мира и порядка, а не ради собственной воли.

Старейшины кивнули. Каждый понимал: впереди — время испытаний, и возможно, именно храму Единого придётся стать сердцем сопротивления и надежды для Ардессы.

Когда обсуждение будущего города и власти стихло, Аврелий поднялся и заговорил особенно серьёзно, его голос стал твёрдым, как никогда:

— Мы должны быть готовы не только к победе, но и к поражению. Если храм падёт, если Красные Плащи или иные враги уничтожат наш культ в Ардессе, мы не имеем права оставить веру без памяти. Все наши рукописи, летописи, книги — это не просто слова, это душа Единого в этом мире.

Он посмотрел на каждого из старейшин, задержав взгляд на Марене:

— В таком случае мы должны немедленно вывести все священные рукописи, реликвии и летописи во второй по величине храм — в Лачуир, торговый город на Галтипии. Там, среди купцов и путешественников, наш культ всегда был под защитой старых союзов. Храм Лачуира — наш запасной оплот.

Лиана кивнула:

— Я знаю тамошнего старшего проповедника, брата Мелхия. Он человек надёжный, и его братья преданы делу.

Симеон добавил:

— Но путь туда опасен. Если начнётся смута, дороги будут перекрыты, а рукописи могут попасть в руки врагов.

Аврелий ответил:

— Мы подготовим всё заранее. Уже сегодня ночью я напишу послание Мелхию. Марен, ты отправишься с гонцом к западным воротам, где наши люди смогут незаметно покинуть город. Пусть в Лачуире будут готовы принять рукописи и укрыть их, если случится беда.

Ард задумчиво произнёс:

— Даже если храм в Ардессе падёт, вера выживет, пока живы слова и память. Пусть Лачуир станет новым светочем, если здесь наступит тьма.

Эсса добавила:

— Я помогу собрать всё необходимое. Мы не должны терять ни одной строки из летописей Фара и древних пророков.

Аврелий посмотрел на всех с благодарностью и решимостью:

— Пусть это будет нашим последним убежищем, но и нашей надеждой. Если придёт беда, мы не предадим ни веру, ни память. Пусть Единый хранит нас на этом пути.

В этот вечер в храме не смолкали шаги: кто-то собирал книги, кто-то писал послания, кто-то молился о том, чтобы этот план никогда не понадобился. Но каждый знал: вера — это не только молитва, но и готовность защищать её до конца.

Глава 6. Даркнес — город торговли и несгибаемой воли

Даркнес — крупнейший торговый город материка Галтипия, раскинувшийся на берегу широкой, неспокойной реки, впадающей в море. Его улицы были вымощены тёмным камнем, а дома — высокие, с острыми крышами и богатыми витражами, отражали свет фонарей и

костров. Над городом возвышались башни гильдий, склады и купеческие особняки, а в порту всегда стояли десятки кораблей — от тяжёлых торговых судов до быстрых, вооружённых галер.

В Даркнесе не было короля — здесь правила Гильдия купцов, а власть принадлежала тем, кто умел торговать, договариваться и защищать свои интересы. Город славился рынками, где можно было найти товары со всех концов Валингтора и Галтипии: пряности, ткани, редкие металлы, книги, драгоценности, оружие и даже магические артефакты. Здесь жили люди всех народов — купцы, ремесленники, наёмники, маги, беглецы и авантюристы.

Особую славу Даркнесу приносили его отряды Несломленных — элитные воины, нанимаемые для защиты караванов, кораблей и интересов гильдии. Их доспехи были просты, но прочны, а дисциплина и верность делу — легендарны. Говорили, что Несломленные не отступают даже перед лицом смерти, а их командир был известен своей суровостью и справедливостью

В этот вечер в большом зале Совета, где стены были увешаны гербами торговых домов и картами морских путей, собрались главные купцы города. В центре стола лежали свитки с отчётами о готовности кораблей и списки отрядов Несломленных.

Советом управлял Лионис — главный купец Даркнеса, человек средних лет с проницательными глазами, аккуратной бородой и кольцом-печатью на руке. Его голос был негромким, но каждый в зале прислушивался к каждому его слову.

Лионис поднялся, чтобы начать обсуждение:

— Господа, время спокойной торговли прошло. С севера идут тревожные вести: Красные Плащи, смута в Массове, слухи о войне между великими родами. Наши караваны всё чаще подвергаются нападениям, а на море появились новые пираты. Мы должны быть готовы защищать не только свои товары, но и сам город.

Один из купцов, пожилой и тучный, спросил:

— Сколько отрядов Несломленных готовы к отправке? И смогут ли они защитить интересы гильдии, если война докатится до наших стен?

Лионис кивнул командиру Несломленных, стоявшему у стены. Тот коротко доложил:

— Пять полных отрядов готовы к отплытию. Ещё два — на подходе. Оружие, провиант, доспехи — всё подготовлено. Корабли ждут в порту. Мы можем сопровождать караваны, защищать склады и патрулировать улицы. Если потребуется — держать оборону города.

Лионис повернулся к совету:

— Мы не армия королей, но мы — сила, с которой считаются все на Галтипии. Даркнес всегда был свободен, потому что мы умели защищать свои интересы. Сейчас, как никогда, важно единство. Каждый дом, каждая гильдия должны быть готовы поддержать Несломленных — деньгами, людьми, информацией.

Кто-то из молодых купцов возразил:

— А если Массы падут? Если Красные Плащи придут к нам?

Лионис ответил спокойно, но жёстко:

— Тогда Даркнес станет последней крепостью торговли и свободы. Мы не пустим чужаков в наш город, пока жив хоть один Несломленный. Но мы не будем играть в героев — наша задача не война, а выживание и процветание. Мы будем торговать, пока есть с кем, и защищаться, если придётся.

Он обвёл взглядом зал:

— Я требую полной готовности. Пусть корабли будут на якоре, а Несломленные — на посту. Пусть каждый купец вспомнит: свобода Даркнеса — в наших руках.

Совет одобрительно зашумел. В этот вечер в Даркнесе не было страха — только решимость и холодный расчёт. Город готовился встретить любые испытания, не теряя своей сути: быть сердцем торговли и независимости на Галтипии.

Поздно ночью, когда улицы города опустели, а в порту стихли голоса матросов, несколько влиятельных купцов собрались в старом подвале под одним из складов у реки. Здесь, среди бочек с вином и ящиков с пряностями, они могли говорить откровенно, не опасаясь чужих ушей.

Лионис вошёл последним. Его лицо было серьёзным, взгляд — настороженным. За столом уже ждали трое:

— Калеб, молодой и дерзкий купец,

— старая лиса Грегор,

— и молчаливый, но очень богатый Сарин.

Калеб начал первым, не скрывая волнения:

— Официально мы говорим о защите города. Но все понимают: если Массы падут, на Галтипии не останется силы, способной сдержать Красных Плащей. Может, нам стоит не ждать, пока беда придёт к нам, а самим нанести удар? Пока король Эрвин на севере, столица Массов уязвима.

Грегор покачал головой:

— Нападение на Массы — риск. Мы можем потерять всё, если ошибёмся. Но если захватим часть их портов или складов, Даркнес станет главным торговым центром всего материка. Власть, золото, влияние — всё будет у нас.

Сарин заговорил тихо, но веско:

— Не забывайте: за Массами стоят великие рода. Если мы выступим открыто, можем получить врагов не только среди Массов, но и среди Лаков, Баров, даже Галтипии. Но если действовать скрытно — поддержать мятежников, подкупить стражу, устроить диверсии — мы ослабим королевство изнутри.

Лионис выслушал всех, затем медленно произнёс:

— Я не сторонник войны. Даркнес всегда выигрывал не мечом, а умом и золотом. Но если Массы падут, мы должны быть готовы занять их место. Я прикажу Несломленным усилить патрули на границе и в порту. Пусть наши люди узнают всё о настроениях в Массове, наймут лазутчиков, наладят связи с недовольными.

Он посмотрел на Калеба:

— Если появится шанс — мы будем первыми, кто воспользуется слабостью королевства. Но нападать открыто — только если не останется другого выхода. Даркнес должен остаться городом торговли, а не войны.

Грегор усмехнулся:

— Иногда, чтобы сохранить свободу, приходится рисковать.

Лионис кивнул:

— Но рисковать будем только тогда, когда выгода перевесит опасность. Пусть каждый из вас готовит свои дома и склады к любому исходу. А если придёт час — действовать будем быстро и решительно.

В подземелье повисла напряжённая тишина. Каждый понимал: впереди — время перемен, и от их решений зависит не только судьба Даркнеса, но и всей Галтипии.

В тусклом свете фонаря лица купцов казались ещё более суровыми. Лионис медленно провёл пальцем по краю кубка, выжидая, пока остальные осмыслят его слова.

Калеб, не выдержав молчания, наклонился вперёд:

— Если мы решим действовать, нам нужны союзники внутри Массов. Я знаю нескольких недовольных лордов и пару старших стражников в порту. За золото они готовы закрыть глаза на многое. Но если мы упустим момент, Красные Плащи займут столицу раньше нас.

Грегор хмыкнул:

— Союзники — хорошо, но не забывайте о простом народе. Если мы войдём в город как захватчики, нас встретят не цветами, а ножами. Нужно, чтобы жители Массов сами захотели

перемен. Может, стоит подогреть недовольство? Распространить слухи о слабости короля, о предательстве лордов…

Сарин, всё это время молчавший, наконец заговорил:

— Мы можем сыграть на страхе. Если Красные Плащи подойдут к городу, многие будут искать защиты у нас. Несломленные могут войти под видом союзников, а не врагов. Главное — действовать быстро и без лишнего шума.

Лионис поднял руку, призывая к тишине:

— Я не хочу превращать Даркнес в город наёмников и предателей. Но если судьба потребует — мы не дрогнем. Главное — сохранить контроль над портом и складами. Пусть Несломленные будут готовы к ночному переходу. Пусть лазутчики выяснят, кто из лордов Массов готов к переговорам.

Он посмотрел на каждого из собравшихся:

— Помните: если мы решим вмешаться, действовать нужно как торговцы, а не как завоеватели. Деньги, слово, договор — вот наше оружие. Но если придётся — и меч.

Калеб усмехнулся:

— Иногда золото весит больше стали.

Грегор добавил:

— А иногда — только сталь решает исход.

Сарин тихо подытожил:

— Главное — чтобы Даркнес остался свободным. Пусть даже ценой чужой крови.

Лионис встал, давая понять, что разговор окончен:

— Пусть каждый из вас готовит своих людей. Я жду докладов через два дня. И помните: всё, что сказано здесь, останется между этими стенами. Даркнес выживал веками потому, что мы держались вместе. Так будет и теперь.

Купцы встали, обменялись короткими взглядами и один за другим исчезли в темноте подземелья, унося с собой тревогу, азарт и предчувствие больших перемен.

Когда шаги стихли за дверью, Лионис не спешил уходить. Он жестом пригласил остальных задержаться ещё на минуту. Калеб, Грегор и Сарин переглянулись — они чувствовали, что разговор ещё не окончен.

Калеб первым нарушил молчание:

— Есть ещё один путь. Мы все знаем, кто на самом деле стоит за Красными Плащами. Это Барадиелы — древний род, что веками держит в страхе пол-Галтипии. Их влияние растёт, а их золото течёт по тайным каналам. Может, нам стоит не воевать с ними, а заключить союз?

Грегор задумчиво потер подбородок:

— Барадиелы… Старый род, их предки ещё помнили времена, когда Галтипия была разрозненной. Говорят, у них есть свои люди в каждом порту, а Красные Плащи слушаются только их приказов. Если мы поддержим Барадиелов, Даркнес может получить не только защиту, но и новые рынки, новые пути.

Сарин осторожно заметил:

— Но и врагов мы получим немало. Многие ненавидят Барадиелов за их жестокость и жадность. Красные Плащи — не просто армия, это каратели. Если мы свяжемся с ними, часть наших союзников отвернётся.

Калеб пожал плечами:

— А если не свяжемся — можем оказаться между двух огней. Барадиелы не любят тех, кто мешает их планам. Лучше быть с ними, чем против них.

Лионис медленно кивнул, его взгляд стал особенно внимательным:

— Я встречался с управляющим Барадиелов в прошлом году. Умный, холодный человек. Он говорил прямо: "Даркнес может быть нашим партнёром или нашей добычей". Тогда я

выбрал нейтралитет. Но времена меняются. Если Красные Плащи возьмут Массы, Барадиелы станут самой сильной силой на материке.

Он сделал паузу, обводя взглядом собравшихся:

— Поддержка Барадиелов — это игра с огнём. Но если мы выберем этот путь, нужно действовать осторожно. Не открыто, а через третьи руки, через торговые сделки, через общих знакомых. Пусть они знают: Даркнес готов к переговорам, но не станет рабом чужой воли.

Грегор усмехнулся:

— Иногда, чтобы выжить, приходится дружить с дьяволом.

Сарин добавил:

— Главное — не забывать, кто мы. Даркнес всегда был свободен. Пусть так будет и дальше, даже если придётся танцевать на лезвии ножа.

Калеб подытожил:

— Я могу выйти на людей Барадиелов. Узнаю, чего они хотят от нас — и что готовы дать взамен.

Лионис кивнул:

— Действуй. Но осторожно. Пусть никто не узнает о наших намерениях раньше времени. А если Барадиелы предложат союз — мы решим вместе, стоит ли принимать их руку.

В подземелье вновь повисла тишина. Каждый понимал: теперь судьба Даркнеса связана не только с торговлей и войной, но и с древними тенями Галтипии.

Пока остальные обсуждали Барадиелов, Сарин вдруг поднял руку, привлекая внимание:

— Мы всё время смотрим на соседей — Массы, Галтипию, Барадиелов… Но есть ещё один путь. Может, нам стоит послать гонцов на древний материк Харон?

В зале повисла тишина. Даже Лионис удивлённо поднял брови.

— Харон? — переспросил Грегор. — Ты хочешь связаться с панисосами? О них даже старики рассказывают вполголоса.

Сарин кивнул:

— Да, панисосы. Большие, смуглые, воинственные. Их боятся даже пираты Каранисы. Говорят, на Хароне нет королей, только вожди и законы крови. Но у них есть то, чего нет у нас: редкие металлы, специи, лекарства, которые не найти ни в одном порту Галтипии. И, главное, они не вмешиваются в наши войны — им интересна только торговля.

Калеб задумчиво добавил:

— Но ведь на Харон ходят только самые отчаянные купцы. Торгуют лишь в одном порту — Раниесе. Всё, что мы знаем о материке, — это слухи и рассказы моряков. Там опасные воды, странные обычаи, и никто не знает, что творится в глубине их земель.

Лионис медленно кивнул:

— Но если мы сможем наладить с ними отношения, Даркнес получит то, чего нет ни у кого. Новые товары, новые союзники, а может — и наёмников, если придётся. Панисосы уважают только силу и честную сделку. Если мы проявим уважение к их обычаям, они могут стать нашими друзьями.

Грегор осторожно заметил:

— Но если они решат, что мы — просто очередные жадные торговцы, могут и не выпустить наших людей обратно. На Хароне свои законы, и чужаков там не жалеют.

Сарин пожал плечами:

— Риск велик, но и выгода может быть огромной. Я знаю одного старого капитана, который бывал в Раенисе. Через него можно отправить гонца — с дарами, с письмом, с предложением о союзе.

Лионис принял решение:

— Пусть будет так. Подготовьте дары — лучшие ткани, специи, оружие, что ценят на Хароне. Пусть гонец будет не только купцом, но и дипломатом. Если панисосы захотят говорить — мы первыми откроем для них ворота Даркнеса.

Он посмотрел на всех:

— Мы должны быть готовы искать союзников не только среди старых врагов, но и за горизонтом. Пусть Даркнес станет городом, который связывает материки, а не только защищает свои склады.

Калеб усмехнулся:

— Вот это по-даркнесски: искать выгоду там, где другие видят только страх.

Грегор добавил:

— Главное — чтобы наши гонцы вернулись живыми.

Сарин тихо заключил:

— Если вернутся — мы узнаем о Хароне больше, чем все остальные города Галтипии за сто лет.

В подземелье вновь воцарилась задумчивая тишина. Купцы понимали: теперь их игра стала ещё опаснее, но и ставки выросли до небес.

В Даркнесе не было традиции дарить что-то просто так — каждый подарок был вложением, символом уважения и расчёта. Поэтому к подготовке дара для панисосов подошли с особой тщательностью.

В большом зале гильдии, где обычно решались вопросы торговли и безопасности, теперь кипела работа. Лионис лично контролировал процесс, а Сарин и Калеб спорили о каждой детали.

— Панисосы уважают силу и редкость, — напоминал Сарин. — Им не нужны дешёвые побрякушки или обычные ткани.

— Но и слишком дорогие вещи могут вызвать зависть или подозрение, — возражал Калеб. — Дар должен быть щедрым, но не вызывающим.

Лионис подвёл итог:

— Пусть в нашем даре будет всё, что символизирует Даркнес: богатство, мастерство, уважение к чужим обычаям и намёк на дружбу.

В состав дара вошли:

- Клинок из тёмной стали Даркнеса — короткий меч с гравировкой герба города, украшенный золотой проволокой и редким лазуритом. Такой клинок не только красив, но и прочен, а для панисосов — символ уважения к их воинской культуре.

- Ткани из восточных земель — свёртки тончайшего шёлка, окрашенного в глубокие синие и зелёные цвета, с вышивкой в виде волн и стилизованных животных. Эти ткани ценятся на всех материках, а на Хароне их почти не видели.

- Сундук с пряностями и сушёными фруктами — ароматные смеси из далёких стран, сушёные ягоды, орехи и мёд. Для панисосов, привыкших к суровой пище, такие дары — настоящее чудо.

- Амулеты и украшения — простые, но изящные подвески из серебра и янтаря, с символами удачи и защиты, которые, по слухам, уважают вожди Харона.

- Карта побережья Галтипии и Даркнеса — на тонкой коже, с пометками портов и торговых путей, чтобы показать открытость и готовность к честной торговле.

- Письмо на трёх языках — на языке Галтипии, на древнем торговом наречии и на простом, с которым знакомы моряки Харона. В письме — слова уважения, приглашение к союзу и обещание честной сделки.

Каждый предмет был тщательно упакован в отдельный сундук, украшенный гербом Даркнеса. К дарам приложили и личное письмо Лиониса, написанное твёрдой рукой: «Пусть этот дар будет знаком мира и начала великой торговли между нашими народами».

Делегацию возглавил опытный купец и дипломат по имени Мерон, знающий обычаи Харона и умеющий говорить на языке жестов и намёков. Его сопровождали двое надёжных стражей и старый моряк, бывавший в Раенисе.

Перед отплытием Лионис лично благословил делегацию:

— Не ищите выгоды любой ценой, но и не забывайте: Даркнес ждёт от вас не только мира, но и новых возможностей. Пусть панисосы увидят в нас не врагов, а достойных партнёров.

Корабль с дарами и посланниками медленно вышел из порта Даркнеса, унося с собой надежду на новый союз и тайную тревогу: примут ли панисосы этот дар — или отвергнут, как вызов.

Глава 7. Путешествие Мерона

На рассвете, когда первые лучи солнца окрасили гавань Даркнеса в медно-золотой, Мерон стоял на носу своего судна «Серебряная ладья». Ветер трепал его тёмные волосы, а в руках он сжимал свиток с печатью рода Даркнес.

За спиной — трюмы, набитые дарами: клинки из воронёной стали, ткани цвета зари, пряности с восточных берегов, украшения с лазуритом, и карта, на которой красовалась надпись: «Порт Раниес — земля панисосов».

— Поднять паруса! — крикнул Мерон кормчему.

Корабль заскрипел и медленно отошёл от причала. Даркнес остался позади — его башни и склады стали маленькими точками на горизонте. Материк Галтипия простирался вдоль берега, покрытый виноградниками и оливковыми рощами.

Город Даркнес был древним — основан ещё во времена, когда древние рода были молоды и только начинали набирать силу. Его каменные мостовые помнили тысячи ног, а гавань — сотни кораблей.

На третий день плавания небо стало свинцовым, а волны — выше человеческого роста. Мерон стоял у борта, вглядываясь в бескрайнюю синь.

«Что ждёт меня там, за океаном?» — думал он.

Кормчий Рорк, старый моряк с лицом, изрытым шрамами, подошёл к нему:

— Господин Мерон, до Харона три луны плавания. Океан в тех краях... странный. Не советую приближаться к южной оконечности — там течения, как живые.

Мерон кивнул и вернулся в каюту разбирать свитки. Карта племён панисосов была загадочной — никаких названий, только странные символы: полумесяц, волна и глаз.

На восьмой день случилось невероятное.

Мерон проснулся от крика матроса

— Смотрите! Лунная дорога!

Он выбежал на палубу и ахнул: море светилось. Тысячи голубоватых искр мерцали под поверхностью воды, образуя сияющий путь, ведущий к горизонту. Это было похоже на мост из чистого лунного света, протянувшийся через бескрайние воды.

— Это слёзы лунного кита, — прошептал кормчий, и его голос дрожал от благоговения. — Говорят, они появляются раз в сто лет. Кто видит лунную дорогу — тому открываются тайны океана.

Мерон присмотрелся. Свет исходил от существ, плавающих прямо под поверхностью — огромных, величиной с небольшую лодку. Их тела были полупрозрачными, как морское стекло, а внутри мерцало мягкое голубое сияние. Каждое существо оставляло за собой шлейф из крошечных светящихся капель — то были слёзы, давшие название этому чуду.

Киты плыли медленно, почти величественно, словно не замечая корабля. Их глаза — огромные, глубокие, цвета полуночного неба — смотрели прямо на Мерона. В этом взгляде

было что-то древнее, мудрое, знающее. Мерон почувствовал, что эти существа видят его насквозь — его мысли, его надежды, его страхи.

— Они поют, — прошептал один из матросов, и все прислушались.

Из глубины моря доносился звук — низкий, протяжный, похожий на колыбельную. Он звучал то громче, то тише, то затихая совсем, то снова нарастая. Это была песня, которую невозможно было забыть — песня о древних временах, когда океан был молод, а звёзды ещё не знали своего пути.

Мерон достал свиток и вдруг понял: символ на карте — это и есть лунная дорога. Панисосы знали...

Он стоял на палубе, окутанный голубоватым сиянием, и слушал песню китов. В этот момент ему показалось, что он видит образы — древние корабли, плывущие по этим же водам, города, построенные на воде, и людей с сияющими глазами, которые приветствовали море. Это были воспоминания лунных китов — хранителей океанской памяти.

Когда рассвет начал окрашивать горизонт, киты один за другим погрузились в глубину, унося с собой лунную дорогу. Но сияние осталось — на палубе, на лицах матросов, в глазах Мерона. Что-то изменилось в нём в эту ночь. Он понял, что океан — это не просто вода. Это живое существо, полное тайн и чудес.

На десятый день плавания, когда солнце начало клониться к закату и небо окрасилось в оттенки спелого апельсина и тёмного винограда, случилось нечто невероятное.

Мерон сидел на палубе, перебирая струны небольшой арфы — единственное, что напоминало ему о доме. Матросы лениво переговаривались, а кормчий Рорк дремал у руля. Тишину нарушил крик юного матроса Тирриса, стоявшего на мачте:

— Смотрите! Огни! Огни в небе!

Все подняли головы. Над горизонтом, там, где небо встречалось с морем, появились сотни — нет, тысячи — маленьких светящихся точек. Они приближались с невероятной скоростью, оставляя за собой серебристые хвосты, как кометы.

— Огненные птицы, — прошептал Рорк, внезапно проснувшись. — Я думал, это только легенды...

Птицы обрушились на корабль, как живой дождь.

Первое, что поразило Мерона — это их размер. Они были не больше его ладони, с телами, похожими на тела обычных птиц, но созданных из чистого пламени. Перья переливались всеми оттенками огня — от бледно-жёлтого до глубокого алого, от оранжевого до золотистого. Каждое перо было словно язычок пламени, трепещущий на ветру.

Глаза птиц — два тёмных, почти чёрных провала в центре пылающих голов — смотрели на людей с любопытством и чем-то похожим на мудрость. Клювы были тонкие, изогнутые, цвета раскалённой меди. Крылья — полупрозрачные, как дым от костра, — издавали тихий шелест при каждом взмахе.

Птицы кружили над кораблём, и их песня была совершенно не похожа на голоса птиц которые обитали в городе Даркнес. Это был звук, похожий на звон множества маленьких колокольчиков, смешанный с потрескиванием горящих углей. Каждая птица пела свою ноту, и вместе они создавали мелодию — древнюю, как сам океан, прекрасную до боли в груди.

Мерон поднял руку, и одна из птиц села ему на ладонь. Он почувствовал тепло — не обжигающее, а мягкое, как прикосновение солнечного луча. Птица посмотрела на него своими тёмными глазами, и в этот миг Мерон увидел образ: огромный город, построенный на острове из вулканического стекла, люди в ритуальных масках, танцующие вокруг костра, и — странное видение — он сам, стоящий среди них с поднятыми руками.

Видение исчезло так же быстро, как появилось. Птица вспорхнула и присоединилась к стае.

— Они выбирают тех, кто достоин, — сказал Рорк, глядя на Мерона с изумлением. — Видел образ?

Мерон кивнул, не в силах говорить.

— Эти птицы живут в сердце действующих вулканов на южных островах, — продолжил кормчий. — Говорят, они — духи древнего огня, посланники самой земли. Когда вулкан просыпается, они вылетают наружу и путешествуют по океану, неся вести из глубин. Если они явились к тебе, господин Мерон, значит, земля благословляет твоё путешествие.

Птицы кружили над кораблём ещё час. Они садились на мачты, на паруса, на плечи матросов. Некоторые даже залетали в каюту Мерона, и он слышал их тихую песню во сне. Матросы, напуганные сначала, постепенно успокоились и начали смеяться, глядя на крошечные огоньки, танцующие вокруг них.

Одна птица — самая маленькая, с перьями цвета золотого пламени — прилетела к Мерону трижды за эту ночь. Каждый раз она садилась ему на плечо и что-то шептала на своём языке — тихий, журчащий звук, похожий на ручей. Мерон не понимал слов, но чувствовал их смысл: «Иди дальше. Ты на правильном пути. Океан ждёт тебя».

К рассвету птицы начали улетать. Они поднялись в небо единой стаей, и их огни слились в один гигантский факел, протянувшийся от горизонта до горизонта. Последней улетела золотая птица — та, что садилась ему на плечо. Она облетела корабль три раза, словно прощаясь, а затем исчезла в лучах восходящего солнца.

На палубе осталось тепло — мягкое, почти неощутимое, но явное. Матросы переглядывались, не веря собственным глазам. Некоторые опустились на колени, благодаря богов за это знамение.

— Огненные птицы являются только тем, кому суждено изменить мир, — сказал Рорк, кладя руку Мерону на плечо. — Ты — избранный, сэр. Что бы ни ждало тебя в Раниесе — ты готов.

Мерон ничего не ответил. Он смотрел на горизонт, где исчезли птицы, и думал о видении — городе из вулканического стекла.

На двенадцатый день плавания небо стало необычного цвета — бледно-фиолетового, как спелая слива. Волны успокоились, словно океан затаился перед чем-то. Матросы перешёптывались, показывая пальцами на горизонт, где странные тени скользили под водой.

— Что там? — спросил Мерон у Рорка.

Кормчий побледнел и схватился за амулет на шее — маленький камень в форме глаза.

— Не знаю, господин. Но океан... океан чего-то ждёт.

Это произошло на закате, когда солнце уже наполовину погрузилось в воду, окрашая всё вокруг в цвета крови и золота.

Матрос по имени Грев, стоявший на носу корабля, первым увидел его. Его крик был больше похож на всхлип:

— Владыка... Владыка Бездны...

Мерон выбежал на палубу и замер.

Из глубины моря поднималось существо.

Сначала показался панцирь — огромный, выпуклый, размером с три корабля, поставленных рядом. Он был цвета тёмной меди, покрытый странными символами, которые пульсировали голубоватым светом. Символы были похожи на письмена — древние, непонятные, но от них веяло такой силой, что у Мерона закружилась голова.

Затем показались глаза — восемь, расположенных по кругу на верхней части панциря. Каждый глаз был размером с бочку, с вертикальными зрачками цвета расплавленного серебра. Глаза смотрели прямо на людей, и в этом взгляде не было злобы — только любопытство, древнее и бесконечное.

Из-под панциря тянулись щупальца — десять, нет, двадцать, больше... Они были толщиной в человеческое тело, покрыты присосками размером с тарелку. Каждая присоска светилась изнутри слабым бирюзовым светом. Щупальца скользили по воде, как змеи, создавая странный, завораживающий рисунок.

Существо было похоже на исполинского краба, но с элементами чего-то ещё — чего-то, чего Мерон не мог описать. На спине панциря росли шипы — длинные, острые, цвета чёрного обсидиана. Между шипами виднелись отверстия, из которых выходили пузыри — светящиеся, с мерцающим содержимым.

— Не двигайтесь, — прошептал Рорк, и его голос дрожал. — Не смотрите ему в глаза слишком долго. Он читает души.

Существо проплыло рядом с кораблём — медленно, величественно, как король, проезжающий через свои владения. Матросы попадали на колени, закрывая лица руками. Некоторые шептали молитвы, другие просто плакали от страха.

Только Мерон остался стоять. Он смотрел на существо и чувствовал... что-то. Как будто древняя память шевельнулась в его крови.

— Рорк, — тихо спросил он, — что это?

Кормчий открыл глаза и посмотрел на существо с благоговением и ужасом.

— Морской Владыка, — ответил он. — Он же — Хранитель Бездны, Владыка Глубин, Спящий под волнами. В наших легендах его называют по-разному, но все истории сходятся в одном: он древнее самого океана.

Рорк достал флягу с водой и вылил немного на пол, создавая лужу. В ней отражалось небо, но потом изображение изменилось — и в отражении поплыли образы.

— Слушай, сэр, и запоминай. Эту историю рассказывают только ночью, у костра, и только тем, кому суждено увидеть Владыку.

Сказание первое: Сотворение

«В начале не было ничего — только Бездна. Бездна была пуста и холодна, и она спала. Но однажды Бездна проснулась и увидела своё отражение в пустоте — и этим отражением стал Морской Владыка. Он был первым, кто обрёл форму, первым, кто обрёл разум. Он создал воды — семь морей и океан, что лежит между мирами. Он населил глубины странными существами — китами, что поют лунные песни, и кракенами, что спят в пещерах, и светящимися рыбами, что освещают вечную тьму. Владыка — это океан воплощённый, океан, ставший плотью. Говорят, он помнит время, когда звёзды ещё не родились».

Сказание второе: Война с небесами

«Когда боги небес решили создать землю, они послали своих посланников — огненных птиц — чтобы те несли семена жизни в океан. Но Владыка не пустил их в глубины. Началась война — небесный огонь против морской тьмы. Огненные птицы сжигали поверхность, Владыка топил корабли богов. Война длилась сто лет. На сто первый год они заключили мир: небеса получили землю и воздух, а Владыка сохранил глубины. С тех пор он спит…

На семнадцатый день плавания, когда солнце уже клонилось к закату, кормчий Рорк поднял крик:

— Земля! Земля по левому борту!

Мерон выбежал на палубу и ахнул.

На горизонте, там, где небо встречалось с морем, поднималась земля — но это была не та земля, которую он знал. Материк Харон был другим. Он не был похож на Галтипию — зелёную, покрытую виноградниками и оливковыми рощами. Нет, этот берег был диким, первобытным, почти агрессивным в своей красоте.

Горы поднимались из воды — огромные, покрытые густым лесом, вершины которого терялись в облаках. Склоны были крутыми, изрезанными ущельями, откуда низвергались водопады — сотни, нет, тысячи водопадов, серебряными нитями падающими в океан. Над горами

поднимался дым — не от пожаров, а от вулкана, чья вершина виднелась вдалека, окутанная туманом.

— Какой он... — прошептал Бренн, глядя на берег. — Не похож ни на что.

— Это Харон, — ответил Рорк. — Земля, которую забыли боги. Говорят, здесь живут существа, которых не встретишь больше нигде в мире.

Мерон смотрел на берег и чувствовал, как внутри что-то шевелится. Искра под кожей пульсировала сильнее, отзываясь на близость к этой земле. Он знал: они прибыли.

По мере приближения к берегу перед ними открылась река — огромная, шириной в целое море. Вода в ней была не синей, как в океане, а тёмно-изумрудной, почти чёрной. Течение было мощным, стремительным, но корабль скользил по нему легко, словно сама река несла их.

— Это Ра, — сказал Рорк. — Великая река, которая течёт от гор до океана. Говорят, она связывает весь материк — от северных лесов до южных пустошей.

Берега реки были покрыты лесом — но не обычным. Деревья здесь были огромными, выше самых высоких башен Даркнеса. Их кроны сплетались overhead, образуя зелёный свод, сквозь который пробивались лучи заходящего солнца. Между стволами, в тени, виднелись движущиеся тени — существа, наблюдающие за кораблём.

— Не смотри на них, — прошептал Рорк. — Не привлекай внимания.

Мерон послушно отвёл взгляд, но успел заметить силуэты — высокие, стройные, с длинными конечностями. Они были похожи на людей, но двигались иначе — плавно, почти скользя.

— Кто они? — спросил Мерон.

— Лесные, — ответил кормчий. — Первые обитатели Харона. Говорят, они живут здесь с начала времён. Мы не трогаем их — они не трогают нас.

Первое, что поразило Мерона — это то, что город был построен на воде. Не на берегу, не на острове, а прямо посреди реки — на сваях, вбитых в дно, на платформах, соединённых мостами. Дома, сотни домов, теснились друг к другу, образуя лабиринт улиц-каналов, улиц-мостов, улиц-переходов.

Крыши были из тростника и пальмовых листьев, окрашенных в разные цвета — от соломенного до глубокого синего. Стены — из дерева, обработанного так, что оно казалось бронзой. Окна были круглыми, как иллюминаторы на кораблях, с деревянными ставнями, украшенными резьбой.

— Раниес, — прошептал Мерон.

Город простирался на много вёрст — по обе стороны реки, вверх и вниз по течению. Над ним поднимался дым — сотни труб, сотни очагов. Слышались голоса — крики торговцев, смех детей, песни — странные, на языке, похожем на шёпот волн.

— Самый большой порт на южных морях, — сказал Рорк. — Здесь останавливаются корабли со всего мира. Но сейчас... сейчас здесь тише, чем раньше.

— Почему?

— Война. Тридцать лет назад флот Массов пытался завоевать Раниес. Они потеряли сто кораблей — и отступили. С тех пор панисосы не доверяют чужакам.

Мерон кивнул. Он знал эту историю — вернее, её часть.

Корабль приближался к центральной части города — к главному причалу. Это было огромное сооружение — деревянная платформа, способная вместить десятки кораблей. К ней были привязаны лодки, небольшие суда, рыбацкие лодки.

На причале стояли люди — сотни людей. Панисосы.

Когда корабль причалил к главному причалу Раниеса, Мерон впервые увидел панисосов вблизи — и его сердце забилось чаще.

Они были... другими. Совершенно, радикально другими. Не похожими ни на кого, кого он встречал за всю свою жизнь.

Первое, что бросалось в глаза — это кожа. Не такая, как у людей Галтипии — смуглая, загорелая, с оттенком оливкового или золотистого. Нет, кожа панисосов была цвета тёмной меди, но с необычным отливом — словно под поверхностью текла не кровь, а морская вода с примесью зелёных водорослей. У некоторых кожа была почти чёрной, как обожжённая глина, с синеватым оттенком. У других — светлее, с медным блеском, как у новых монет. Но у всех без исключения кожа словно светилась изнутри — едва заметно, но заметно — слабым бирюзовым или золотистым свечением, которое проступало под поверхностью, особенно в местах, где кожа была тоньше — на запястьях, на шее, на скулах.

Второе — это мускулатура. Панисосы были мощными — не толстыми, не неуклюжими, а именно мощными. Их тела были созданы для воды: широкие плечи, узкие бёдра, длинные руки с перепонками между пальцами. Когда они двигались, под кожей перекатывались мышцы — рельефные, чёткие, как будто высеченные из камня. Они двигались плавно, скользя, а не шагая — словно вода была их естественной средой, а не земля.

Третье — глаза. Мерон никогда не видел таких глаз. Они были янтарными — но не обычным янтарём, а тёмным, глубоким, с искрами золота внутри. Зрачки были вертикальными, как у кошки или змеи, и расширялись в темноте, поглощая свет. Когда панисос смотрел на тебя, создавалось ощущение, что он видит не только твоё лицо, но и твои мысли, твои воспоминания, твои тайны. Глаза были чуть крупнее человеческих, слегка выпуклые, с тонкой плёнкой, которая покрывала их при моргании — как у рыб.

Четвёртое — волосы. У большинства панисосов были чёрные волосы — густые, длинные, спадающие до поясницы. Но они были необычными: казалось, что волосы живут своей жизнью. Они шевелились даже в безветренную погоду, колыхались, как водоросли под водой. У некоторых волосы были седыми — но не тусклыми, а серебристыми, с отливом, как у лунного света на воде. У немногих — рыжими, цвета заходящего солнца, редкостью, которая выделяла их среди остальных.

Пятое — татуировки. Это было самое поразительное. Татуировки покрывали тела панисосов — но не как украшение, а как часть их существа. Они были не на коже, а под кожей — светящиеся, пульсирующие, живые. Узоры были сложными: спирали, переплетающиеся с волнами; глаза, окружённые лучами; существа, которых Мерон не мог опознать — полулюди-полурыбы, с щупальцами вместо рук, с крыльями вместо ног. Татуировки светились в темноте — бирюзовым, золотым, серебряным — и это создавало жуткое, завораживающее впечатление. У некоторых татуировки были на лицах — вокруг глаз, на щеках, на лбу — что делало их похожими на духов, на демонов, на существ из кошмаров.

Шестое — уши. У панисосов были заострённые уши — длинные, слегка оттопыренные, с тонкими хрящами. Они были подвижными — двигались, когда панисос слышал звук, поворачивались, как локаторы. У некоторых на ушах были украшения — серьги из раковин, из коралла, из чего-то похожего на жемчуг.

Седьмое — руки. Пальцы были длиннее, чем у людей, с перепонками между ними — не полными, как у уток, а частичными, растягивающимися при движении. Ногти были твёрдыми, острыми, цвета тёмного серебра. На ладонях были узоры — не татуировки, а что-то вроде мозолей, образованных годами работы с верёвками, с сетями, с деревом.

Восьмое — запах. Панисосы пахли океаном — солью, водорослями, рыбой. Но не неприятно. Это был свежий, чистый запах, напоминающий о штормовом ветре, о дальних плаваниях, о неизведанных землях.

Мерон смотрел на них — и чувствовал, как сердце бьётся чаще.

Они были прекрасны. И пугающи. И завораживающими. Всё одновременно.

Он понимал, почему его предки испугались. Почему отступили от сделки. Панисосы были слишком... другими.

Но прежде чем он успел сойти на берег, на причале началось движение. Толпа расступилась, образуя проход. Из прохода вышел он.

Первое, что бросалось в глаза — это его размеры. Карк был огромным. Выше любого панисоса, которого Мерон видел раньше. Его рост был около семи с половиной футов — почти два с половиной метра. Тело было мощным, но не толстым — как у древнего воина, который всю жизнь провёл в боях и походах. Мускулы перекатывались под кожей, образуя рельеф, который был виден даже под одеждой. Плечи были широкими, как у медведя, руки — длинными, с крупными кистями, на которых виднелись шрамы от боёв.

Одеяние Карка было древним и устрашающим. Не таким, как у других панисосов — не ткани, не украшения. Это была кожа и мех.

На плечах Карка была накидка — огромная, сделанная из шкуры какого-то существа. Мех был тёмным, почти чёрным, с серебристыми полосами, которые переливались на свету. Шкура была грубой, потёртой, с следами времени — но от неё веяло мощью и древностью. Мерон догадался: это была шкура морского зверя — того, кого панисосы называли «хозяином глубин». Такую шкуру мог носить только вождь. Накидка была украшена костями — маленькими, острыми, расположенными по краю. Кости были покрыты резьбой — спиралями и волнами, которые светились слабым бирюзовым светом.

Под накидкой была туника — из кожи, выделанной так, что она казалась бархатистой. Туника была тёмно-коричневой, почти чёрной, с металлическими пластинами на груди и плечах. Пластины были сделаны из неизвестного металла — серого, с синим отливом. Они были украшены гравировкой — те же спирали и волны, что и на татуировках. Туника была украшена костями — маленькими, острыми, расположенными в узоре на груди. Кости пульсировали слабым светом — бирюзовым, как и татуировки.

На поясе Карка висел меч. Необычный меч — изогнутый, как полумесяц, с лезвием цвета морской пены. Лезвие было длинным — около трёх футов — и острым, как бритва. На нём были видны узоры — те же спирали и волны, что и на татуиках. Рукоять была обмотана кожей — тёмной, потёртой, с вырезанными на ней символами. На рукояти было украшение — небольшой камень бирюзового цвета, который пульсировал светом. Ножны были украшены раковинами — маленькими, белыми, с перламутровым блеском. Меч выглядел древним — но острым, готовым к бою. Рядом с мечом на поясе висели ножны с кинжалом — smaller, но с таким же узором на лезвии.

В правой руке Карк держал посох. Это был не просто посох — это был символ власти, древний и могущественный. Он был сделан из золота — чистого, яркого, сияющего в свете факелов. Золото было не обычным — оно было цвета солнца на закате, с красноватым оттенком. Посох был толстым — около двух дюймов в диаметре — и длинным, почти в рост Карка. Он был украшен ракушками и кораллами — они были встроены в золото так, что казались частью металла. Раковины были разными — большими и маленькими, спиральными и круглыми, белыми и розовыми. Кораллы были красными, розовыми, голубыми — яркими пятнами на золотом фоне.

На вершине посоха был глаз — большой, круглый, сделанный из бирюзы. Глаз был размером с кулак, с чёрным зрачком в центре. Он пульсировал слабым светом — бирюзовым, словно наблюдал за всем вокруг. По краю глаза были вырезаны символы — те же спирали и волны, что и на татуировках. Посох издавал тихий гул — едва слышный, но ощутимый. Это был звук силы, мощи, древности.

Лицо Карка было устрашающим. Широкое, с массивной челюстью, с глубокими морщинами, которые говорили о возрасте и мудрости. Нос был большим, с горбинкой — как у тех, кто всю жизнь провёл на ветру и солёном воздухе. Брови были густыми, седыми, нависающими над глазами. Глаза были янтарными — но не такими, как у других панисосов. В них было

больше золота, почти совсем отсутствовали тёмные искры. Взгляд был тяжёлым, пронзительным, словно он видел всё насквозь.

Карк сделал шаг вперёд.

— Ты не из наших вод.

Его голос был подобен рокоту прибоя в глубоком гроте.

Мерон сглотнул комок в горле и шагнул навстречу вождю.

— Я пришёл издалека... Я Мерон. Я пересёк Великий океан не для того, чтобы просто увидеть ваши берега.

Взгляд вождя не дрогнул.

— Тогда зачем? Что привело чужака к панисосам?

Мерон расправил плечи. Он чувствовал тяжесть амулета под одеждой и всю ответственность своей миссии.

— Я пришёл просить о помощи и поддержке ваших племён.

По толпе пробежал удивлённый шёпот. Карк молчал несколько долгих мгновений, его янтарные глаза изучали лицо пришельца.

— Помощь? Панисосы не помогают чужакам просто так.

— Я знаю цену вашей помощи, вождь Карк. И я готов её заплатить.

Вождь медленно опустил посох и оперся на него обеими руками.

— Слова дёшевы... а океан глубок. Следуй за мной в чертоги Совета. Там мы узнаем цену твоих слов и решим судьбу твоей просьбы.

Он развернулся и двинулся сквозь толпу к каменным ступеням города. Мерон остался стоять лишь секунду. Он глубоко вдохнул сырой воздух материка Харон и последовал за вождём панисосов в неизвестность.

Чертоги Совета возвышались над портом, вытесанные прямо в скале. Внутри царил полумрак, разгоняемый лишь светом факелов и странным, пульсирующим сиянием, исходящим от стен. В центре зала, на возвышении, стоял массивный каменный стол, за которым сидели старейшины панисосов. Их лица были суровы и непроницаемы.

Карк занял своё место во главе стола. Он жестом указал Мерону на место перед собой. Пришлось говорить стоя, под тяжестью взглядов десятков пар янтарных глаз.

— Я слушаю тебя, чужеземец, — голос вождя эхом отразился от каменных сводов. — Говори, зачем гильдии купцов города Даркнес понадобились союзники на далёком Хароне? И почему они отправили с такой миссией тебя?

Мерон выпрямился, стараясь унять дрожь в голосе.

— Я прибыл с материка Галтипия, из вольного города Даркнес. Мы — торговцы, ремесленники, мореходы. Но времена меняются. На востоке поднимаются новые силы, которые не чтут старых договоров. Они смотрят на наши караваны и верфи как на свою добычу. В одиночку мы не выстоим против их армий.

Он сделал паузу, обведя взглядом лица старейшин.

— Нам нужны союзники. Сильные союзники. Те, чьё имя заставляет трепетать врагов. Мы искали тех, кто понимает цену слову и силе клинка. И наш путь привёл нас к вам, к панисосам Харона.

По залу снова пробежал шепоток. Один из старейшин, седой и морщинистый, подался вперёд.

— Слова... Слова — это ветер. Что может предложить Даркнес племенам моря? Чем вы можете быть полезны тем, кто повелевает волнами?

Мерон не дрогнул. Он подал знак своим людям, ожидавшим у входа. Двое дюжих матросов внесли в зал тяжёлые, окованные железом сундуки и с глухим стуком поставили их перед столом Совета.

— Мы пришли не с пустыми руками, — произнёс Мерон и откинул крышку первого сундука.

Внутри, на бархатной подкладке, лежали мечи из знаменитой даркнеской стали. Лезвия матово поблескивали в полумраке, играя бликами от факелов. Это была работа лучших мастеров Галтипии — лёгкая, прочная и смертоносная.

— Даркнеская сталь. Клинки, которые не знают равных на поле брани.

Он открыл второй сундук. Там были аккуратно сложены рулоны тончайшего шёлка, переливающегося всеми цветами радуги. Старейшины заинтересованно зашептались.

— Галтипийский шёлк. Прочнее любой верёвки, легче паутины. Из него ваши воины могут делать тетивы для луков или лёгкую броню под доспехи.

Из третьего сундука он достал искусно выкованный шлем с высоким гребнем и набор метательных ножей с костяными рукоятями.

— И многое другое. Инструменты для корабелов, что прочнее камня. Крепёж для ваших драккаров, что не подведёт даже в самый лютый шторм.

Мерон выпрямился и посмотрел прямо в глаза вождю Карку.

— Это лишь малая часть даров от гильдий Даркнеса. Знак наших намерений и нашей щедрости. Мы предлагаем не просто торговлю. Мы предлагаем союз.

В зале повисла тяжёлая тишина. Карк медленно поднялся со своего места. Его огромная фигура отбрасывала на стену гигантскую тень. Он медленно подошёл к одному из мечей и провёл пальцем по лезвию. Раздался тихий, мелодичный звон.

Вождь долго молчал, глядя то на оружие, то на Мерона.

— Твои дары достойны внимания, чужеземец из Даркнеса. Сталь остра, а шёлк красив... Но союз — это не обмен товарами в портовой лавке. Это клятва крови и соли.

Он поднял свой взгляд на Мерона, и в его янтарных глазах мелькнуло что-то похожее на интерес.

— Ты проделал долгий путь и принёс достойные слова и дары. Совет выслушает тебя. Но решение будет принято не здесь и не сейчас. Ты будешь нашим гостем в Раниесе. А мы... мы будем думать над твоими словами о союзе.

Глава 8. Гостеприимство и ожидание

Дни в Раниесе слились для Мерона в одно бесконечное, тягучее ожидание. Его разместили в гостевом доме, сложенном из массивных, поросших мхом валунов, с видом на вечно неспокойный океан. Условия были достойными: чистая постель, обильная, хоть и непривычная еда — вяленая рыба, водоросли, странные солёные плоды. Панисосы не были жестоки к гостю, но их гостеприимство имело вкус холодного моря — оно поддерживало жизнь, но не согревало душу.

Ответа от Совета не было. Ни на второй день, ни на пятый. Мерон чувствовал себя пойманной в сети рыбой: он был жив, его кормили, но он не мог двинуться с места.

Чтобы не сойти с ума от бездействия и тревоги, он начал изучать город и его обитателей. Он часами бродил по узким улочкам Раниеса, высеченным прямо в скалах. Город пах солью, мокрым камнем и дымом от костров, на которых коптилась рыба. Здесь не было привычной суеты торговых площадей Галтипии. Панисосы двигались с той же текучей грацией, что поразила его в порту. Они почти не разговаривали вслух — их общение часто сводилось к жестам или долгим, пронзительным взглядам янтарных глаз.

Он наблюдал за их бытом. Мужчины чинили сети и оружие из странного металла с синим отливом. Женщины плели верёвки из водорослей такой прочности, что они могли бы удержать якорь галеона. Дети играли у самой кромки прибоя, ныряя в волны с ловкостью дельфинов.

Однажды Мерон решился спуститься к причалам, где кипела работа. Он остановился у группы воинов, которые тренировались на специальной площадке. Их движения были завораживающими — это был не прямолинейный бой на мечах, которому учили в Даркнесе. Это был танец воды: плавные уходы от ударов, использование инерции противника, молниеносные выпады изогнутыми клинками цвета морской пены.

— Ты смотришь так, будто хочешь научиться утонуть.

Голос раздался за спиной неожиданно. Мерон резко обернулся. Перед ним стоял молодой панисос — выше его на полголовы, с кожей цвета тёмной меди и волосами цвета воронова крыла, которые действительно колыхались, словно под водой. В его вертикальных зрачках плясали насмешливые искры.

— Я смотрю на ваше искусство боя, — спокойно ответил Мерон, стараясь не показывать напряжения.

— Это не искусство. Это жизнь. Мы не сражаемся с волнами. Мы становимся ими.

Панисос подошёл ближе. От него пахло солью и чем-то пряным.

— Тебя зовут Мерон. Ты приплыл просить помощи у тех, кто не знает жалости к слабым.

— Я приплыл предложить союз равных.

Молодой воин усмехнулся.

— Равных? Твои дары лежат в сокровищнице Карка. Сталь и шёлк... Хорошая плата за молчание. Но союз? Союз стоит дороже.

— Чего же он стоит?

Воин наклонился к самому уху Мерона. Его шёпот был похож на шелест прибоя о гальку:

— Он стоит правды. А ты ещё не сказал нам всей правды о том, зачем твой город Даркнес ищет союзников на краю света.

Он отстранился и растворился в толпе так же быстро, как и появился, оставив Мерона стоять на ветру с тяжёлым сердцем. Слова воина эхом отдавались в голове. Неужели они видят его насквозь? Неужели его миссия обречена ещё до того, как он получил официальный отказ?

Вечером того же дня к нему пришёл слуга — молчаливый панисос с татуировками на лице, пульсирующими слабым бирюзовым светом. Он жестом пригласил Мерона следовать за ним.

Сердце Мерона забилось чаще. Неужели это оно? Неужели Совет наконец готов дать ответ? Он шёл за слугой по тёмным коридорам чертогов Совета, и каждый шаг отдавался гулким эхом в наступившей тишине. Ожидание было хуже любого приговора.

Слуга вёл его не в зал Совета, а куда-то вглубь горы, по узким винтовым лестницам, вырубленным прямо в скале. Воздух здесь был сырым и холодным, пахло солью и древностью. Факелы на стенах чадили, отбрасывая на влажные стены причудливые, танцующие тени. Мерон шёл молча, чувствуя, как с каждым шагом нарастает тяжесть в груди. Это был не путь к триумфу.

Наконец, они остановились перед массивной дверью из тёмного дерева, окованной потускневшим металлом. Слуга толкнул створку, и та открылась с протяжным, скрипучим стоном, похожим на крик чайки.

Внутри было темно. Единственный источник света — огромный очаг в центре круглого зала — бросал на стены багровые отблески. Вдоль стен стояли статуи древних воинов-панисосов, их лица были суровы и непреклонны. В центре зала, у очага, сидел один-единственный силуэт. Вождь Карк.

Он не обернулся на звук шагов. Он смотрел в огонь, и его огромная фигура казалась высеченной из того же камня, что и стены.

— Оставь нас, — голос Карка был глухим, лишённым эмоций. Слуга тут же исчез, тихо притворив за собой дверь.

Мерон остался стоять на пороге, чувствуя себя крошечным и беззащитным перед этой первобытной мощью.

— Подойди, чужеземец, — не оборачиваясь, произнёс вождь. — Не стой в тени. Пусть огонь увидит твоё лицо.

Мерон сделал несколько шагов вперёд и остановился у самого очага. Жар от пламени был почти невыносимым.

— Ты ждёшь ответа, — Карк наконец повернул голову. Его глаза в полумраке казались двумя дырами, ведущими в саму преисподнюю. — Ты принёс дары. Ты говорил о союзе. Но твои слова... они пахнут ложью. Они пахнут кровью старого врага.

Сердце Мерона пропустило удар.

— Вождь, я...

— Молчи! — рык Карка заставил пламя в очаге колыхнуться. Он медленно поднялся во весь свой исполинский рост, и его тень накрыла Мерона целиком. — Мы помним. Панисосы помнят всё. Мы помним запах горящего дерева и крики наших братьев. Мы помним алые паруса на горизонте.

Он подошёл ближе, нависая над Мероном как скала.

— Королевство Масс. Валингтор. Их маги научились подчинять ветер и воду. Их корабли были быстры как акулы, а их мечи не знали пощады. Они пришли не торговать. Они пришли за нашими душами и нашими берегами.

Карк сжал кулак так, что хрустнули суставы.

— Мы дали им бой. Мы утопили их флот в крови и огне. Мы отправили их короля кормить рыб на дне Глубинной Бездны. Это была столетняя война. Война на уничтожение.

Он ткнул огромным пальцем в грудь Мерона.

— А теперь ты говоришь мне о союзе города Даркнес? О помощи? Почему я должен верить тебе? Почему я должен верить тем, кто, возможно, уже склонил колено перед Валингтором? Почему я должен думать, что ты не шпион? Что ты не пришёл выведать наши секреты, чтобы потом привести сюда новый флот Масс?

В зале повисла гробовая тишина, нарушаемая лишь треском поленьев в очаге.

— Я... — голос Мерона предательски дрогнул, но он заставил себя говорить твёрдо, глядя прямо в пылающие яростью глаза вождя. — Я понимаю ваше недоверие, вождь Карк. Но Даркнес никогда не был союзником Валингтора. Мы слишком далеко от них, наши интересы всегда были разными.

Карк молчал, буравя его взглядом.

— Но мир изменился, — продолжил Мерон, чувствуя, как холодный пот стекает по спине. — Если вы подозреваете нас... значит, у вас есть на то причины. Скажите мне прямо: что вы знаете? Что заставляет вас думать, что Даркнес связан с Массом?

Вождь долго смотрел на него, словно взвешивая каждое слово. Затем он отвернулся и снова уставился в огонь.

— Ответы не всегда приносят покой, чужеземец. Иногда они приносят лишь новую войну. Иди. Тебя проводят обратно. Совет будет думать. И я буду думать... о том, можно ли доверять тому, чей город может быть уже отравлен дыханием старого врага.

Мерон уже шагнул в тень дверного проёма, но слова вождя, тяжёлые, как прибрежные валуны, пригвоздили его к месту. Он остановился. Спина напряглась. Повернуться и смотреть в глаза этому гиганту, когда тот в ярости, было безумием. Но промолчать — означало признать вину.

Он медленно развернулся. Его голос, поначалу слабый, с каждым словом набирал силу, становясь твёрже гранита.

— Даркнес не сотрудничает с королевством Масс. Мы торгуем с ним. Как торгуем с половиной известных портов, — отчеканил Мерон, глядя прямо в янтарные глаза вождя. — Торговые пути не выбирают, на чьих берегах им останавливаться.

Он сделал шаг вперёд, в круг света от очага, чтобы Карк видел каждую черту его лица.

— Конечно, от короля Эрвина поступал призыв. Он умолял гильдию купцов Даркнеса помочь королевству защититься от «красных плащей». Он предлагал золото, земли, монополию на торговлю специями. Но гильдия купцов Даркнеса приняла нейтралитет. Мы — торговцы, а не солдаты. Мы не проливаем кровь за чужие короны.

Мерон замолчал на секунду, собираясь с мыслями. В зале повисла такая тишина, что было слышно, как потрескивает смола в огне.

— И именно поэтому я здесь, — тихо, но отчётливо произнёс он. — Я уехал к вам послом. Не как воин, ищущий мечей, а как торговец, ищущий союза. Потому что если Валингтор или кто-то ещё решит, что нейтралитет — это слабость, нам понадобятся друзья. Настоящие друзья. И я пришёл предложить вам не сталь для войны, а сталь для союза.

Он замолчал, ожидая ответа. Вождь Карк не шевелился. Он смотрел на Мерона так долго, что тот начал чувствовать жар не только от очага, но и от напряжения, повисшего в воздухе.

Наконец, гигант медленно кивнул. Это был не знак согласия, а знак того, что он услышал.

— Слова... — пророкотал Карк, и его голос снова стал похож на шум далёкого шторма. — Слова — это ветер над водой. Они меняют форму и обманывают слух.

Вождь медленно обошёл очаг и остановился вплотную к Мерону. От него исходила аура такой мощи, что у человека перехватило дыхание.

— Но у панисосов есть способ отличить ветер от правды.

Карк поднял свой золотой посох. Бирюзовый глаз на его вершине, до этого тускло мерцавший, внезапно вспыхнул ярким, ослепительным светом, залив зал холодным сиянием.

— Завтра на рассвете наш шаман заглянет тебе в душу Всевидящим Оком, — произнёс вождь, и в его голосе не было ни гнева, ни злобы — лишь ледяная уверенность. — Мы увидим всё: твои мысли, твои страхи, твою ложь. Если ты говоришь правду — ты станешь нашим гостем по праву. Если же ты лжёшь... — он сделал паузу и наклонился так близко, что Мерон почувствовал его дыхание — оно пахло солью и древними травами, — ...то лучше бы тебе было утонуть по пути в Раниес.

Вождь Карк отвернулся и снова сел у огня, давая понять, что аудиенция окончена. Дверь за спиной Мерона скрипнула, и молчаливый слуга жестом пригласил его следовать за собой обратно в тишину гостевого дома. Впереди была ночь без сна и суд шамана.

Ночь прошла без сна. Мерон метался на жёстком ложе, слушая, как за окном бушует океан. Ветер завывал в скалах, бросая в окно солёные брызги, и этот звук казался ему голосом самого Харона, предупреждающим о грядущем испытании. Он смотрел в темноту и думал не о смерти, а о Всевидящем Оке.

Что это? Магический кристалл? Артефакт, созданный древними? Или просто легенда, которой пугают непослушных детей? Он не знал. Но одно было ясно: завтра его разум, его самые сокровенные тайны и страхи будут выставлены напоказ, как товар на рыночной площади. Панисосы увидят всё. И от этой мысли холодный пот выступал на лбу.

На рассвете его разбудил всё тот же безмолвный слуга. Ни слова не говоря, он проводил Мерона по лабиринту коридоров в круглый зал, где вчера его принимал вождь. Но сегодня здесь всё изменилось.

Огонь в очаге был потушен. Зал наполнял густой, пряный дым, от которого кружилась голова и слегка немели губы. Статуи древних воинов, казалось, ожили в колеблющихся тенях. В центре зала, на каменном постаменте, стоял огромный, идеально круглый бассейн с водой. Она была чёрной, как смола, и абсолютно неподвижной.

У бассейна стоял шаман.

Он был стар — старше всех, кого Мерон когда-либо видел. Его кожа была похожа на древний пергамент, испещрённый тысячами светящихся татуировок, которые сплетались в единый, пульсирующий узор. Глаза шамана были закрыты белой плёнкой — он был слеп. Но Мерон чувствовал: этот старик видит гораздо больше, чем все зрячие в этом зале.

В руках шаман держал Всевидящее Око.

Это был не камень и не кристалл. Это был живой организм. Сфера размером с человеческую голову, похожая на гигантский, идеально гладкий глаз моллюска. Его поверхность переливалась перламутром и всеми оттенками морской волны — от тёмно-синего до бирюзового. По сфере пробегала рябь, словно внутри билось чьё-то сердце.

— Подойди к Истине, — голос шамана был сухим, как шорох песка, но он эхом разнёсся по всему залу.

Мерон сделал шаг вперёд. Ноги были ватными.

— Смотри в Око, — приказал шаман.

Мерон наклонился над бассейном. Его собственное отражение в чёрной воде дрожало. Он перевёл взгляд на сферу в руках старика. И замер.

Перламутровая поверхность Ока начала меняться. Она больше не была гладкой. Теперь она напоминала водоворот, затягивающий в свою глубину. Из центра сферы вырвался луч мягкого бирюзового света и ударил Мерону прямо в глаза.

Мир исчез.

Он не почувствовал боли. Только холод и давление, словно его сознание вывернули наизнанку и погрузили в ледяную воду.

И начался суд.

Всевидящее Око не просто смотрело — оно копалось, перебирало, анализировало.

Сначала пришли образы. Он увидел свой дом в Даркнесе: узкие улочки, запах свежей выпечки из пекарни на углу, шум порта. Он увидел лица друзей, улыбку матери. Это было легко, это была правда.

Затем Око углубилось.

Оно коснулось его мыслей. Мерон почувствовал, как невидимые пальцы перебирают его убеждения, его планы, его надежды на союз с панисосами. «Око» видело его искренность, его страх за родной город, его решимость довести миссию до конца. Здесь не было лжи.

А потом пришло самое страшное — чувства.

Око вытащило на поверхность его самый потаённый страх: страх неудачи. Ужас от мысли, что он вернётся домой ни с чем и увидит горящие башни Даркнеса. Оно показало ему момент слабости — мимолётное желание сбежать из Раниеса на первом же корабле, когда он понял, насколько чужд ему этот мир.

Но Око видело и другое. Оно видело его отвагу — решение остаться и говорить с Карком лицом к лицу. Оно видело его честность — признание о торговле с Валингтором без утайки.

Свет стал невыносимо ярким, а затем так же резко погас.

Мерон рухнул на колени у края бассейна, жадно хватая ртом воздух. Голова раскалывалась, перед глазами плыли круги. Он чувствовал себя выжатым досуха.

Шаман медленно повернул свою слепую голову к вождю Карку.

— Он говорил правду, — проскрипел старик. — В его душе нет яда Валингтора. Его страх — это страх за свой дом. Его цель — союз.

Вождь Карк поднялся со своего трона и медленно подошёл к Мерону. Он не подал руки, чтобы помочь подняться — это было бы оскорблением для воина. Он просто навис над ним огромной горой.

— Я сделал выбор, человек из Даркнеса, — прогремел голос вождя. — Я верю тебе.

Мерон с трудом поднял голову.

— Значит... союз?

Карк усмехнулся, и это было похоже на сход лавины.

— Союз не скрепляют бумагой или клятвами над чашей вина. Союз скрепляют кровью и солью.

Он обвёл взглядом зал.

— Ты хотел увидеть мощь панисосов? Ты хотел доказать нам свою пользу? У тебя будет такая возможность. Мы утвердим наш союз военным походом здесь, на земле Харона. Мы выступим против наших врагов на севере. Ты пойдёшь с нами.

Вождь наклонился и заглянул Мерону в глаза своим тяжёлым взглядом.

— Ты увидишь нашу ярость. И ты докажешь нам свою верность делом, а не словами.

Глава 9. Валас

Путь из Ардессы на север был тяжёл. Ледяной ветер, не встречая преград на равнинах, пронизывал до костей даже через плотные меховые плащи. Курак, король филии, ехал молча, его взгляд был устремлён на горизонт, где небо сливалось с заснеженной землёй. Эрвин Рагнидиел, его спутник, держался рядом, всматриваясь в даль с привычной настороженностью воина. Позади осталась Ардесса, которую теперь защищал брат Эрвина — Элар Рагнидиел.

Когда на горизонте показались тёмные, массивные очертания гор, а затем и первые признаки человеческого жилья, отряд замедлил ход. Город Валас, столица Севера, вырастал из скалы, словно был её продолжением. Его стены, сложенные из серого, грубо отёсанного камня, казались неприступными. Над ними возвышались массивные башни, увенчанные остроконечными крышами, с которых вился тонкий дымок очагов.

Ворота Валаса — огромные, окованные железом — были приоткрыты ровно настолько, чтобы пропустить путников. Стража на стенах, закутанная в меха, молча наблюдала за их приближением. Не было ни приветственных криков, ни суеты. Северяне встречали гостей так же сурово и сдержанно, как и сама их земля.

Проехав под гулким сводом ворот, отряд оказался на узких, мощёных булыжником улицах. Город жил своей жизнью: пахло дымом, жареным мясом и мокрой шерстью. Дома, прилепившиеся друг к другу и к скале, были приземистыми и крепкими. Из узких окон-бойниц на прибывших смотрели настороженные глаза.

Курак и Эрвин направились к цитадели — сердцу Валаса. Пространство перед замком напоминало растревоженный улей. Вдоль стен раскинулся огромный воинский лагерь: сотни костров отбрасывали причудливые тени на заснеженные камни. Здесь собрались вожди и воины десятков северных племён, все как один закутанные в тяжёлые меха.

Герб Севера и рода Лаков — свернувшийся в кольцо морской змей с разинутой пастью на бирюзовом фоне — виднелся повсюду: на штандартах, развевающихся на ветру, и на щитах стражи.

У главного входа в замок их уже ждали. На широких ступенях стояли лорд Эрис Лак, правитель Севера и хранитель Валаса, и его дочь Лиара Лак. По обе стороны от них выстроились воины — наездники водных змеев.

Рядом с правящей четой лежал огромный водный змей. Его чешуя переливалась в свете факелов, а из ноздрей вырывались едва заметные клубы пара.

Крепость Лаков, вырубленная в скале, возвышалась над обрывом, словно страж, охраняющий край света. Её башни были покрыты инеем, а стены хранили следы былых битв.

Лорд Эрис сделал шаг вперёд. Он не произнёс приветственных речей. Его взгляд поочерёдно остановился на Кураке и Эрвине.

— Король филии Курак и король Масс Эрвин Рагнидиел, — голос лорда был низким и властным. — Вы проделали долгий путь.

Не дожидаясь ответа от спутников, вперёд выступил Эрвин Рагнидиел. Он выпрямился во весь рост.

— Я, Эрвин Рагнидиел, — его голос разнёсся над площадью, — король королевства Масс и всего Севера, приветствую тебя, лорд Эрис Лак.

В словах Эрвина не было высокомерия, лишь спокойная уверенность монарха. Он говорил как король своей земли.

Лорд Эрис Лак едва заметно склонил голову в ответном приветствии.

— Твои слова звучат так же твёрдо, как камни этой крепости, — ответил он, жестом приглашая гостей следовать за ним внутрь. — И твой приход был своевременен. Мы только что вышли из битвы.

Они прошли в главный зал цитадели. Здесь, в огромном очаге, пылало целое бревно.

— Великаны, — голос лорда стал жёстче. — Они пришли из глубин северных земель. Их было много. Мы считали их существование мифом.

Он сделал паузу.

— Но мы выстояли. Северные племена бежали от велеканов, мы дали им защиту. И они бились плечом к плечу под знаменем Масс и отбросили их обратно в пустоши.

Лорд Эрис повернулся к Эрвину.

— Эта победа — наша общая. Северные племена приняли твою защиту и власть Масс Эрвин. Теперь мы — единый щит против тьмы с Севера.

Король филии Курак всё это время молчал. Он стоял чуть позади, его янтарные глаза внимательно изучали лорда Лака и короля южан. Он слушал каждое слово. Весть о том, что великаны уже атаковали и были отброшены силами союза Лаков и Масс под единым знаменем змея, меняла всё. Угроза была реальной и уже пролила кровь у стен Валаса. Курак понимал: совет королей будет не о возможной войне. Война уже началась.

В главном зале цитадели, где жар от огромного очага боролся с вечным холодом камня, повисла тяжёлая тишина. Слова лорда Лака о битве и едином щите Севера ещё звучали под высокими сводами. Курак, стоявший в тени, лишь крепче сжал челюсти, его янтарные глаза не мигали.

В этот момент из бокового прохода, ведущего во внутренние покои крепости, послышался мерный, лязгающий шаг. В зал вошли они — рыцари Единого Стола. Их доспехи, выкованные в кузницах далёкого юга, были покрыты царапинами и вмятинами, а некогда белые плащи потемнели от гари и замёрзшей крови. Но они шли прямо, и в их строю не было зияющих пустот.

Воины Севера, сидевшие у очагов, замолкали, провожая взглядами этих закованных в сталь южан. Для суровых наездников водных змеев и охотников тундры вид рыцарей, сражавшихся с великанами, был сродни легенде, обретшей плоть.

От строя отделилась одна фигура. Сир Грегор Талин, старший рыцарь и правая рука короля, сделал несколько тяжёлых шагов и опустился на одно колено прямо перед Эрвином Рагнидиелом. Его голос, хриплый от дыма и мороза, прозвучал как скрежет металла:

— Мой король. Рыцари Единого Стола бились достойно.

Он поднял голову, и в его взгляде не было ни просьбы о похвале, ни жалости к себе — лишь холодная констатация факта.

— Мы стояли там, где стена была тоньше всего. Там, где великаны пытались прорваться к воротам. Ни один из нас не отступил. Мы заплатили эту цену кровью за каждый шаг этой земли.

Эрвин молча смотрел на своего верного вассала. Он не стал поднимать рыцаря или произносить громких речей. Вместо этого он медленно снял свои перчатки и положил руку на наплечник сира Грегора — жест признания и скорби одновременно.

Лорд Эрис Лак наблюдал за этой сценой с мрачным уважением. Он видел много доблести в своей жизни, но дисциплина и самоотверженность этих южных воинов произвели на него

впечатление. Он понял, что сила короля Масс — это не только знамёна и армии, но и такие люди, готовые умереть по одному его слову.

Курак же видел в этом нечто иное. Он видел порядок. Видел иерархию, где каждый знал своё место и свой долг перед лидером. Это было полной противоположностью его народу — диким, свободным филии. И сейчас он задавался вопросом: сможет ли его племя стать частью этого единого щита, не потеряв своей сути? Или же им суждено быть лишь остриём копья в чужой руке? Война уже началась, и цена союза становилась пугающе ясной.

Эрвин наконец нарушил тишину. Его голос был тихим, но твёрдым.

— Встань, сир Грегор. Твоя служба и служба твоих братьев записана в летописи королевства огненными буквами. Вы доказали, что честь Единого Стола не пустой звук даже здесь, на краю мира.

Он обвел взглядом зал: лорда Лака, его дочь Лиару, суровых наездников у стен и своего верного рыцаря.

— Мы собрались здесь не для того, чтобы оплакивать павших или праздновать победу над авангардом. Мы собрались, чтобы говорить о войне. О настоящей войне. Лорд Эрис, — король Масс Эрвин посмотрел прямо в глаза северному лорду, — я хочу знать всё о враге.

В разговор вступила Лиара Лак. Она сделала шаг вперёд, её голос, хоть и молодой, звучал с непоколебимой уверенностью.

— Мы не знаем ничего о великанах, кроме мифов, мой король. Наши жрецы богини Тализы не знают, как с ними бороться. Их ритуалы бессильны против этой первобытной силы.

Она на мгновение замолчала, глядя в огонь очага, словно видя там картины недавней битвы.

— А маги Галтипии, которые пришли помочь нам и которые держали бой вместе с нами... — её голос дрогнул, но тут же вновь обрёл твёрдость, — в первый раз сталкивались с этой силой. Их заклинания, способные плавить камень и останавливать стрелы, лишь обжигали кожу великанов, не нанося им смертельного урона.

Лиара повернулась к Эрвину, и в её глазах читалась не только скорбь по погибшим, но и холодная решимость.

— Мы бились с тенью из древних легенд, вооружённые сталью и магией, которая оказалась бессильна. Мы отбросили их, но не победили. И мы не знаем, как победить их в следующий раз.

Лиара замолчала, и её слова повисли в воздухе тяжёлой, гнетущей тишиной. Король Эрвин долго смотрел на неё, и в его взгляде не было ни страха, ни отчаяния, лишь стальная, холодная решимость. Он медленно перевёл взгляд с лица девушки на лорда Эриса, затем на сира Грегора и, наконец, обвел им всех собравшихся в зале — суровых северян, израненных рыцарей и магов в потемневших от копоти мантиях.

— Значит, мы будем биться всем Валингтором, чтобы уничтожить это зло, — его голос прозвучал негромко, но каждый звук был подобен удару молота по наковальне. — Не просто отбросить. Не просто защитить стены. Уничтожить. Мы выжжем эту заразу с лица земли, чтобы ни один ребёнок больше не боялся сказки о великанах.

Не успел он договорить, как со стороны, где стояли представители морских народов, раздался низкий, рокочущий голос. К ним шагнул высокий мужчина в тяжёлых доспехах из тёмного металла, инкрустированного перламутром. Его длинные седые волосы были заплетены в сложные косы.

— Я — Верховный правитель и адмирал флота Ераков со Стальных островов, — представился он, и его голос был подобен шуму прибоя. — Мы слышали слова короля. И мы готовы действовать.

Он сделал паузу, обведя присутствующих властным взглядом.

— Мы можем предоставить свой флот. Наши корабли усилят армию с моря, перекрыв великанам пути к отступлению и снабжения. И... — его взгляд стал жёстче, — в случае поражения мы эвакуируем оставшуюся армию. Север не должен пасть полностью. Мы сохраним искру сопротивления.

Эрвин Рагнидиел кивнул адмиралу и тут же завязал с ним оживлённый разговор. Они склонились над грубо начерченной на пергаменте картой северных земель, указывая на фьорды и прибрежные скалы. Слова «десант», «блокировка» и «пути снабжения» долетали до ушей остальных. Союз обретал конкретные черты, превращаясь из хрупкой надежды в реальный военный план.

Курак всё это время стоял неподвижно. Он видел, как формируется эта новая сила: железная дисциплина рыцарей юга, суровая стойкость северян Лака и морская мощь Ераков. Это был механизм войны, отлаженный и смертоносный. Он посмотрел на Эрвина, который теперь что-то горячо доказывал адмиралу. Король Масс был не просто правителем. Он был центром этого механизма, его сердцем и разумом.

Королевство Филии было другим. Они были стихией, ураганом, который невозможно вписать в чёткий план сражения. Курак понимал, что скоро ему придётся сделать выбор: стать частью этого единого щита или остаться диким осколком на его краю. И этот выбор определит судьбу его народа.

Когда схлынула первая волна обсуждений и в главном зале цитадели остались лишь самые приближённые, а затем и они разошлись по своим делам, сир Грегор Талин направился в свои покои. Его комната, как и у всех рыцарей Единого Стола, была маленькой и аскетичной, больше похожей на келью, чем на жильё воина. Единственное окно-бойница выходило на внутренний двор, откуда доносился звон стали — воины Лаков продолжали тренировки даже после битвы.

Сир Грегор, едва переступив порог, тяжело опустился на узкую кровать. Тело, измученное боем и долгой дорогой, требовало отдыха. Но стоило ему сесть, как что-то хрустнуло под ним. Он нахмурился и, сунув руку под грубое шерстяное одеяло, нащупал свёрнутый пергамент. На нём чётко виднелась печать — родовой герб Рагнадиелов: вставший на дыбы жеребец.

Рыцарь быстро поднялся и подошёл к небольшому столику, где одиноко стояла оплывшая свеча. Он развернул письмо. Сердце пропустило удар, когда он увидел подпись. Оно было от Элара Рагнадиела, брата короля Эрвина. Элар писал, что остался в Ардессе не просто для защиты рубежей. Он писал о великом замысле.

«...заключил договор с могущественным родом Пранов. Вместе мы сможем объединить весь Валингтор в единое королевство. Но для этого нужно признание. Нам нужна поддержка короля филии Курака и домов, управляющих Филей. Нынешний король Филии Курак слаб и погряз в старых клятвах. Его нужно... убрать с пути. Он не тот лидер, который нужен нам для грядущей войны».

Дальше Элар обращался к сиру Грегору лично. Он просил его написать отцу — лорду Ремру Талину, властителю Медвежьих земель. Элар хотел, чтобы армия всадников-медведей вышла в поддержку «нового порядка» в Ардессе.

Сир Грегор ещё раз перечитал письмо. Он видел короля Эрвина в бою. Видел его решимость в Валасе. Но слова брата короля о слабости и необходимости объединения всех сил под единой рукой нашли отклик в душе старого воина. Элар был прав. Война с великанами требовала не просто короля Юга и лорда Севера. Она требовала истинного короля.

Решение было принято.

Сир Грегор подошёл к небольшому письменному прибору. Его рука не дрожала, когда он начал писать. Он обращался к своему отцу не как сын к отцу, а как вассал к своему лорду.

«Отец мой, лорд Ремр Гор Талин, властитель Медвежьих земель и всадник медведя королевства Масс и всего Валингтора».

« Пишу тебе из цитадели Валас. Пришло время действовать. Я даю тебе клич. Собирай армию. Мы должны поддержать истинный порядок в Ардессе».

Он запечатал письмо своей личной печатью — головой вепря на фоне скрещённых мечей. Покои рыцаря снова погрузились в тишину, но теперь это была тишина не отдыха, а затишья перед бурей, которую он сам собирался развязать.

Глава 10. Тень за плечом короля

Покои, выделенные рыцарям Единого Стола, были аскетичны: узкие окна-бойницы, каменные стены, холодный пол. Сир Грегор Талин не находил себе места. Сон не шёл. Его тело, измученное битвой и долгой дорогой, требовало отдыха, но разум был остёр, как только что наточенный клинок. Он стоял у окна, глядя на внутренний двор цитадели, где суетились воины, но видел он совсем другое.

Он наблюдал. Внимательно. Холодно. Словно полководец, изучающий карту перед решающим сражением. Его взгляд скользил по фигурам королей и лордов, собравшихся в Валасе. Он оценивал их не по гербам и титулам, а по тому, что скрывалось за ними.

Король Эрвин Рагнадиел. Он был центром этого хаоса, солнцем, вокруг которого вращались планеты. Но Грегор видел и другое: усталость в его глазах, бремя ответственности, которое тот нёс один. Он был королём Юга и защитником Севера, но был ли он тем, кто сможет объединить весь Валингтор? Или он просто ещё один правитель, пытающийся удержать шаткое равновесие?

Лорд Эрис Лак. Воплощение Севера. Суровый, непреклонный, как скала, на которой стоял его замок. Он был верен клятве, но его верность принадлежала Валасу и Северу. Пойдёт ли он за чужим королём до конца? Или его преданность имеет границы?

Король Курак. Самый непонятный элемент в этом уравнении. Филии были силой природы, ураганом. Они не подчинялись законам людей. Курак молчал и слушал. Он был диким зверем, которого пытались приручить и запрячь в одну упряжку с боевыми конями. Грегор не был уверен, что это возможно.

Каждый из них нёс свои интересы. Каждый смотрел на союз как на временную меру. А война с великанами требовала не временного союза, а единого стального кулака. Требовался Единый Король.

Его размышления прервал тяжёлый, ритмичный стук шагов по каменному коридору. В дверях покоев возникла массивная фигура Верховного правителя Ераков со Свободных Стальных островов. Адмирал был одет в свою боевую броню из тёмного металла, инкрустированную перламутром, который тускло поблёскивал в свете факелов.

— Сир Грегор Талин, — голос ерака был подобен грохоту прибоя о скалы. — Я искал тебя. Нам нужно поговорить без лишних ушей.

Грегор молча кивнул и жестом пригласил гостя войти.

Правитель ераков прошёл вглубь комнаты. Он двигался с грацией хищника, привыкшего к качке на палубе драккара. Его длинные седые косы были убраны под тяжёлый шлем, а взгляд серых глаз был прямым и пронзительным.

— Я видел тебя сегодня в зале, — начал адмирал без предисловий, останавливаясь у очага и протягивая руки к огню. — Ты не просто слушал. Ты оценивал. Ты искал слабое звено в этой цепи.

Грегор не стал отрицать.

— Цепь крепка лишь тогда, когда все звенья одинаковы. А здесь... здесь собраны разные металлы. Разные клятвы.

Ерак хмыкнул, его губы тронула едва заметная усмешка.

— Верно подмечено. Мой народ живёт морем. Мы знаем: чтобы корабль не утонул при шторме, все должны грести в одну сторону. Но что если у гребцов разные цели? Один хочет домой, другой — к сокровищам, а третий просто боится воды?

Грегор сделал шаг вперёд. Это был тот самый момент.

— Тогда нужен тот, кто задаст единый курс. Тот, чьё слово будет законом для всех: для рыцаря с Юга, для лорда с Севера и для адмирала с моря.

Он внимательно следил за реакцией ерака.

— Мы все видели силу короля Эрвина. Но достаточно ли её? Достаточно ли одной воли одного человека, чтобы сплотить Валингтор перед лицом врага, который древнее наших богов?

Грегор замолчал, давая собеседнику время обдумать сказанное. Он не говорил о предательстве прямо. Он лишь сеял зерно сомнения и предлагал идею более сильного, более абсолютного порядка. Идею единого короля Валингтора.

В глазах адмирала ераков на мгновение мелькнул интерес — хищный интерес волка, почуявшего добычу или возможность стать вожаком новой стаи.

— Интересные мысли ты высказываешь, рыцарь, — медленно произнёс правитель ераков. — Возможно... возможно, сила одного короля действительно лучше слабости многих союзников.

Он повернулся к выходу.

— Я обдумаю твои слова, сир Грегор.

Грегор не пошевелился, пока тяжёлая дверь не закрылась за правителем ераков, отсекая звуки внешнего мира. В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием поленьев в очаге. Он добился своего — заронил зерно сомнения в душу адмирала. Но это было лишь начало. Ераки — сила, но их флот бесполезен на суше. Ему нужен был союзник, чья мощь могла бы склонить чашу весов на земле.

Его взгляд упал на письмо, лежащее на столе. Печать Рагнадиелов, сломанная его рукой, смотрела на него, словно обвиняя. Элар. Его план был дерзок, но в нём была логика. Убрать короля Филии, поставить во главе сильного лидера... Но кто этот лидер? Элар? Он был хорошим воином, но король? Грегор сомневался. Ему нужен был не просто новый король Масс, а фигура, способная объединить всех.

Размышления рыцаря прервал новый звук. Не тяжёлые шаги ерака, а лёгкая, почти бесшумная поступь. Дверь приоткрылась, и в проёме показалась Лиара Лак. Она была без мехового плаща, в простом тёмном платье, но осанка оставалась по-королевски прямой.

— Сир Грегор, — её голос был тихим, но властным. — Я видела, как ты говорил с адмиралом. Вы говорили долго.

Грегор склонил голову в лёгком поклоне.

— Леди Лиара. Мы обсуждали стратегию. Море и суша должны действовать как одно целое.

Она вошла в комнату, прикрыв за собой дверь. Её взгляд, острый и проницательный, скользнул по лицу рыцаря, словно пытаясь прочесть его мысли.

— Стратегию? Или нечто большее? Мой отец — старый лис, он чувствует неладное. Он сказал мне, что ты смотришь на всех так, будто видишь их насквозь. Ищешь слабости.

Грегор встретил её взгляд спокойно.

— На войне слабость одного — это сила другого. Я должен знать, на кого можно положиться, когда начнётся настоящий штурм.

Лиара сделала ещё один шаг вперёд. Теперь она стояла близко, и рыцарь чувствовал тонкий аромат трав, исходящий от неё.

— А на кого нельзя положиться? — её вопрос прозвучал как вызов.

Грегор позволил себе едва заметную усмешку.

— На тех, кто служит двум господам. На тех, чьи клятвы размыты границами их земель.

Наступила пауза. Лиара Лак смотрела на него, и в её глазах он видел не просто дочь лорда, а наследницу Севера. Она была умна и понимала то, что её отец, возможно, старался не замечать: нынешний союз хрупок.

— Мой отец верен короне Масс, — медленно произнесла она, словно взвешивая каждое слово. — Но Валас верен Северу. Если король Масс... если он не сможет защитить Север так, как это должен делать истинный король... Валас будет искать защиты в другом месте.

Это было не просто предупреждение. Это было предложение.

Грегор понял всё мгновенно. Лиара только что сказала ему: «Если ваш заговор удастся и Эрвин падёт, Север не останется в хаосе. Мы готовы говорить с новым правителем».

Он сделал шаг ей навстречу и понизил голос до шёпота.

— Леди Лиара... если наступит такой день, когда Валасу понадобится новый союзник... кто будет говорить от его имени?

Она не отвела взгляда.

— Тот, кто носит титул хранителя Севера. Тот, кто имеет на это право по крови.

Она развернулась и направилась к двери. У самого порога она остановилась и, не оборачиваясь, добавила:

— Подумай об этом, сэр рыцарь. Север помнит своих друзей... и никогда не прощает врагов.

Дверь закрылась, оставив Грегора одного в звенящей тишине. Теперь у него были две опоры: мощь моря и верность Севера. Оставалось лишь дождаться сигнала от Элара и нанести удар.

Грегор остался один, но тишина больше не давила на него. Теперь она была наполнена смыслом, как натянутая тетива перед выстрелом. В камине догорали последние поленья, отбрасывая на стены причудливые тени, похожие на силуэты армий, готовых к битве. Он подошёл к столу и снова взглянул на письмо Элара. Сломанная печать теперь казалась не обвинением, а ключом к новой двери.

Север. Валас. Имя Лиары Лак эхом отдавалось в его мыслях. Её слова были предельно ясны. Это не была пустая угроза или женская прихоть. Это было дипломатическое предложение, сделанное с ледяной уверенностью, свойственной только истинным детям Севера. Они не будут ждать, пока их земли разорят междоусобицы. Если корона Масс ослабнет, Валас сам выберет себе покровителя. И этим покровителем может стать тот, кто принесёт порядок и силу.

Грегор медленно сжал письмо в кулаке. Элар говорил о силе армии и о внезапности удара. Адмирал ераков — о господстве на море. А Лиара Лак только что подарила ему сушу. Не просто территорию, а верность целого региона, закалённого в вековых войнах с холодом и врагами.

Он подошёл к узкому окну-бойнице. За толстым мутным стеклом царила ночь. Где-то там, за стенами замка, спал город, не подозревая о тончайшей паутине интриг, что плелась в этих стенах. Грегор смотрел в темноту, но видел перед собой карту: синие воды флота ераков, серые скалы Севера и в центре — бьющееся сердце королевства Масс.

«Чаша весов», — прошептал он в пустоту комнаты.

Зерно сомнения посеяно. Союзники найдены. Оставалось дождаться, когда созреет урожай хаоса, который готовил Элар. И тогда Грегор будет готов не просто нанести удар, а подхватить падающую корону и водрузить её на голову того, кто достоин править. Или... возможно, на свою собственную? Эта мысль, дерзкая и холодная, как северный ветер, впервые посетила его разум с такой ясностью.

Он отвернулся от окна и направился к двери. Пора было возвращаться в зал, где продолжался пир — маска праздника для тех, кто ещё не знал, что война уже началась. Его война. Тихая, незаметная, но от этого не менее смертоносная.

Глава 11. Совет в цитадели

На следующий день сира Грегора Талина вызвали в главный зал цитадели. Военный совет был созван в спешке. Воздух в помещении был тяжёлым, пропитанным запахами дыма, мокрой шерсти и оружейной смазки. Карты северных земель, испещрённые пометками, были расстелены на огромном дубовом столе. Вокруг них сгрудились вожди, лорды и маги, их голоса сливались в низкий, напряжённый гул.

Грегор вошёл и занял место у стены, как и подобало рыцарю, а не правителю. Он занял позицию, откуда ему был виден весь зал: усталый, но решительный профиль короля Эрвина, непроницаемое лицо лорда Эриса Лака и хищный, оценивающий взгляд адмирала ераков. Он снова был наблюдателем.

Когда король Эрвин ударил кулаком по столу, требуя тишины, гул мгновенно стих.

— Хватит предположений! — голос короля Масс был резким и властным. — Мы отбросили их авангард, но не знаем ни их численности, ни их логова. Мы воюем с призраками.

Он провёл рукой по карте, останавливаясь на цепи крепостей, расположенных далеко к северу от Валаса.

— Нам нужна информация. Я хочу знать, откуда они приходят. Разведка донесла, что великаны движутся от старых рубежей. Мы должны проверить северные гарнизоны. Я отправляю отряд к ближайшим Замкам Белой Совы.

По залу пронёсся ропот. Грегор заметил, как несколько рыцарей в белых плащах с серебряной совой на груди, стоявших у стен, выпрямились и переглянулись.

— Это владения Севера, — спокойно произнёс лорд Эрис Лак, его голос был подобен скрежету льда. — Замки Белой Совы — мои оплоты. Мои рыцари держат там гарнизоны.

— Именно поэтому я и обращаюсь к тебе, лорд Лак, — кивнул Эрвин. — Я хочу, чтобы ты отправил гонцов в свои замки. Нам нужно знать обстановку на местах. И я хочу, чтобы отряд разведчиков выступил немедленно.

Внезапно со стороны входа донёсся низкий, гортанный голос, говоривший на всеобщем языке с сильным акцентом филии.

— Я тоже пойду.

Все взгляды обратились к Кураку. Король филии стоял в дверном проёме, его высокая фигура почти касалась головой притолоки. Он не просил разрешения. Он ставил перед фактом.

— Мои воины знают тропы, которые не отмечены на ваших картах. Они чуют опасность так, как не чует ни один человек. Если вы хотите дойти до замков и вернуться, вам нужен я.

На мгновение в зале повисла тишина. Это был вызов и предложение одновременно. Эрвин Рагнадиел посмотрел на Курака долгим, изучающим взглядом, а затем медленно кивнул.

— Хорошо. Король Курак пойдёт с нами.

Сэр Грегор почувствовал, как внутри него всё сжалось. Он должен быть там. Он — щит короля, его правая рука. Как Эрвин может отправляться в самое сердце тьмы без своего лучшего рыцаря? Это было не просто неблагоразумно — это было безумием.

Он сделал шаг вперёд, прочистив горло.

— Мой король, позвольте мне...

Эрвин поднял руку, прерывая его. Его взгляд был холодным и чужим.

— Нет, сир Грегор.

Слова прозвучали как приговор.

— Мой брат Элар остался в Ардессе. Твой долг — быть рядом с ним в случае опасности. Ты останешься здесь, в Валасе, чтобы координировать наши действия с северными лордами и быть готовым прийти на помощь Ардессе в случае... непредвиденных обстоятельств.

Это было унижение. Публичное отстранение от дел под предлогом «координации» и «помощи брату», словно он был не боевым генералом, а посыльным. Грегор застыл на месте, чувствуя, как краска приливает к лицу. Он видел ухмылки на лицах некоторых лордов и ераков. Они видели в нём лишь старого рыцаря, которого король оставил дома за ненадобностью.

Он склонил голову, скрывая ярость в глазах.

— Как прикажете, мой король.

Разведотряд был сформирован: король Эрвин и король Курак с небольшим отрядом отборных воинов из числа людей Филии и рыцарей Белой Совы. Сир Грегор смотрел им вслед со стены цитадели, пока их фигуры не превратились в чёрные точки на белом полотне заснеженной тундры.

Они уходили в неизвестность. А он оставался. Запертый в каменной клетке Валаса с заговором на сердце и яростью в душе. Его отодвинули в сторону именно тогда, когда он должен был быть ближе всех к своему королю. И это лишь укрепило его в правильности выбранного пути.

По заснеженной равнине, где-то на самой границе видимости, упрямо тянулись к горизонту изломанные силуэты гор. Мир был окрашен в два цвета: ослепительно-белый и угольно-чёрный. Ветер, не встречая преград, завывал, словно живое существо, и швырял в лицо колючую ледяную крошку. Началась метель.

Впереди отряда, утопая в снегу по колено, шли двое. Король Эрвин Рагнадиел, закутанный в тяжёлый меховой плащ поверх доспехов, и король Курак, правитель южного королевства Филии. За их спинами молча двигался отряд: пятеро рыцарей Белой Совы в белых плащах, почти неразличимых на фоне снега, и пятнадцать воинов из южных земель Филии, привычных скорее к солнцу, чем к таким холодам.

— В такую погоду мы доберёмся до замка только к рассвету, — голос Эрвина был едва слышен за воем ветра. Он плотнее запахнул воротник.

Курак лишь хмыкнул, щуря глаза от летящего снега.

— Твой Север суров, король Эрвин. В Филии мы воюем под палящим солнцем, а не в ледяной пустыне. Мои люди крепки, но этот холод — враг, к которому мы не привыкли.

Эрвин бросил на него короткий взгляд.

— Значит, мы должны быть достаточно сильны, чтобы пережить эту ночь. Замок Белой Совы — это не просто крепость. Это наш первый рубеж. Если гарнизон ещё держится, мы получим сведения. Если нет... — он не закончил фразу.

— Если нет, мы увидим, что ждёт нас дальше, — спокойно закончил за него Курак. Его взгляд, привыкший к южным горизонтам, сейчас напряжённо всматривался в снежную пелену. — Ты говоришь о вылазке за границу замков. О походе в неизведанный север.

— Именно, — Эрвин остановился на мгновение, чтобы перевести дух. Его лицо было усталым, но взгляд оставался острым. — Отбросить их — это не победа. Мы должны найти их сердце. Источник этой тьмы. И уничтожить его.

Курак кивнул.

— Мои разведчики из южных земель бесполезны здесь. Но я понимаю твою логику. Филии знают цену превентивного удара.

— Тогда мы будем первыми, кто его нанесёт, — твёрдо сказал Эрвин. — Мы не можем ждать, пока они придут снова. Мы должны ударить первыми.

Они снова двинулись вперёд. Два короля — северянин и южанин — шагали плечом к плечу сквозь метель, объединённые общей целью и общей опасностью.

— В замке обсудим план, — сказал Курак после долгой паузы. — Посмотрим карты твоих разведчиков и решим, куда нанести удар.

Эрвин молча кивнул. Впереди, словно призрак, из снежной мглы начали проступать очертания исполинской каменной башни — первого из Замков Белой Совы. Их путь только начинался.

Но по мере того, как отряд приближался, метель, словно нехотя, расступалась, и перед их взорами предстало зрелище, от которого захватывало дух. Это был не просто замок. Это был монумент, высеченный из самой сути Севера.

Замок Белой Совы не стоял на холме — он был холмом. Он вырастал из гигантского скального массива, который, казалось, пронзал ледяную пустыню, как гигантский клык. Его стены, сложенные из огромных блоков серого гранита, были отполированы ветрами и льдом до зеркального блеска. Они не были грязными или обветшалыми; камень сиял в редких лучах пробивающегося сквозь тучи солнца, словно драгоценный металл. Замок не пытался бороться с зимой — он стал её частью.

Центральная башня, самая высокая и массивная, была увенчана не остроконечной крышей, а широким, плоским куполом, на котором лежал толстый слой нетронутого снега. Из этого купола, словно ребра исполинского зверя, торчали массивные деревянные балки, поддерживающие смотровую площадку. По углам стен возвышались круглые бастионы с узкими бойницами-щелями, из которых сейчас не вырывалось ни единого лучика света.

Отряд остановился у подножия скалы. Отсюда замок казался ещё более неприступным. Единственная дорога вела к огромным воротам, вырубленным прямо в монолите скалы. Сами ворота были сделаны из морёного дуба, окованного чёрным железом. На каждой створке была искусно выкована эмблема рода Лаков — не просто змей или сова, а сложная композиция: серебряная сова сидела на кольце свернувшегося морского змея. Символ был покрыт инеем.

Но самое поразительное было не в камне или металле. Замок был живым. На стенах, на крышах казарм, прилепившихся к скале, на башнях — повсюду лежал снег. Но он лежал правильно. Ветер сдувал его в огромные, идеально ровные сугробы у подножия стен, создавая естественные контрфорсы. На карнизах и зубцах стен выросли гигантские ледяные сталактиты и сталагмиты, соединившись в причудливые арки и мосты из чистого голубоватого льда. Природа и человек создали это место вместе.

— Он прекрасен, — выдохнул один из рыцарей Белой Совы за спиной Эрвина. В его голосе смешались гордость и благоговение.

Курак медленно снял рукавицу и приложил ладонь к холодному камню скалы.

— Он молчит. Но он помнит. Филии чувствуют это. Здесь спят старые силы.

Эрвин молча смотрел на тёмные провалы бойниц. Ни дыма из труб. Ни движения на стенах. Замок был великолепен в своей холодной, застывшей красоте. Но он был пуст и мёртв.

— Или помнит слишком хорошо то, что убило всех внутри, — тихо произнёс король Масс Эрис.

Он обернулся к отряду. Его лицо было суровым.

— Рассредоточиться. Проверить периметр. Ищем любые следы. Любые признаки того, что здесь произошло.

Рыцари Белой Совы и воины Филии мгновенно пришли в движение, рассыпавшись по снегу и начав методичный осмотр подножия крепости. Эрвин и Курак остались стоять у ворот, глядя на безмолвную громаду замка.

— Мы войдём туда? — спросил Курак.

— У нас нет выбора, — ответил Эрвин и сделал шаг к воротам.

Ворота, казавшиеся монолитными, поддались с протяжным, скрежещущим стоном, от которого у всех по коже пробежал мороз — холоднее, чем от ледяного ветра. Внутри их встретил огромный, гулкий двор, похожий на каменный мешок. Снег здесь лежал нетронутым, девственным ковром, скрывая под собой брусчатку. Воздух был затхлым, пахло старым камнем, промерзшей пылью и чем-то еще... Слабый, едва уловимый запах тлена.

Отряд разделился. Рыцари Белой Совы и воины Филии методично осматривали внешние стены и хозяйственные постройки, но их доклады были неутешительны: никаких следов борьбы, никаких тел, никаких следов великанов. Замок был покинут. Не захвачен, а именно оставлен, словно его обитатели просто... исчезли.

Эрвин и Курак направились к главной башне — донжону. Тяжелая дверь была приоткрыта. Внутри царил полумрак, разгоняемый лишь светом, падающим из узких окон-бойниц. Каждый их шаг гулким эхом отражался от стен. Они шли через огромный пиршественный зал, где на длинном столе так и остались стоять кубки и тарелки с засохшей, почерневшей едой. Будто пир прервали по тревоге.

— Они бежали в спешке, — тихо произнес Эрвин, проводя пальцем по пыльной столешнице. На пальце остался темный след.

— Или их что-то спугнуло. Что-то, что не оставило следов на снегу, — ответил Курак, настороженно принюхиваясь.

Поднявшись по винтовой лестнице на самый верхний, жилой этаж башни, они услышали звук. Слабый, ритмичный скрежет, доносящийся из-за одной из дверей. Не звук боя, а монотонное, механическое движение.

Король Эрвин жестом остановил Курака и тихо подошел к двери. Он резко толкнул ее.

В небольшой комнате, бывшей когда-то оружейной или личной капеллой рыцаря, царил полумрак. В центре комнаты, спиной к ним, стоял человек. Он был одет в доспехи рыцаря Белой Совы, но это было лишь жалкое подобие былого величия. Пластины помяты и исцарапаны, белый плащ на плечах превратился в грязно-серые лохмотья, покрытые коркой льда и засохшей грязи. Но самое страшное было в том, что доспехи были ему чудовищно велики. Они висели на его высохшем, истощенном теле, как панцирь на скелете.

Человек стоял на коленях перед простым деревянным щитом, лежащим на полу. В руке он держал точильный камень и методично водил им по лезвию огромного двуручного меча. Скрежет металла о металл и был тем звуком, что они услышали.

Он не обернулся на звук открывшейся двери.

— Кто вы? — голос Эрвина был властным, но в нем проскользнула нотка сострадания.

Старик замер на мгновение. Затем медленно повернул голову. Это было лицо живой мумии. Кожа обтягивала череп так плотно, что казалась пергаментом. Глаза глубоко запали в глазницы, но в них горел тусклый, безумный огонек.

— Я... — его голос был похож на шелест сухих листьев. — Я... часовой. Я... несу дозор.

Он снова отвернулся и продолжил свое бессмысленное занятие — точить и без того острый клинок.

Курак медленно подошел ближе и присел на корточки перед стариком.

— Сколько... сколько времени ты здесь? — спросил он мягко

Он поднял на них свои пустые глаза.

— Великаны... они пришли с тишиной. Не с грохотом. С тишиной и холодом, который забирает голос. Они не убивали... они просто... забирали жизнь.

Старик снова опустил взгляд на клинок.

— Я жду их возвращения. Чтобы точить меч... и ждать.

Слова старика повисли в ледяной тишине комнаты. Курак медленно поднялся на ноги, его янтарные глаза, привыкшие читать следы на песке и читать ветер, теперь с глубокой печалью смотрели на сломленного человека. Он переглянулся с Эрвином. Им не нужны были слова, чтобы понять: рыцарь не в своём уме. Его разум, не выдержав одиночества и ужаса случившегося, спрятался за единственным понятным долгом — службой. Он жил в петле одного и того же дня, бесконечно точа меч для врага, который ушёл.

— Позаботьтесь о нём, — голос Эрвина был тихим, но не терпящим возражений. Он кивнул рыцарям Белой Совы, которые вошли следом и теперь стояли в дверях, сняв шлемы.

На их лицах читалась смесь скорби и стыда. — Он один из вас. Ваш брат. Дайте ему тепло, еду и... покой.

Рыцари бережно, но твёрдо подняли старика с колен. Он не сопротивлялся, лишь крепче сжал рукоять меча, глядя в пустоту. Его увели, и скрежет точильного камня наконец стих, оставив после себя гнетущую тишину.

Короли вышли из кельи в промозглый коридор башни. Решение было принято мгновенно.

— Вниз, — скомандовал Эрвин. — В большой зал.

Приказ короля был выполнен с военной точностью. Большой пиршественный зал, ещё недавно вызывавший лишь холод и тоску своим застывшим видом, начал оживать. Воины и рыцари действовали быстро и слаженно. В гигантском камине, способном вместить быка, вскоре уже ревело пламя. Сухие дрова, найденные в кладовых, занялись мгновенно, и живое тепло начало вытеснять могильный холод из каменных стен.

Вокруг очага соорудили лагерь: расстелили меховые плащи, разложили припасы из уцелевших кладовых замка — вяленое мясо, твёрдый сыр, сухари. Запах дыма и горячей еды впервые за долгое время наполнил зал, создавая иллюзию уюта и безопасности.

Эрвин Рагнадиел и Курак, король Филии, расположились в центре этого временного лагеря. Перед ними на огромном столе, с которого так и не убрали почерневшие кубки, теперь была расстелена карта. Свет от костра плясал на пергаменте, отбрасывая причудливые тени на лица королей.

— Итак, — начал Эрвин, его голос был низким и серьёзным. Он провёл пальцем по карте, очерчивая линию от Замка Белой Совы дальше на север. — Мы знаем, откуда они пришли. Но мы не знаем, где их дом. Этот замок — лишь форпост. Они пришли из-за него.

Курак склонился над картой. Его южный взгляд привык к другим ландшафтам, но он был прекрасным стратегом.

— Твой старик сказал: «холод, который забирает голос». Это не просто мороз. Это их дыхание. Мы должны идти по этому холоду, как по следу зверя.

— За грань известного мира, — кивнул Эрвин. Его взгляд был устремлён на верхнюю часть карты, где пергамент был пуст. Там были лишь схематичные рисунки гор и надпись: «Здесь обитают чудовища».

— Мои разведчики-филии не пойдут туда, — прямо сказал Курак. — Это земля духов. Они боятся её больше, чем твоих великанов.

— Значит, пойдём мы, — отрезал Эрвин. — Люди и те из твоих воинов, кто достаточно храбр или достаточно зол.

Они замолчали, глядя в огонь. План был безумен. Это был поход в никуда, в белую пустошь, где нет ориентиров, кроме ветра и холода.

— Нам нужны припасы на две недели пути минимум, — нарушил тишину Курак. — И проводники. Кто-то из местных рыцарей должен знать тропы хотя бы до границы вечных льдов.

— Мы возьмём всех добровольцев из гарнизона замка, кто ещё может держать оружие, — решил Эрвин. — И всех рыцарей Белой Совы. Они поклялись защищать Север. Теперь их долг — найти источник этой заразы и выжечь его.

Король Масс поднял голову и посмотрел прямо в глаза королю Филии.

— Ты со мной? Это путь в одну сторону.

Курак усмехнулся уголком губ. В его глазах плясали отблески огня.

— Мой народ всегда считал твой Север сказкой для детей. Пора нам всем узнать правду об этой сказке. Я с тобой.

За стенами замка продолжала бушевать метель, но в большом зале теперь горел огонь, и два короля склонились над картой неизведанного севера, планируя поход в самое сердце тьмы.

Большой зал, ещё недавно полный жизни, теперь напоминал поле боя после тяжёлой победы. Воины спали вповалку вокруг гигантского очага, их дыхание сливалось в единый, мерный хор. Огонь, хоть и потрескивал, но уже не мог полностью победить холод, который, казалось, исходил от самих стен замка. Он просачивался сквозь камень, пробирался под одежду, заставляя спящих плотнее кутаться в меховые плащи.

Эрвин Рагнадиел не спал. Он сидел, прислонившись спиной к массивной каменной колонне, и смотрел на пламя. Сон не шёл. В голове роились мысли о завтрашнем походе, о пустых глазницах старика-рыцаря, о безмолвной смерти, что царила в этих стенах. Он чувствовал, как холод, который они обсуждали как стратегическую угрозу, становится реальностью. Он был не только снаружи. Он был внутри.

Краем глаза он заметил нечто странное. Пламя в очаге начало тускнеть. Не просто колебаться от сквозняка, а именно тускнеть, словно кто-то высасывал из него жизнь. Угли чернели на глазах, покрываясь серым пеплом. Свет в зале мерк, тени в углах становились гуще, превращаясь в непроглядную тьму.

Ветер снаружи завыл с новой, нечеловеческой силой. Это был уже не просто шум бури. Это был голос — низкий, утробный рёв, от которого дрожали стёкла в узких окнах-бойницах.

Эрвин резко выпрямился. Его рука инстинктивно легла на эфес меча. Он хотел крикнуть, поднять тревогу, но слова застряли в горле. Холод стал осязаемым. Он давил на грудь, мешая дышать.

Внезапно одно из высоких окон на противоположной стороне зала взорвалось мириадами ледяных осколков. Не было звука бьющегося стекла — лишь оглушительный рёв ворвавшегося внутрь урагана. В пролом хлынула не просто метель. В зал ворвалась сама сущность бури — плотный, вращающийся столб снега и льда.

А внутри этого столба стояла фигура.

Великан.

Он не вошёл — он вплыл в зал вместе с метелью. Его тело было сложено из гигантских валунов, поросших мхом и льдом. Кожа напоминала потрескавшийся гранит. Глаза — два тусклых угля в глубоких провалах глазниц — не выражали ничего: ни злобы, ни разума, лишь первобытную пустоту.

Метель мгновенно окутала всё пространство. Мир сузился до нескольких шагов вокруг Эрвина. Снег бил в лицо с кинжальной остротой, ледяной воздух обжигал лёгкие. Король попытался встать, поднять меч для защиты... но его тело не слушалось. Мышцы свело судорогой от невыносимого холода.

Он видел великана сквозь снежную пелену. Тот сделал шаг. Пол под его ногой содрогнулся. Эрвин собрал последние силы и рванулся вперёд, пытаясь высвободить клинок из ножен... но рука лишь беспомощно скользнула по обледеневшей рукояти.

Последнее, что он увидел перед тем, как тьма поглотила его сознание, была гигантская рука великана, медленно и неотвратимо опускающаяся вниз.

А затем наступила абсолютная тишина и холод.

Глава 12. Пленники Севера

Холод был первым, что вернуло его к жизни. Он не кусал и не жёг, как раньше, а медленно, мучительно просачивался в кости, в самую суть его существа. Эрвин с трудом разлепил веки, но мир перед глазами плыл, расплываясь в мутное серое пятно. Голова гудела, словно по ней ударили кузнечным молотом.

Он попытался пошевелиться и тут же понял две вещи. Во-первых, он был жив. Во-вторых, он был обездвижен. Руки и ноги были плотно стянуты грубой верёвкой или ремнём из сыромятной кожи, которая врезалась в плоть. Он лежал на чём-то, что не было ни землёй, ни камнем. Поверхность под ним была странно мягкой, но при этом ритмично покачивалась и вздрагивала.

Зрение постепенно сфокусировалось. Прямо перед его лицом проплывала огромная, косматая гора шерсти. Гора вздохнула, выпустив облако тёплого пара, и издала низкий, утробный звук, похожий на гудение ветра в пещере. Эрвин скосил глаза вверх и увидел исполинскую голову с загнутыми бивнями, размером с его собственный рост. Это был мамонт. Гигантский зверь нёс его на своей спине, словно мешок с зерном.

Паника ледяной волной окатила его разум. Он резко дёрнулся, пытаясь сесть или хотя бы перевернуться. Верёвки лишь сильнее впились в кожу.

— Тише, — раздался рядом чей-то хриплый шёпот.

Это был голос Курака. Эрвин с трудом повернул голову влево. Король Филии лежал на спине другого мамонта, всего в нескольких метрах от него. Он тоже был связан и только сейчас начал приходить в сознание, его янтарные глаза медленно обретали осмысленное выражение.

Вокруг них двигались исполинские тени. Великаны. Они не шли пешком — они восседали на спинах других мамонтов, возвышаясь над заснеженной тундрой, словно ожившие утёсы. Их было около десятка. Они переговаривались между собой на низком, утробном языке, который состоял не из слов, а из рыков, скрипа и гула, похожего на шум сходящей лавины. Этот язык был абсолютно чужд человеческому уху.

Эрвин заставил себя успокоиться и осмотреться. Их небольшой караван двигался на север, прочь от гор и замков. Куда? Он не знал. Вокруг была лишь бесконечная белая пустыня.

Почему они не убили их?

Эта мысль билась в голове, как птица в клетке. Великаны были воплощением уничтожения. Они вырезали целый гарнизон в замке Белой Совы, не оставив и следа борьбы. Они пришли с «тишиной и холодом». Так почему же он и Курак всё ещё живы? Почему их не размозжили одним ударом дубины там, в зале?

Он не мог найти ответа. Но одна догадка была страшнее другой: возможно, смерть была бы милосердием. Возможно, их везут не на казнь, а для чего-то гораздо более зловещего.

Караван двигался без остановки. Мамонты мерно шагали по снегу, а великаны на их спинах казались неподвижными статуями. Эрвин закрыл глаза, пытаясь сохранить остатки тепла и сил. Он был королём Масс Эрис, повелителем армий. Но здесь, на спине доисторического зверя, под присмотром первобытных исполинов, он был всего лишь пленником. И его судьба была неизвестна.

Караван шёл два дня. Время потеряло смысл, превратившись в бесконечную череду серых, заснеженных пейзажей и монотонного, утробного гула великаньей речи. Эрвин и Курак, связанные и обессиленные, лежали на спинах мамонтов, которые, казалось, были единственными живыми и тёплыми существами в этом мёртвом мире. Великаны не обращали на них внимания, лишь изредка бросая косые, лишённые эмоций взгляды. Они ели сырое, мёрзлое мясо, доставая его из кожаных мешков, и пили что-то из огромных бурдюков, от которых пахло тухлятиной.

На исходе второго дня ландшафт начал меняться. Бесконечная белая пустыня уступила место хаосу из чёрного камня и льда. Земля пошла трещинами, из которых вырывались клубы морозного пара. Сугробы стали глубже, а ветер — злее.

И тогда Эрвин увидел это.

На горизонте, словно гнилой зуб в челюсти мёртвого великана, возвышалась она — Чёрная Крепость. Это был не замок и не город в привычном понимании. Это был гигантский конгломерат построек, будто бы выросший из самой скалы. Стены были сложены из огромных, необработанных валунов чёрного базальта, покрытых толстым слоем льда и копоти от гигантских костров. Постройки громоздились друг на друге без всякой видимой системы: приземистые круглые хижины из костей и шкур, прилепленные к массивным каменным башням; огромные загоны для мамонтов, вырубленные прямо в скале; гигантские кострища, над которыми вились столбы чёрного дыма.

Это был великаний город.

Вокруг крепости кипела жизнь — ужасная, первобытная жизнь. Десятки великанов сновали между постройками. Одни тащили огромные туши неведомых зверей, другие обрабатывали гигантские кости, используя их как строительный материал или оружие. В воздухе стоял оглушительный шум: скрежет камня о камень, рёв мамонтов, гортанные выкрики и тот самый утробный гул, который был их языком.

Караван вошёл в город через огромные ворота, вырубленные в скале. Мамонты остановились на площади, вымощенной гладкими, отполированными костями. Эрвина и Курака грубо стащили с их «транспортных средств» и поволокли по земле. Король видел над собой лишь серое небо и уходящие ввысь стены из чёрного камня.

Их не убили сразу. Их притащили сюда как добычу. Но для чего? Какую ценность могут представлять два связанных человека для существ, способных стереть с лица земли целую крепость? Ответ на этот вопрос пугал Эрвина больше, чем сама мысль о смерти. Он понял, что их путешествие только начинается, и настоящая тьма ждала их не на поле боя, а здесь, в самом сердце логова врага.

Их грубо, но без лишней жестокости сняли со спин мамонтов. Эрвин, чьи мышцы затекли от двухдневной неподвижности, едва не упал, когда его ноги коснулись земли. Курак, более привычный к долгим переходам, устоял, лишь слегка пошатнувшись. Они стояли на утоптанной, ледяной площадке перед странным сооружением.

Оно было вырублено прямо в скале и напоминало гигантский амфитеатр или древний театр. Стены уходили вверх на десятки метров, образуя идеальный полукруг. В отличие от грубых построек снаружи, здесь камень был обработан. На чёрном базальте были высечены гигантские барельефы, изображавшие сцены, которые Эрвин не мог до конца осознать: великаны, пасущие стада мамонтов; великаны, сражающиеся с какими-то змееподобными чудовищами; великаны, стоящие на коленях перед огромной светящейся сферой.

Из темного проема в центре этого полукруга вышла фигура. Это был великан, но совершенно не похожий на тех, что их пленили. Он был стар. Его кожа, испещрённая тысячами морщин, свисала складками, как кора древнего дерева. Он был скрючен и опирался на массивный посох из цельного куска чёрного камня, верхушка которого была отполирована до зеркального блеска. Его глаза, глубоко запавшие в глазницы, были удивительно ясными и светились тусклым, янтарным светом.

Старый великан медленно приблизился. Он не шёл, а словно перетекал с места на место. Он остановился в паре шагов от пленников и долго, молча смотрел на них. Его взгляд был не злобным и не голодным, как у зверя. Он был изучающим, словно учёный рассматривал редкий экспонат. Он обошёл их кругом, постукивая посохом о лёд.

Затем он что-то прорычал на своём языке. Звук был низким и властным. Стражи-великаны тут же подхватили Эрвина и Курака под руки и, не церемонясь, поволокли их внутрь тёмного проёма.

Они оказались в огромном зале. Здесь не было ни окон, ни факелов на стенах. Единственным источником света служил гигантский кристалл неправильной формы, висевший в воздухе в центре помещения. Он не горел и не светился в привычном смысле — он словно впитывал тьму вокруг себя и излучал мягкое, молочно-белое сияние, от которого по стенам плясали причудливые тени.

Пол был идеально ровным и гладким, как застывшее чёрное стекло. В дальнем конце зала, на возвышении из того же чёрного камня, стоял трон — не изящное кресло, а массивный куб с выемкой посередине.

Старый великан прошаркал к трону и с видимым облегчением опустился на него. Стражи швырнули пленников на пол у подножия трона и тут же отступили в тень.

— Я — Горм, — голос великана прогремел под сводами зала, но в нём не было угрозы. Он говорил на общем языке, и каждое слово было чётким и ясным. — Я — предводитель этого народа. Я — их поводырь и свет в этом мире вечного холода.

Он сделал паузу, переводя взгляд с Эрвина на Курака.

— Не сочтите за грубость то, что вас связали и доставили сюда ко мне. Это была вынужденная мера.

Он говорил медленно, с расстановкой, словно каждое слово давалось ему с трудом.

— Я знаю, кто вы. Вы — короли своих королевств. Вы носите короны из золота и железа. А я ношу корону из знания и лет.

Он наклонился вперёд, опираясь на посох.

— И я не хочу с вами войны.

Эрвин и Курак переглянулись. В их взглядах читалось одинаковое изумление, смешанное с недоверием и настороженностью. Они ожидали чего угодно: пыточной камеры, жертвенного алтаря, арены для гладиаторских боёв... но только не этого. Не цивилизованной беседы с тем, кого весь Валингтор считал безмозглым чудовищем.

— Не хотите войны? — первым нарушил молчание Эрвин, его голос был хриплым от холода и долгого молчания. — Тогда зачем вы напали? Зачем уничтожили гарнизон Замка Белой Совы? Зачем убиваете наших людей?

Старый великан Горм посмотрел на него своим древним взглядом, и в его глазах Эрвину почудилась не злоба, а бесконечная усталость.

— Вы ничего не знаете о нас... как и мы когда-то не знали о той угрозе, что пришла из-за грани мира. Но это долгий разговор. И он должен начаться с правды. С правды о том, почему мы живы до сих пор.

Великан, назвавшийся Гормом, замолчал. Его слова, произнесённые на чистом общем языке, эхом ещё висели в огромном, освещённом кристаллом зале. Он откинулся на спинку своего каменного трона, и его древний взгляд, казалось, смотрел не на пленников, а сквозь них, в далёкое, забытое прошлое.

— Я расскажу вам, что случилось, — его голос был подобен гулу далёкого ледника.

Он говорил медленно, и каждое слово падало в тишину зала, как камень в бездонный колодец.

— Когда-то давно, когда в этих краях не было вечного холода, а солнце грело землю так же, как оно греет ваши южные королевства... мы были другими. Мы были единым народом. У нас был совет старейшин, мудрейших из нас, которые решали судьбу племени. Власть была общей.

Горм сделал паузу, его глаза потускнели от воспоминаний.

— Но один из нас... один из молодых и сильных... возжелал большего. Ему было мало мудрости совета. Ему нужна была абсолютная власть. Он жаждал её так сильно, что это желание выжгло его разум. Совет отказал ему. И тогда он сделал то, что считалось величайшим табу. Он ушёл. Он отправился в неизведанные земли.

Горм указал своим каменным посохом на север, в темноту за стенами зала.

— Вы называете это «неизведанный север». Мы же знаем, что это — обитель древних духов и чудовищ, которые древнее самих гор. Он пошёл к ним. Искал власть и знания там, куда не ступала нога великана.

Голос старика стал тише, в нём зазвучала скорбь.

— Спустя время он вернулся. Но это был уже не тот великан, которого мы знали. Он вернулся под другим именем. Он назвал себя Король Мрака и Холода. И с ним пришёл холод. Настоящий холод, который убивает не тело, а душу. Он подчинил себе многих из нас. Бесчинствовал. Он хотел править всеми.

Горм выпрямился на троне, и его голос вновь обрёл силу.

— Тогда великаны, верные старому укладу, решили усмирить его. Мы собрали всю нашу древнюю магию, всю силу нашего народа. Мы не могли его убить — магия была слишком сильна. Но мы смогли заточить его. Мы сковали его льдом. Не просто льдом с реки, а льдом вечности.

Он замолчал, глядя на пленников своими древними глазами.

— И с тех пор он был заточён. Целых восемь тысяч лет. Восемь тысяч лет тишины и покоя.

Горм тяжело вздохнул, и этот вздох был похож на порыв ледяного ветра.

— Но не знаю как... и почему... сейчас, именно в эти дни... лёд разломился. Что-то или кто-то разбил его оковы. Король Мрака и Холода на свободе.

В зале повисла гробовая тишина. Было слышно лишь потрескивание невидимого кристалла.

— Он пленяет наших великанов, — голос Горма стал почти шёпотом, полным отчаяния. — Порабощает их разум. Заставляет делать злые вещи. Те великаны, что напали на вас... они не враги вам. Они — рабы. Куклы в руках безумного кукловода. Как нападения на ваши замки... как нападение на замок в городе Валас. Это всё он. Это всё его воля.

Горм замолчал и посмотрел сначала на Эрвина, затем на Курака.

Эрин слушал, и с каждым словом великана удивление на его лице сменялось глубокой задумчивостью. История Горма была невероятной, но она объясняла всё: странное поведение великанов, отсутствие следов борьбы в замке Белой Совы, слова выжившего рыцаря о «холоде, который забирает голос». Это была не война народов. Это была оккупация. Их враг был не снаружи, а внутри.

Курак был поражён. Его народ филии жил легендами о духах и древних силах юга. Но здесь, в сердце ледяной пустыни, он столкнулся с легендой, которая оказалась страшной реальностью. Он смотрел на старого великана Горма и видел перед собой не монстра из сказки, а древнего короля-изгнанника, который принёс страшную жертву ради спасения своего народа от тьмы. В его янтарных глазах читалось не только удивление, но и глубокое уважение к стойкости этого древнего существа.

Слова Горма повисли в воздухе, тяжёлые, как своды его ледяного дворца. Эрвин долго молчал, глядя в пол. История о древнем тиране, вырвавшемся из ледяного плена, меняла всё. Война, которую он планировал, была не с великанами. Война была с тенью, с чумой, что порабощала умы. Он поднял голову и посмотрел сначала на Курака, потом на старого великана. Его взгляд был твёрдым, как закалённая сталь.

— Я выслушал тебя, Горм, — голос Эрвина прозвучал в тишине зала, как удар молота по наковальне. — И я верю тебе. Перед этим... Королём Мрака и Холода — никто не устоит в одиночку. Он проникает в разум, порабощает волю. Мы видели это. Мы думали, что воюем с вами, а на самом деле мы били по теням, по марионеткам.

Он сделал паузу, подбирая слова.

— Чтобы его победить, нам нужно объединить силы. Все. Люди Севера и Юга, рыцари Масс... и ваш народ.

Эрвин посмотрел на Курака. В его взгляде был не приказ, а вопрос. Призыв к союзу равных.

— Филии — гордый народ, — сказал он, не сводя глаз с короля-южанина. — Но даже горный хребет рушится, если его подтачивает вода. Нам нужен единый фронт.

Курак молчал. Он слушал. Его лицо, обычно непроницаемое, сейчас отражало бурю мыслей. Он смотрел на Эрвина, на великана на троне, на светящийся кристалл. Он взвешивал не только слова, но и судьбу своего народа.

Горм медленно кивнул. Его древнее лицо оставалось бесстрастным.

— Ты говоришь мудро для человека, король Эрвин. Объединить силы... это первый шаг. Но этого мало.

Он тяжело оперся на посох и медленно поднялся с трона. Его тень, отбрасываемая кристаллом, выросла до исполинских размеров, накрывая собой весь зал.

— Послушайте меня внимательно, короли. Этому злу нельзя противостоять разрозненно. Король Мрака и Холода — это воплощение хаоса и раздора. Чтобы победить хаос, нужен порядок. Нужна единая воля.

Горм сделал шаг вперёд, и стража-великаны у стен инстинктивно напряглась.

— Нам нужно не только объединить силы. Нам нужно встать под начало одного короля. Того, кто объединит нас всех: и людей Севера, и людей Юга... и великанов.

Его слова упали в тишину, как приговор.

— Того, кто станет щитом для всего Валингтора. Того, чьё слово будет законом для всех рас.

В зале повисла оглушительная тишина. Предложение было не просто о военном союзе. Это было предложение о создании новой империи, о смене всего миропорядка.

Курак всё ещё молчал. Его янтарные глаза были устремлены на Эрвина Рагнадиела. Он видел перед собой не просто короля соседней державы. Он видел человека, который только что предложил великую жертву ради общего блага. И теперь этот же человек стоял на пороге абсолютной власти над всем континентом.

Выбор был сделан за него. Но примет ли его сам Эрвин? И какую цену придётся заплатить за такое единство?

Глава 13. Наследие ледяного плена

Дни, проведённые в Чёрной Крепости, слились для Эрвина в бесконечную череду серых каменных стен и мерцающего света кристаллов. Он, король Масс, чувствовал себя здесь не правителем, а скорее учеником, допущенным к тайнам, которые его народ считал выдумкой. Он проводил всё время в гроте, который великаны гордо именовали библиотекой. Это была не комната с книгами, а огромная пещера, где стены были испещрены рунами, высеченными в самом базальте. Воздух здесь был сухим и холодным, пахнущим пылью веков и озоном.

На массивном каменном столе, способном выдержать удар тарана, были разложены свитки. Не из пергамента или бумаги, а из высушенных и выделанных шкур неведомых зверей, толстых, как корабельная доска. Чернила, которыми были выведены символы, отливали тусклым серебром.

Рядом с Эрвином стоял Курак. Король Филии, привыкший к зною песков и яркости южных красок, чувствовал себя неуютно в этой пещере вечной ночи. Он молча наблюдал, как его северный союзник водит пальцем по строчкам, пытаясь разгадать смысл символов. Язык великанов был сложен, но магия Горма помогала понимать его суть.

Сам Горм сидел на простом каменном табурете. Его древнее тело казалось ещё более хрупким в этом окружении вечности. Он не читал — он помнил. И сейчас он говорил, а его слова были живым дополнением к мёртвым письменам на шкурах.

— Первая битва была не здесь, — голос вождя был тихим, похожим на шелест песка в каньоне. — Она была на Полях Вечной Мерзлоты. Тогда мы ещё не знали его истинной силы. Мы думали, это просто сильный вожак, обезумевший от жажды власти. Мы вышли против него с дубинами и копьями из мамонтовой кости.

Горм прикрыл глаза, и его когтистая рука сжала посох.

— Он смеялся над нами. Не голосом. Холодом. Он просто выдохнул, и воздух превратился в лёд. Наши копья стали хрупкими, как стекло. Дюжина лучших воинов рассыпалась ледяной пылью за один миг. Мы поняли: сталь и мускулы здесь бессильны.

Эрвин оторвался от свитка. На пожелтевшей коже был изображён великан с искажённым от ярости лицом, вокруг которого вихрем кружились чёрные осколки льда.

— Значит, вы поняли, что нужна магия, — произнёс он.

— Верно, — кивнул Горм. — Мы — народ камня и льда. Наша сила — в земле. Мы ушли в самые глубокие пещеры, куда не проникает солнце. Мы призвали духов гор. Это было нашим последним шансом.

Вождь указал на другой свиток, где была нарисована сложная спираль.

— Это Печать Равновесия. Древний ритуал. Он требует не силы мышц, а силы духа и единства. Десять старейшин отдали свои жизненные силы, чтобы напитать заклинание. Мы не могли убить его — его душа была черна и сильна. Но мы смогли сковать его сущность.

Горм замолчал, глядя на светящийся кристалл в центре зала.

— Мы создали тюрьму из чистого льда, рождённого из магии земли и воздуха. Лёд Вечности. Он не тает от огня и не ломается от удара молота. Он существует вне времени.

Курак сделал шаг вперёд.

— Но если лёд вечен, как он мог быть разбит сейчас? — спросил он.

Вождь медленно перевёл на него свой янтарный взгляд.

— Потому что любая тюрьма имеет ключ, — глухо ответил Горм. — И этот ключ — вера и единство тех, кто его создал. Восемь тысяч лет наш народ хранил верность заветам предков. Мы были едины.

Он тяжело вздохнул.

— Но время идёт. Память стирается. Молодые великаны... они стали забывать о цене свободы. Они стали разобщены. Каждый клан живёт сам по себе. Вера ослабла. А где слабеет вера, там истончаются и оковы магии.

В пещере повисла тяжёлая тишина.

— Кто-то помог ему, — уверенно сказал Эрвин, глядя на руны. — Свитки говорят о всплеске тёмной энергии перед тем, как лёд треснул. Это был не просто износ заклинания. Это был направленный удар.

Горм медленно кивнул.

— Ты прав, чужеземец. Наш враг не только тот, кто сидит во льду. У него есть слуги в мире живых. Те, кто желает его возвращения.

Горм замолчал, и в гроте повисла такая тишина, что стало слышно, как где-то в глубине горы капает вода. Его слова о «слугах в мире живых» повисли в воздухе, словно ядовитый туман. Эрвин медленно отложил свиток, его лицо, обычно суровое и непроницаемое, теперь выражало глубокую тревогу. Курак лишь крепче сжал челюсти, его янтарные глаза сузились.

— Слуги? — переспросил Эрвин, нарушая молчание. — Ты говоришь о предателях среди твоего народа? Или о ком-то ином? О людях?

Горм медленно поднял на него свой древний взгляд. В нём не было гнева, лишь бездонная усталость восьми тысяч прожитых лет.

— Я не знаю, человек, — его голос был подобен шороху осыпающегося гравия. — Но я чувствую их тень. Она легла на лёд одновременно с его пробуждением. Это не великаны. Наш народ, даже заблудшие, слишком примитивны для такого коварства. Это... что-то более тонкое. Более древнее, чем ваши короны, но более молодое, чем я.

Вождь с трудом поднялся со своего табурета. Его скрюченная фигура отбрасывала на стену огромную, дрожащую тень.

— Я — Горм. Я помню времена, когда солнце было ярче, а лёд был лишь украшением гор, а не тюрьмой для мира. Я видел рождение этого зла и я видел его первое поражение. Я был там.

Он подошёл к стене и провёл морщинистой ладонью по высеченным рунам.

— Когда он вернулся, назвав себя Королём Мрака, он не создавал чудовищ. Он действовал тоньше и страшнее. Он овладевал разумом. Он проникал в мысли наших вождей, нашёптывая им о власти и славе. Он не менял их тела, он осквернял их волю. Великан, которого ты знал всю жизнь, брат или отец, вдруг становился чужим. Его глаза оставались прежними, но в них поселялся холод. Он смотрел на тебя и выполнял приказы того, чьего лица никто не видел.

Горм повернулся к слушателям, и в его голосе зазвучала давняя боль.

— Мы сражались не с армией монстров. Мы сражались с кошмаром, где каждый враг мог оказаться твоим другом. В той последней битве, у подножия Шпиля Мира, земля стала красной от крови великанов. Брат убивал брата, сын — отца, и все они были лишь марионетками в руках кукловода. Я сам вонзил своё копьё в грудь своего лучшего друга, когда его глаза стали пустыми и белыми от чужой воли.

Он замолчал, заново переживая ту древнюю боль.

— Чтобы создать Печать Равновесия, потребовалась не просто магия. Потребовалась жертва. Десять старейшин, десять мудрейших сердец нашего народа, вошли в сердце ледника и отдали свои жизни, чтобы сплавить свою волю с вечным холодом. Они стали фундаментом его темницы. Их крики до сих пор иногда слышны мне в вое метели.

Горм подошёл к светящемуся кристаллу и коснулся его посохом. Камень отозвался тусклой вспышкой.

— С тех пор я — хранитель. Я — память. Я ждал. Я знал, что лёд может треснуть. Но я надеялся... глупо надеялся... что это случится, когда меня уже не будет.

Он посмотрел на Эрвина и Курака, и в его взгляде впервые промелькнуло что-то похожее на мольбу.

— Теперь вы знаете правду. Вы знаете цену нашей свободы и причину вашего плена. Мы не враги вам. Мы — два народа, стоящие на краю одной и той же пропасти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.